

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

*И.А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4*

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2021

Периодичность 4 номера в год

*Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д.Ю. Шапсуговым*

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по отрасли: 12.00.00 – юридические науки

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 76204 от 02.08.2019 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ, почетный доктор Ереванского университета «Манц» **Шапсугов Д.Ю.** (директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Краковский К.П.** (профессор кафедры государственного права Института государственной службы и управления РАНХиГС, зам. главного редактора, г. Москва); доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П.П.** (заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Овчинников А.И.** (заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Шатковская Т.В.** (профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **Егорова М.А.** (профессор кафедры конкурентного права МГЮУ, г. Москва); доктор юридических наук, профессор **Корецкий А.Д.** (заведующий кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Момотов В.В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Овсеян Ж.И.** (заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Свечникова Л.Г.** (профессор кафедры истории государства и права Кубанского государственного университета, г. Краснодар); кандидат юридических наук **Супатаев М.А.** (ведущий научный сотрудник ИГиП РАН, г. Москва); доктор юридических наук, профессор **Авакян Р.О.** (ректор Ереванского университета «Манц», академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); доктор юридических наук, профессор **Алиев А. И.** (декан юридического факультета Бакинского государственного университета, г. Баку); доктор исторических наук **Алиева С.И.** (заведующая отделом «История азербайджанско-российских отношений» Института истории им. А. А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку); доктор исторических наук, профессор Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Высшее Общество по Турецкой Культуре, Языку и Истории имени Ататюрка, Президент Центра исследований имени Ататюрка, Турецкая Республика, г. Анкара); доктор права, университетский профессор **Шелухин С.И.** (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк)

Редакционный совет

доктор юридических наук, профессор **Акопов Л.В.** (заведующий кафедрой «Основы правоведения» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Бойко А.И.** (заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л.И.** (профессор кафедры международного права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Казинян Г.С.** (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); доктор юридических наук, профессор **Исмаилов М.А.** (заведующий кафедрой истории государства и права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала); доктор юридических наук **Исмаилов Х.Д.** (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю.А.** (профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); кандидат юридических наук **Радачинский Ю.Н.** (доцент ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Фаргиев И.А.** (председатель Верховного Суда Республики Ингушетия, г. Магас)

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216;
тел.: (8-863) 203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2021, № 2

16+

© ЮРИУ РАНХ и ГС. 2021

“To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4/ 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 2, 2021

Regularity 4 times a year

Published since 1997

*was founded
by Doctor of Law, professor
D. Y. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 12.00.00 – jurisprudence*

Registration number ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019 of Federal Service for Supervision of communications, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Founder – Federal state budget educational institution of higher education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF, Honored Doctor of Erevan University "MANTS" **Shapsugov D.Y.** (Director of Legal Research Center of URIU RANEPА, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K.P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPА, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P.P.** (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A.I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T.V.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law **Egorova M.A.** (professor of the Department of competitive right of MGYuU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A.D.** (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V. V.** (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh.I.** (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Svechnikova L.G.** (professor of the Department of State History and Law of Kuban State University, Krasnodar); Candidate of Law **Supataev M.A.** (leading fellow researcher Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R.O.** (Rector of Erevan University "MANTS", Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, professor **Aliev A.I.** (Dean of Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S.I.** (Head of the Department "The History of Russian Azerbaijan relations" in the Institute of History named after A.A. Bakhihanova in National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Atatürk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York)

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L.V.** (Head of the Department «The fundamentals of jurisprudence», the Don State Technical University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A.I.** (Head of the Department of Criminal Legal disciplines of URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L.I.** (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Kazinyan G.S.** (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor **Ismailov M.A.** (Head of the Department of history of state and law of the Dagestan state university, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh.D.** (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Y.A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Y.N.** (associate professor, URIU RANEPА, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Fargiev I.A.** (Chairman of the Supreme Court of the Republic Ingushetia, Magas)

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54, room 216

Tel: 8-863-203-63-89,

e-mail: yurvestnik@mail.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.....	9
Ю.В. Сорокина ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА	9
Л.В. Акопов СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРАВО	16
Х.Д. Исмаилов ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ	22
А.М. Аланти-Цалиев РЕГУЛЯТОРНАЯ ПОЛИТИКА: ОТРАЖЕНИЕ В ОСЕТИНСКОМ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ И ПРАВОСОЗНАНИИ.....	35
М.Н. Абдуллаев К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ – СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)	43
М.М. Канаев ПРОБЛЕМА НЕСОВЕРШЕНСТВА ЗАКОНА В ТРУДАХ И.А. ПОКРОВСКОГО	49
К.П. Краковский СТАЛИНСКИЙ ТЕРРОР ПОД «ЮРИДИЧЕСКИМ МИКРОСКОПОМ» ИЛИ «ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ» (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ, СПРОВОЦИРОВАННЫЕ МОНОГРАФИЕЙ В.М. СЫРЫХ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА: ПО ДИРЕКТИВАМ ПАРТИИ, НО ВОПРОТИВ ПРАВУ». М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2020).....	54
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРАВА.....	67
П.П. Баранов ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН	67
Э.А. Безуглый, В.В. Ткаченко, В.В. Шумский ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ И ИНСПЕКТОРА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА АДМИНИСТРАТИВНОМ УЧАСТКЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	74
В.М. Большакова, А.А. Аношин, Д.В. Каверин АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПОДДЕРЖКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ УДОБРЕНИЯ	81
Е.А. Бондарева ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК	89
А.К. Саркисян АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО	97
М.С.М.А. Аль-Таие ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ИРАКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	101
А.А. Новикова ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК РОССИИ В ПЕРИОД С 1990-Х ГОДОВ.....	108

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	116
<i>Л.И. Волова</i>	
НОВЕЛЛЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ МОДИФИКАЦИИ НОРМ VI РАЗДЕЛА ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ ГК РФ	116
<i>Т.В. Новикова</i>	
ИСТОКИ ПРИЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ АВТОНОМИИ ВОЛИ КАК ПРИНЦИПА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА.....	123
ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....	131
<i>Т.В. Шатковская, Е.И. Гончаров</i>	
ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	131
<i>С.Ф. Мерзеханов</i>	
ПРИНЦИП ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СУДА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	135
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	140
<i>И.Р. Бегишев</i>	
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОЗДАНИЕ И (ИЛИ) РАСПРОСТРАНЕНИЕ РОБОТОВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	140
<i>Е.А. Пащенко, А.Г. Сарибекян</i>	
МАНИПУЛЯТОРНОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В СОВЕРШЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ПРИЗНАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА	149
<i>Ш.Т. Смайлиев</i>	
МИГРАЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭКСТРЕМИЗМА.....	153
СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА	161
<i>О.Г. Ломидзе, Э.Ю. Ломидзе</i>	
ОСНОВНЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПОРУЧИТЕЛЬСТВЕ (ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ПОРУЧИТЕЛЬСТВЕ» ОТ 24 ДЕКАБРЯ 2020 ГОДА № 45)	161
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	168
<i>В.В. Соловьева</i>	
II ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ СОЧИНСКОГО ИНСТИТУТА (ФИЛИАЛА) РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ «ПРАВА И СВОБОДЫ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ»: ОБЗОР МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	168
<i>Т.В. Шатковская, Ю.Н. Радачинский, Н.В. Брюханова</i>	
X МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ПРОЕКТУ «ПРАВОВОЙ МИР КАВКАЗА».....	172
К ЮБИЛЕЮ В.М. СЫРЫХ	173
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	175

CONTENTS

PROBLEMS OF THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE	9
<i>Sorokina Yulia Vladimirovna</i>	
PHILOSOPHICAL AND LEGAL JUSTIFICATION OF SOCIAL INEQUALITY.....	9
<i>Akopov Leonid Vladimirovich</i>	
JUSTIS AS LAW.....	16
<i>Ismailov Khayyam Jabrail oglu</i>	
THE IDEA OF JUSTICE IN POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF NIZAMI GANJAVI.....	22
<i>Alanti-Tsaliev Alexander Mikhailovich</i>	
REGULATORY POLICY: REFLECTION IN OSSETIAN COMMON LAW AND LEGAL CONSCIOUSNESS.....	35
<i>Abdullaev Magomedzapir Nurmagedovich</i>	
ON THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE STATEHOOD OF A REPUBLIC - A SUBJECT OF THE FEDERATION IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN).....	43
<i>Kanaev Mikhail Mikhailovich</i>	
THE PROBLEM OF THE IMPERFECTION OF THE LAW IN THE WORKS OF I. A. POKROVSKY.....	49
<i>Krakovskiy Konstantin Petrovich</i>	
THE STALINIST TERROR UNDER THE "LEGAL MICROSCOPE" OR " THE LEGAL LOOKING GLASS OF SOVIET HISTORY " (REFLECTIONS ON THE STALINIST REPRESSIONS PROVOKED BY V. M. SYRYKH'S MONOGRAPH "THE LEGAL NATURE OF THE STALINIST TERROR: ACCORDING TO THE DIRECTIVES OF THE PARTY, BUT CONTRARY TO THE LAW". MOSCOW: YURLITINFORM, 2020).....	54
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND EDUCATIONAL LAW	67
<i>Baranov Pavel Petrovich</i>	
PROBLEMS OF LIMITING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS.....	67
<i>Bezugly Eduard Alexandrovich, Tkachenko Vladimir Vasilyevich, Shumskiy Viktor Vasilyevich</i>	
THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF PREVENTIVE ACTIVITIES OF POLICE COMMISSIONERS AND INSPECTORS ON AFFAIRS OF MINORS IN ADMINISTRATIVE AREA (ON THE EXAMPLE OF THE BELGOROD REGION)	74
<i>Bolshakova Valentina Mikhailovna, Anoshin Anton Alexandrovich, Kaverin Dmitry Viktorovich</i>	
ANALYSIS OF STATE MEASURES TO SUPPORT INDUSTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR IMPACT ON ENTERPRISES PRODUCING MINERAL FERTILIZERS.....	81
<i>Bondareva Elena Aleksandrovna</i>	
FEATURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT ...	89
<i>Sarkisyan Aramais Kadzhikovich</i>	
CURRENT PROBLEMS OF BRINGING THE ARBITRATION MANAGER TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY	97
<i>Al-Taiyeh Moatez Salam Mohammed Ali</i>	
LEGAL BASES OF STATE POLICY IN THE FIELD OF EDUCATION IN RUSSIA AND IRAQ: COMPARATIVE ANALYSIS	101
<i>Novikova Anastasia Anatolyevna</i>	
FEATURES OF LEGAL SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF LIBRARIES OF RUSSIA SINCE 1990	108

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW	116
<i>Volova Larisa Ivanovna</i>	
NOVELTIES OF CONFLICT-OF-LAWS REGULATION OF CROSS-BORDER CONTRACTUAL RELATIONS AFTER THE MODIFICATION OF THE NORMS OF SECTION VI OF THE THIRD PART OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	116
<i>Novikova Tatiana Vasilyevna</i>	
ORIGINS OF ACKNOWLEDGEMENT BY NATIVE LEGISLATION OF AUTONOMY OF WILL AS PRINCIPLE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW	123
PROBLEMS OF PROCEDURAL LAW	131
<i>Shatkovskaya Tatiana Vladimirovna, Goncharov Evgeniy Ivanovich</i>	
ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS	131
<i>Merzekhanov Said Fakhrudinovich</i>	
PRINCIPLE OF THE PROCEDURAL ACTIVITY OF THE COURT IN THE ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDINGS	135
PROBLEMS OF CRIMINAL LAW	140
<i>Begishev Ildar Rustamovich</i>	
CRIMINAL LIABILITY FOR THE CREATION AND (OR) DISTRIBUTION OF ROBOTS INTENDED FOR THE PURPOSE OF COMMITTING CRIMES.....	140
<i>Pashenko Elena Anatolievna, Saribekyan Artur Grachikovich</i>	
MANIPULATIVE INVOLVEMENT IN THE COMMISSION OF VIOLENT AND TERRORIST CRIMES AS A SIGN OF THE SOCIOCULTURAL CRISIS OF SOCIETY.....	149
<i>Smailiev Shamil Timurovich</i>	
MIGRATION AS A DETERMINANT OF EXTREMISM	153
JUDICIAL PRACTICE.....	161
<i>Lomidze Olga Georgievna, Lomidze Eduard Yuryevich</i>	
THE MAIN POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON SURETY (ACCORDING TO THE RESOLUTION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION "ON SOME ISSUES OF RESOLVING DISPUTES ABOUT SURETY" DATED DECEMBER 24, 2020 № 45)	161
SCIENTIFIC LIFE.....	168
<i>Solovieva Valeriya Vyacheslavovna</i>	
II LEGAL READINGS OF THE SOCHINSK INSTITUTE (BRANCH) OF THE RUSSIAN UNIVERSITY OF THE PEOPLE'S FRIENDSHIP "RIGHTS AND FREEDOMS IN THE SOCIAL AND LAW STATE": review of the interuniversity scientific and practical conference.....	168
<i>Shatkovskaya Tatiana Vladimirovna, Radachinsky Yuri Nikolaevich, Bryukhanova Natalya Vladimirovna</i>	
X INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE ON THE RESEARCH PROJECT "LEGAL WORLD OF THE CAUCASUS"	172
TO THE ANNIVERSARY OF V.M. SYRYKH.....	173
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES	175

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Сорокина Юлия Владимировна доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Воронежский государственный университет (394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1), зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (394018, Россия, г. Воронеж, Московский просп., 143).
E-mail: yulia_sor@mail.ru

Аннотация

В представленной работе исследуются проблемы происхождения неравенства в обществе, автор анализирует взгляды мыслителей, которые объясняли происхождение неравенства. Рассматриваются концепции философов, социологов, юристов, которые обосновывали необходимость и полезность неравенства, считая это состояние условием правильного и гармоничного развития общества. Также автор доказывает неизбежность стратификации общества в настоящее время.

Ключевые слова: равенство, неравенство, стратификация, элиты, общество, государство, концепция традиционализма, внутрикастовое равенство, Платон, Аристотель.

Осмысление таких явлений, как равенство и неравенство началось еще в Древности, как на Западе – в Древней Греции, так и на Востоке – прежде всего в учении Конфуция. Дело в том, что ко времени философских рефлексий по поводу равенства и неравенства уже сложилось зрелое стратифицированное общество как на Западе, так и на Востоке. Но как бы не были отдалены стратифицированные общества от обществ не столь сложно организованных, где имело место социальное равенство, память о золотом веке присутствовала во всех легендах и мифах всех стран. Реальность неравенства и память о равенстве¹ порождали великие идеи, как обосновывающие необходимость неравенства, так и великие эгалитаристские идеи. Но эти последние всегда оказывались утопическими. Одни остались на бумаге, другие были внедрены в практику и явили наглядные примеры несостоятельности.

Не отступая от традиций исследований, обратимся к философам Древности и Средневековья. Во времена Древнего Египта, Античности, Средних веков стратификация не была столь сложной как в настоящее время. Она сводилась к бедности и богатству, власти и подчинению, свободы и несвободы.

Уже тогда мыслители понимали несправедливость неравенства людей. Платон восставал в своих произведениях против рабства и выступал за равноправие мужчин и женщин. Платон высказывал идеи внутрикастового равенства. Правящие классы – философы и воины должны жить как одна семья, не имея никаких поводов к раздорам и спорам по поводу имущества. У них не должно быть ничего такого, чтобы они могли сказать – это мое. Исключение составляли предметы, подлежащие немедленному употреблению. У них нет отдельных домов, закрытых для остальных граждан, ни другого имущества или именина, на которые тот или иной гражданин имел бы свои права. Даже институт семьи, по его мнению, должен быть разрушен, а женщины обобществлены. С другой стороны, Платон предполагал, что женщины могут занимать государственные посты и получать такое же воспитание, что и мужчины.

Принадлежность к группе власть имущих, к слову, не означала безмятежного существования. В частности, в Риме, это налагало много обязанностей и влекло серьезную и правовую,

¹ В безгосударственных обществах абсолютного равенства не существовало, но неравенство было не столь выраженным, а в коллективной памяти осталось именно равенство – Ю.С.

и моральную ответственность за благополучие всего общества и государства. Управленцы, воины, сакральное сословие не могли позволить себе жить свободно и в свое удовольствие. Сенаторов, магистратов Древнего Рима можно назвать трудоголиками, поскольку этого от них требовала гражданская мораль и верность идеалам Римского государства. Праздность элиты осуждалась.

В некотором смысле внутрикастовое равенство соблюдалось в древнеизраильском обществе. В Ветхом завете говорится о милосердии, взаимопомощи между людьми. В частности, иудеям было запрещено давать деньги в рост членам иудейской общины. На седьмой год рабы-иудеи независимо от основания, по которым они попали в рабство, отпускались на свободу.

Но израильтяне отгородились от других народов и считали себя элитой, избранным народом, любимым Богом в отличие от остальных. Милосердие не распространялось на иные общества.

Христианство привнесло идею равенства всех людей перед Богом. Бог всех любит одинаково, милосердия и сострадания достойны все люди независимо от этнической или даже религиозной принадлежности. Конечно, Христианство не ставило целью установление социального равенства. Современная христианская доктрина провозглашает равенство в достоинстве. Имеется в виду, что в стратифицированном обществе каждый занимает свое место и выполняет свои функции. Нет понятия, что кто-то выше или кто-то ниже. Вклад каждого человека в общество делает его достойным.

Аристотеля принято считать классическим защитником рабства. В отличие от Конфуция, поборника меритократии, Аристотель обосновывает рабство природными качествами. В своих трудах он писал, что начало власти и начало подчинения принадлежат к числу не только необходимых, но и полезных условий общественного быта. Так, уже самим рождением определяется различие между теми, кто назначается к подчинению и тем, кто создан для власти. Основание неравенства – высшая или низшая природа. Например, душа властвует, тело подчиняется. Мужчина лучше женщины по своей природе, поэтому он властвует над ней, а она ему подчиняется [1]. Правда в реальной жизни Аристотель не следовал своей концепции. Так, понимая несправедливость рабства, он отпускал рабов на свободу, женился на рабыне, его лучший друг был рабом. В своих работах он стремился, скорее, найти причину рабства, отнюдь не считая его справедливым.

На Востоке идею равенства принес буддизм, который постулировал личностное совершенствование. Идеи буддизма, в частности, имели значение для установления (в определенной мере) гендерного равенства. Будда по просьбе своей мачехи разрешил женщинам основывать монастыри, изучать буддизм, посещать школы буддизма. То есть он признавал за женщинами право постижения мудрости.

Правда наряду с буддизмом на Востоке – Китае, Корее, отчасти в Японии, получило распространение учение Конфуция, который выстроил картину иерархичного патриархально-патерналистского общества, где основным принципом стало деление на «Старших» и «Младших» [10]. Государство по Конфуцию было моделью макросемьи, где власть императора должна восприниматься как власть Отца. Модель семейных отношений переносится на правящих и подданных, где младшие зависят от старших. Неравенство для Конфуция стало красной нитью в его доктрине. Он по отношению к народу употреблял такие эпитеты, как «тёмные люди», «простолюдины», «низкие», которые должны подчиняться «старшим», «высшим». В то же время, как уже говорилось, неравенство не порождается богатством или происхождением. Основой стратификации явилась меритократия. То есть аристократия по Конфуцию – это те люди, которые пошли по пути постижения добродетели и знания. Если мужчине удастся сдать экзамен на государственного служащего, то он попадал в касту «высших», а его будущее связано с управлением. К слову, Конфуций не стремился унижить «младших». В своей концепции он выстраивал абсолютно идеальное общество, где «старшие» заботятся о «младших», например, если Сын Неба не думал о благе своих подданных, то совет из высших чиновников мог потребовать у него отказ от престола [9].

В 395 году до н.э. чуский политик Юй Уюй произнес речь, в которой дал четкое описание строения общества по вертикали: «Низы служат верхам, а верхи служат духам. Поэтому князь считает вельможу в ранге гуна своим рабом; гун считает вельможу в ранге даду своим рабом, даду считает благородного ши своим рабом. Ши считает того, кто из группы низших

служащих цзао своими рабами, цзао считает носильщиков своими рабами. У лошади есть коных, у волов – пастух. Во всей этой пирамиде каждый должен быть рабом вышестоящего, и считать своим рабом того, кто стоит ниже» [9]. Естественно, что в подобной ситуации найти автономного человека было просто невозможно. Каждый был встроены в систему.

Обратимся на Запад, в частности, к великому теологу – Августину Блаженному. Его концепцию можно назвать идеей «гармоничного неравенства». Она была почерпнута у Пифагора, Платона и теологически интерпретирована в главном трактате св. Августина – «О Граде Божием» (De Civitate Dei) [4]. Устройство человеческого общества предопределено Богом, следовательно, оно совершенно и гармонично. Гармония предполагает неравенство, так как сам акт Божественного творчества мира и человека был утверждением гармонии неравенства. Равенство же ведет к беспорядку и хаосу. Св. Августин не был сторонником рабства и бедности. Он считал, что они не созданы Богом, но обусловлены греховной природой человека. Против них поэтому нельзя выступать, а нужно принять как данность. Социальное неравенство и связанные с ним страдания приближают душу к Вечности, а стремление к богатству и славе есть проявление греховности, которое отдаляет человека от Бога.

Другой великий теолог Фома Аквинский также оправдывал социальное неравенство, полагая, также как и св. Августин, что оно есть проявление гармонии и необходимо для существования социума. Неравенство на земле есть отражение иерархичности Божественного порядка.

Там, где существует обоснование неравенства, неизбежно появляются теории элит. Первым, кто во весь голос заговорил об элитах, стал Фридрих Ницше [7].

Прежде всего Ницше отвергает Христианство с его концепцией сострадания. Это последнее способствует упадку энергии общества и действует угнетающим образом. Да и само христианское сострадание он считает лицемерным, поскольку затушевывает правду о человеке. А правда в том, что человек – это дикое животное, и христианство не исправит его природу. Кроме того, христианство стало религией низших, «подонков» тогдашнего общества.

Культура представляет собой область и результат деятельности элитарного человека, наделенного высокой жизненной энергией и свободного от предустановленной морали. Этот элитарный человек, Сверхчеловек – абсолютно свободная личность, которая смело берет на себя ответственность за свои решения и поступки. Он творит историю и культуру, устанавливает правила для ведомых людей.

Сверхчеловек изолируется от толпы. Его жизнь проходит в сфере элитарной, «эстетизированной» культуры, то есть культуры, обращенной в будущее и созданной для избранных – людей-господ. При этом Сверхчеловек – это не просто идея, это реальный феномен. Так, сверхлюдьми были Наполеон, Октавиан Август, Юлий Цезарь, Александр Македонский.

Основная черта Сверхчеловека состоит в приверженности принципу «любви к превратностям судьбы». Он принимает жизнь такой, какая она есть, со всей болью и скорбью, которые находят отражение в элитарной культуре. Его культура – это культура героического пафоса, воли к жизни, свобода духовной самореализации.

Достойным продолжением идей Ницше стала концепция традиционализма, которую её авторы – французский философ середины XX века Рене Генон и итальянский философ того же времени Юлиус Эвола, назвали теорией упадка. Упадок спровоцирован тем, что общество отказывается от иерархической структуры. А отказ этот есть результат ошибочного утверждения в том, что иерархичность основывается на тирании правящих классов [14]. Истоки Традиции – не в том, что высшие навязывают себя низшим. Настоящий базис традиционной социальной иерархии – ясное осознание низшими слоями сути иерархичности отношений. Не низшие нужны высшим, а совсем наоборот. В основе подлинных иерархических отношений лежит идея, что в некоторых людях присутствует то, что другими воспринимается как идеал, который неясно осознается ими как предчувствие и стремление [13]. Поэтому «обыкновенных» людей фатально влечет к высшим, и подчиняются они ни чему-то внешнему, а своему истинному. «В традиционном мире, с одной стороны, лежит тайна готовности к жертве, героизму и верности, с другой – престиж, авторитет, спокойная сила, неведомая тирану» [14].

Ранее, чем Ю. Эвола, об этом писал Рене Генон: в отношении управляющих и управляемых невозможно существование вторых без первых, причем этим вторым власть просто необходима для нормального существования. Р. Генон выделяет истинную элиту и тех узурпаторов, которые воспользовались демократическими процедурами голосования [6].

Ю. Эвола видит в государстве действие высших одухотворенных сил, которые формально закрепили статус «высших» и «низших» в виде сословий и каст. Государство придало форму «бесформенной жизненной силе» и дало легальное закрепление четырем кастам. Это слуги (рабочие), торговцы и земледельцы, воины, управленцы и жреческая власть. Каждая каста стояла над другой. При этом касты священства, воинов и управленцев являли собой не просто политическую элиту, а именно сакральные сословия. Иерархия основывалась не на экономическом состоянии, а на «степени духовного восхождения через преданность высшим формам» [14]. Упадок в обществе связан с разрушением социальной иерархии. Движение к равенству – это движение к хаосу и упадку. Ю. Эвола подробно обосновывает этапы упадка [14.] Индивидуализм – это апогей разрушения эпохи героев. Он принижает человека и не дает подняться над уровнем человеческой индивидуальности. Из этого вытекает выхолащивание мистического элемента цивилизации. Последняя сводится к совокупности индивидов. К слову, большую роль в отказе восприятия целого и перемене парадигмы взглядов на общество сыграла Реформация. Она провозгласила ценность земной жизни, воссоздала образ индивида, который во главу угла ставит собственные интересы.

Социология, возникшая в XIX веке, отказалась от метафизических объяснений неравенства и конструировала свои концепции с позиций позитивизма, то есть объясняла общественные явления теми процессами, которые происходили в самом обществе. Один из выдающихся представителей социологии Э. Дюркгейм в своем труде «О разделении общественного труда» (1893) доказывал, что во всех обществах при любых обстоятельствах одни виды деятельности всегда считались более важными, чем другие. Так, в одних обществах большую ценность представляло религиозное служение (индуизм, буддизм). В других наиболее престижным считалось воинское ремесло. В настоящее время лицо престижа – это топ-менеджер.

Также Э. Дюркгейм подметил и совершенно справедливо: люди в разной мере талантливы – некоторые больше одарены, чем другие. При обучении эти различия усиливаются. Сравнивая древнее и современное общества, Дюркгейм пишет, что в древних обществах воины и целители имеют самый высокий статус. Сюда, конечно же, надо включать сакральную власть. В современных обществах престижный статус имеют врачи, юристы, инженеры. Но управленцы и военные не потеряли своего высокого общественного статуса. Это же касается и духовных лиц.

Э. Дюркгейм развивал теорию функциональности, смысл которой в том, что стратификация есть результат выполнения лицом определенных функций. То есть функция определяет статус.

Общеизвестную теорию конфликта представил К. Маркс. В основе стратификации лежит участие в присвоении общественного богатства, где у одних оказывается значительная доля материальных благ, в то время как другие остаются малоимущими. По Марксу экономическое богатство обеспечивает господство политическое. Как следствие – нарастает классовый антагонизм. То есть экономическое и политическое расслоение влечет вражду значительных социальных групп.

Согласно теории М. Вебера, в основе неравенства лежит богатство, престиж, власть. Он, в отличие от К. Маркса, отрицал тот факт, что экономика может быть основой стратификации и выделял три компонента неравенства.

Во-первых, имущественное неравенство. М. Вебер отмечал, что богатство означает нечто большее, чем просто заработную плату или иной доход. Богатые зачастую вообще не работают, однако получают большие доходы за счет собственности, капиталовложений, недвижимости или акций. Представители разных классов имеют неодинаковую возможность для получения доходов и товаров [8].

Однако не все дело в богатстве. М. Вебер вводит понятие статусных групп, которые в разной мере пользуются почетом и имеют неодинаковый престиж. Члены статусных групп имеют схожий образ жизни, сходство в манере говорить, сходство в стиле одежды, они устраивают похожие вечеринки, употребляют одинаковые виды напитков. «В противоположность классам статусные группы являются нормальными сообществами. Правда, в большинстве своем они аморфны. В противоположность чисто экономически детерминированной «классовой ситуации» мы понимаем под «статусной ситуацией» любой типичный компонент жизненной судьбы людей, который детерминирован специфическим, позитивным или негативным, социальным оцениванием почести. Такая почесть может обозначать любое качество, оцениваемое большинством

людей, и, конечно же, оно тесно связано с классовый ситуацией: классовые различия самыми разнообразными способами связаны со статусными различиями. Собственность как таковая не всегда признается и в качестве статусной характеристики, но с течением времени она проявляла себя таковой, причем с удивительной регулярностью» [2]. И далее – ««классы» не являются сообществами; они представляют чаще всего только возможную основу совместных действий, и что мы вправе говорить о «классе» лишь в тех случаях, когда некоторое множество людей объединено специфическим причинным компонентом, касающимся их жизненных шансов» [2].

М. Вебер делает вывод, что богатство играет практически ключевую роль в стратификации. Но и престиж, принадлежность к статусной группе имеет огромное значение. Например, в Индии предписывалось царю слушать брахманов, которые не имели имущества, и поэтому им разрешалось просить милостыню. Профессор, священник, госслужащий, юрист имеют более высокий статус в обществе, чем владелец порнографической студии, несмотря на то, что уровень материального благосостояния последнего может быть значительно выше.

Итак, неравенство обусловлено неравным имущественным положением людей и неодинаковым престижем, положением, занимаемым в обществе¹. Ученые также пришли к выводу, что первобытный коммунизм совершенно не означал полного равенства. Социолог Н. Слезер приводит пример в качестве доказательства. В Новой Гвинее папуас, который имеет возможность принимать больше гостей, чем другие жители поселка, занимает более высокое положение в смысле имущественного состояния и престижа. Также в примитивных обществах женщины были немного ниже мужчин, поскольку занимались собирательством и не ходили на охоту². Не видеть этого может только слепой. Причем стремление к стратификации кроется имманентно в природе человека. Стратификация порождает неравенство, понимаемое не в смысле, что одни – лучше, а другие хуже, но, что каждый индивид, проживая в стратифицированном обществе, обладает собственными качествами и делает свой вклад в развитие общества.

Выдающийся мыслитель Питирим Сорокин определяет социальное пространство как некую Вселенную, состоящую из народонаселения земли [12]. П. Сорокин ставит задачу определить место человека в социальном пространстве и решает её путем выяснения отношения индивида к другим себе подобным и отношения к социальным явлениям. Социальная практика выработала естественную систему координат. Составные части метода таковы: 1) указание отношения человека к определенной социальной группе; 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции; 3) отношение данной популяции к другой популяции внутри человечества.

Во-первых, необходимо проанализировать отношение человека к определенной группе людей. Например, лицо, работающее преподавателем, соотносит себя с представителями этой профессии. Во-вторых, необходимо сравнить разные группы. Например, сравнить группы преподавателей и инженеров. И, наконец, сравнить национальные особенности разных народов, то есть провести сравнение одной популяции с другой. Также, чтобы определить статус человека в обществе, необходимо иметь сведения о его семейном положении, гражданской принадлежности, профессии, религии. Сюда же можно включить политические взгляды. Так вот, равенство имеет место там, где люди принадлежат к одинаковым социальным группам, «выполняют идентичную функцию в пределах каждой из этих групп и находятся в идентичном положении» [12]. То есть П. Сорокин также признает именно внутригрупповое равенство. Если положение людей даже в пределах одной группы разное, то вряд ли можно говорить о равенстве.

Но социальное неравенство (по мысли П. Сорокина) имеет не только иерархичный, вертикальный характер. Существует и горизонтальная стратификация, хотя здесь не совсем корректно употреблять слово «неравенство».

Традиционно все же, когда говорят о неравенстве, имеют в виду иерархическую стратификацию. Это значит, что существуют низшие и высшие слои, а сущность неравенства кроется в нескольких положениях. К ним относится неравномерное распределение прав и обязанностей, наличие привилегий, возможность и степень привлечения к ответственности, наличие определенных социальных ценностей, власти, влияние среди членов своей группы и влияние на другие группы. Например, политическая элита влияет на все остальные слои общества.

¹ Имущественное положение в современном мире достигает просто колоссальных размеров. Одни – долларовые миллиардеры, другие экономят, чтобы заплатить за социальное жилье – Ю.С.

² Эта теория в настоящее время вызывает сомнения у ученых-антропологов

Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. В частности, может иметь место экономическое расслоение, если имущественное положение различных индивидов и социальных групп различается. Причем разница может достигать размеров пропасти, что имеет место в подавляющем большинстве стран мира, в том числе в экономически развитых странах. Экономическое неравенство в этом случае имеет место независимо от того, равны ли бедные и богатые перед законом и судом, и обладают ли они равными политическими правами. П. Сорокин пишет: «Никакие этикетки, вывески, устные высказывания не в состоянии изменить или затушевать факт экономического неравенства» [12]. То же касается и иерархичности: «Если в пределах какой-то социальной группы существуют иерархически-различные ранги в смысле авторитета, престижа, званий, почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, начальники), это означает, что такая группа политически дифференцирована, что бы она не провозглашала в своей Конституции» [12]. В таком обществе равенство отсутствует, даже, что касается профессии – одни считаются более престижными, другие – менее.

Таким образом, наиболее значимым считается политический и экономический тип неравенства.

Итак, в основе жизни социума лежит дифференциация, а, следовательно, неравенство, которое издавна сопровождает историю развития цивилизации. Построение общества, где все его члены были бы равны – не больше, чем миф. «Семья, Церковь, секта, политические партии, фракции, корпорации, шайка разбойников, научное сообщество, то есть любая организованная социальная группа всегда расслаивается» [12].

П. Сорокин приводит в пример монашеский орден, созданный св. Франциском, который был задуман как нищенствующее братство равных. Но не прошло и десяти лет, как равенство испарилось¹.

К слову, настоящая трагедия имела место, когда идейные уравниатели получали власть, совершая кровавые революции. Они часто демонстрировали большую жестокость и презрение к массам, чем бывшие короли и правители. Всем известно, как происходили революции 1789 года во Франции, 1917 года в России, где поборники равенства становились диктаторами. Поэтому, конечно, неравенство может означать для многих бедность и несправедливость. Но идея утверждения общества равных есть еще более жестокая идея, которая выливается в несправедливость, бедность и страх.

В конце XIX и в XX веке теории элит зазвучали снова. Главный их постулат: в любом обществе и в любой сфере жизнедеятельности существует немногочисленный слой высшей элиты, который возвышается над остальными.

По мысли В. Парето – элита – это лучшие, избранные, то есть лица, получившие наивысший индекс влияния в обществе. Именно В. Парето ввел термин “elite” – элита [5]. Г. Моска считал, что элиты – это наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть [5].

Испанский философ Ортега-и-Гассет как раз подчеркивал обладание элитой высшим чувством долга [11]. При этом современное видение элитизма состоит в понимании элиты как группы людей, стоящих у власти. Такая элита является наиболее чистой. Однако существует еще понятие «субэлиты». К ней относится экономическая элита (главы корпораций), также лидеры масс, руководители партий и профсоюзов, интеллектуалы, владельцы СМИ, научная элита. Хотя, повторимся, что наиболее точное понимание элиты состоит в том, что группа людей принадлежит к высшим политическим кругам, управляющим государством. За их спинами, как правило, стоит экономическая субэлита. И В. Парето, и Г. Моска говорят об элите в положительной коннотации. Наличие элит органично для любого общества. Поэтому бороться нужно не против элит, а за их качество, чтобы туда входили достойные люди.

Литература

1. Аристотель. Биографический очерк Е.Ф. Литвиновой / В кн. ЖЗЛ. Сократ. Платон. Аристотель. Сенека. М., 2003. 372 с.

¹ Св. Франциск, огорченный и разочарованный этими обстоятельствами, все больше времени проводил в одиночестве или с близкими друзьями вне ордена – Ю.С.

2. Бурлевич Л.А. Экономическая стратификация в концепциях К. Маркса и М. Вебера // Электронный ресурс:<http://www.univer.omsk.su/omsk/socstuds/marks/index.html>
3. Володин К.С. Гаэтано Моска и Вильфредо Парето – обзор теории // Электронный ресурс: ciberleninka.ru
4. Воронцов А.В. История социологии. М., 2013. 412 с.
5. Гарин И. Теория элит В. Парето, Г. Моска, Р. Михельса и др. // Электронный ресурс: <https://proza.ru/2018/07/26/316>
6. Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991. 372 с.
7. Давыдкина А. Ницше как идеолог контркультуры. Влияние философии // Электронный ресурс: <https://proza.ru/2017/12/27/799>
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. 541 с.
9. Конфуций Лунь-Юй / в кн. Классическое конфуцианство. В 2-х томах. М., 2000. 238 с.
10. Мартынов А. Основные категории классического конфуцианства / В кн. Классическое конфуцианство. М., 2000. 241 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания. М., 2003. 214 с.
12. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Электронный ресурс: // <http://litres.com/chitat/ru.Sorokin-pitirim>.
13. Сорокина Ю.В. Актуальные проблемы теории и философии права. М., 2013. 308 с.
14. Эвола Ю. О тайне упадка // В кн. Эвола Ю. Традиция и Европа. Тамбов, 2009. 326 с.

Sorokina Yulia Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Department of Theory and History of the State and Rights, Voronezh State University (1, University Square, Voronezh, 394006, Russian Federation); Head of the Department of State legal disciplines, Voronezh Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (143, Moskovsky avenue, Voronezh, 394018, Russian Federation). E-mail: yulia_sor@mail.ru

PHILOSOPHICAL AND LEGAL JUSTIFICATION OF SOCIAL INEQUALITY

Abstract

The presented work examines the problems of the origin of inequality in society, the author analyzes the views of thinkers who explained the origin of inequality. The concepts of philosophers, sociologists, lawyers, who substantiated the necessity and usefulness of inequality, considering this condition a condition for the correct and harmonious development of society, are considered. The author also proves the inevitability of the stratification of society at the present time.

Keywords: equality, inequality, stratification, elites, society, state, concept of traditionalism, intracaste equality, Platon, Aristotle.

References

1. Aristotel'. Biograficheskiy ocherk E.F. Litvinovoj / V kn. ZHZL. Sokrat. Platon. Aristotel'. Seneka. М., 2003. 372 с.
2. Burlevich L.A. Ekonomicheskiya stratifikaciya v koncepciyah K. Marksa i M. Vebera // Elektronnyj resurs:<http://www.univer.omsk.su/omsk/socstuds/marks/index.html>
3. Volodin K.S. Gaetano Moska i Vil'fredo Pareto – obzor teorii // Elektronnyj resurs: ciberleninka.ru
4. Voroncov A.V. Istoriya sociologii. М., 2013. 412 с.
5. Garin I. Teoriya elit V. Pareto, G. Moska, R. Mihel'sa i dr. // Elektronnyj resurs: <https://proza.ru/2018/07/26/316>
6. Genon R. Krizis sovremennogo mira. М., 1991. 372 с.
7. Davydkina A. Nicshe kak ideolog kontrkul'tury. Vliyanie filosofii // Elektronnyj resurs: <https://proza.ru/2017/12/27/799>
8. Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda. М., 1996. 541 с.
9. Konfucij Lun'-YUj / v kn. Klassicheskoe konfucianstvo. V 2-h tomah. М., 2000. 238 с.
10. Martynov A. Osnovnye kategorii klassicheskogo konfucianstva / V kn. Klassicheskoe konfucianstvo. М., 2000. 241 с.
11. Ortega-i-Gasset H. Beskhrebetnaya Ispaniya. М., 2003. 214 с.
12. Sorokin P. Social'naya stratifikaciya i mobil'nost' // Elektronnyj resurs: // <http://litres.com/chitat/ru.Sorokin-pitirim>.
13. Sorokina YU.V. Aktual'nye problemy teorii i filosofii prava. М., 2013. 308 с.
14. Evola YU. O tajne upadka // V kn. Evola YU. Tradiciya i Evropa. Tambov, 2009. 326 с.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРАВО

Акопов Леонид Владимирович доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой «Основы правоведения» факультета «Юридический», Донской государственной технической университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1).
E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье на основе ретроспективного и актуального анализа идей о соотношении справедливости и права сделан вывод о необходимости приоритетного отношения к справедливости как первоисточнику (естественно-правовой основе) права, включая и его позитивистские характеристики. Автор солидарен с концепцией О.В. Мартышина об особой актуальности научного дискурса по проблеме взаимодействия справедливости и права.

Ключевые слова: справедливость, право, теория естественного права, позитивное право, права человека, правовое государство, социальная солидарность, управление государством, правосознание, ретрибутивная справедливость, закон, природа права, свобода, равенство, идеалы.

Идеи о том, что справедливость должна быть имманентно (естественным образом) присуща праву и регулируемым им социальным отношениям, зарождаются уже на заре цивилизационного развития и содержатся в произведениях Гомера, Гесиода, Сократа, Платона, Аристотеля и многих других мыслителей древности.

Как верно отмечено современным философом А.П. Козыревым, история человечества наполнена поиском все более дифференцированных форм борьбы с несправедливостью и устремлением «к какой-то предельной справедливости, которая должна осуществиться в конце времени»¹. «Анализ философского наследия человечества, – подчеркивает С.Н. Черных, – свидетельствует о том, что взаимоотношения по поводу справедливости – это одновременно правовые отношения. Целью поиска ответа на вопрос «что есть справедливость?» является определение границ как собственных прав, так и таковых других. Данные взаимоотношения характеризуются понятием «правоотношение» [2, с. 15].

По мнению Г.В. Драча, первым раннегреческим философом, связавшим воедино традиционное религиозное представление о силе и власти богов с идеей справедливости, рассматриваемой как божественная сфера, был Гесиод (VIII-VII век до н.э.). «У Гесиода, – пишет Г.В. Драч, – понятие «дикэ» (справедливости) относится к сфере правовой и развивающейся государственной жизни, так же как договор и закон, фемис и диайта» [3, с. 47–48].

Справедливость в ее взаимосвязи с правом толкуется сегодня исследователями различным образом: как общий принцип права (О.И. Цыбулевская), как непосредственно юридический принцип специального назначения (М.Н. Марченко), в качестве неотъемлемого свойства права (Л.А. Морозова), как бинарная категория, сочетающая принцип и свойство права (А.И. Экимов), как нравственно-правовой принцип (Д.Л. Кондратюк); категория общественного сознания и общечеловеческая ценность, связанная с пониманием права (С.А. Иванова). На наш взгляд, следует вести речь не о сомнительной по утверждению О.В. Мартышина идее поглощения справедливости правом [4, с. 6], а о том, что справедливость в демократическом правовом государстве должна предопределять (быть естественным первоисточником) сферы публичных и частных правоотношений.

Опираясь на ретроспективный анализ, попытаемся логически обосновать сказанное. Еще древнегреческий мыслитель Антифонт (V век до н.э.) отмечал: «Справедливость (заключается в том, чтобы) не нарушать законы государства, в котором состоишь гражданином. Так, человек будет извлекать для себя наиболее пользы из применения справедливости, если он в присутствии свидетелей станет соблюдать законы, высоко их чтя, оставаясь же

¹ Воспроизводится по: [1, с. 11].

наедине, без свидетелей, (будет следовать) законам природы. Ибо предписания законов произвольны (искусственны), (веления же) природы необходимы... Многие (предписания), признаваемые справедливыми по закону, враждебны природе (человека)...» [5, с. 320–321].

По мнению О.И.Цыбулевской и Т.В. Милушевой у пифагорейцев справедливость состоит в воздаянии равным за равное и люди в многообразных взаимоотношениях должны придерживаться соответствующего справедливости, а у софистов справедливость – это равенство всех людей [6].

В контексте этих и других суждений ранних философов следует согласиться с выводом Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина о том, что «выдвинутый еще древними мыслителями принцип справедливости и равенства составляет ядро всего современного права, в том числе социальных прав человека»¹.

В своем глубоком анализе диалога Платона «Государство» известный российский ученый В.Н. Карпов резюмировал следующее:

«Управление государством, по учению Платона, есть дело одной и той же справедливости, управляющей жизнью души; поэтому правитель, выходя с своею политикой в среду общества, обнаруживает не что иное, как нравственные правила самоуправления» [8, с. 32]. Весьма примечательно и следующее утверждение В.Н. Карпова, а именно: «Посему начав и окончив свое «Государство» мыслями о справедливости, Платон... доказал, что справедливости ифической даже и отделить нельзя от политической, что та и другая – одна и та же добродетель» [8, с. 30–31]. Определение «ифическое» употребляется в смысле «этическое», означающее непосредственные нравственные проявления или деяния человека и естественные черты его природы.

По Аристотелю необходимейшей задачей государства является решение о том, что полезно и справедливо в отношениях граждан между собой. Как он писал: «Есть нечто справедливое и несправедливое по природе, общее для всех, признаваемое таковым всеми народами, если даже между ними нет никакой связи и никакого соглашения относительно этого» [9].

«Воззрения древнегреческих мыслителей о правах человека, – писал В.С. Нерсисянц, – сформировались в сфере мифологических представлений о том, что полис (город-государство) и его законы имеют божественное происхождение и опираются на божественную справедливость: право вообще и права отдельных людей согласно этим представлениям восходят к божественному порядку справедливости» [10, с. 37]. Он же отмечал, что уже Гераклит (VI – V вв. до н.э.) полагал знание о справедливости, законе частью знания о мире вообще и считал, что в основе всех событий мира «лежит всеобщий божественный логос (разум)- первоисточник человеческой справедливости и права» [10, с. 40].

Примечательно то, как характеризовал справедливость Эпикур (IV- III вв. до н.э.), а именно: «Справедливость, происходящая от природы есть договор о полезном с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда» [11, с. 217].

Симптоматичны и суждения Цицерона, согласно которым в основе права лежит имманентная природе справедливость, трактуемая им в качестве вечного, неизменного и неотделимого свойства природы в целом, а также человеческой природы; соответствие либо несоответствие человеческих законов природе выступает по Цицерону критерием и мерилем их справедливости или несправедливости [10, с. 50, 52].

Известному римскому юристу I-го века нашей эры Цельсу принадлежит определение права как гармонии (искусства) справедливости и добра. В связи с этим его последователь Ульпиан подчеркивал: «Занимающемуся правом следует сначала выяснить, откуда пришло наименование права (ius). Оно восходит к справедливости (iustitia): ведь, как элегантно определяет Цельс, «ius est ars boni et aequae»². «Справедливость, – писал Ульпиан, – есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право. Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит.

¹ Воспроизводится по: [7, с. 13].

² Д.1.1.1. (Дигесты).

Справедливость есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом»¹.

По заключению В.И. Синайского: «Под воздействием...идеи справедливости созда-лось...резкое различие старого римского строгого права (*ius strictum*) и права справедливого (*ius aequum*). Идея естественного права была видоизмененной идеей гражданской, народной справедливости, то есть справедливости, осуществленной в отношениях членов одной и той же гражданской общины» [12, с. 59].

Уместно здесь привести афористичный вывод В.С. Нерсесянца о том, что: «В римской юриспруденции основанием и критерием справедливого, правомерного и правильного в отношениях между индивидом и государством является право (правовая справедливость и справедливое право – *boni et aequi, aequum ius*), а не государство; юридическое правопонимание здесь первично и оно определяет также правовой характер понимания государства (полномочия магистратов, компетенций магистратур и т.д.)» [10, с. 57].

Как верно подмечено Д.И. Кирюхиным: «Для римлян «*jus*»- это нормативное требование, порожденное самой природой вещей, поэтому право (*jus*) воспринимается как порожденное справедливостью (*justitia*), а не наоборот» [13, с. 67]. Этот же автор приходит к выводу: «Идея справедливости для римлян была абсолютной и универсальной. Справедливость – не результат политико-правового развития общества, а его естественное условие, тот горизонт, в пределах которого только и возможно социальное взаимодействие. В римском праве находит свое завершение идущая от греков традиция, которая связывает справедливость с гармонией природы» [13, с. 75].

В подтверждение этого тезиса можно сослаться и на формулу Цицерона, а именно: «Закон есть решение, отличающее справедливое от несправедливого и выраженное в соответствии с древнейшим началом всего сущего – природой, с которой соотносятся все человеческие законы, дурных людей карающие казнью и оберегающие честных» [14, с. 113].

Схожие представления встречаются и у древнекитайского мудреца Мо-цзы, который говорил: «Небо любит справедливость и ненавидит несправедливость. Непременное желание неба – чтобы люди любили друг друга и приносили друг другу пользу. Небо не хочет, чтобы люди ненавидели друг друга и вредили друг другу» [5, с. 202].

Другой китайский мыслитель Сюнь-цзы заявлял: «Необходимо путем воспитания изменять природу человека, обучая его правилам «ли», справедливости и долгу... Все правила «ли» и справедливость созданы совершенномудрыми, а вовсе не возникли из изначальной природы человека...» [5, с. 230, 231]

Интересно, что в некоторых древнеегипетских текстах слово «маат», означающее справедливость, а также правосудие (праведность), добавлялось (как было отмечено Дж.Уилсоном) в качестве нравственного контроля, который должен был сопровождать разум и власть [15, с. 89].

Даже такой весьма сжатый и выборочный экскурс в историю вынесенной в заголовок проблемы позволяет, на наш взгляд, уверенно согласиться с выводом Е.А. Лукашевой : «Вся история этической и политико-правовой мысли, историко-культурное развитие человечества свидетельствует о том, что справедливость всегда привлекалась в качестве оценки действующих правовых институтов и нравственных предписаний...Начиная от религиозно- мифических воззрений древности и до наших дней апелляция к справедливости неизменно присутствует при оценке социально- этических и правовых отношений» [16, с. 139].

Свидетельством этому и мысли-поучения Марка Аврелия (II в. н.э.), как-то: «От брата моего Севера – любовь к ближним, к истине, справедливости...Представление о государстве, которым правят в духе равенства и равного права на речь, с законом, равным для всех, также о единой державии, которое более всего почитает свободу» [17, с. 6].

Его же: «Одно только и стоит здесь многого: жить всегда по правде и справедливости, желая добра обидчикам и лжецам... Все, к чему мечтаешь прийти со временем может быть сейчас твоим, если к себе же не будешь скуп, то есть если оставишь все прошлое, будущее

¹ Д.1.1.10.

поручишь промыслу, и только с настоящим станешь справляться праведно и справедливо. Праведно – это с любовью к тому, что уделает судьба, раз природа принесла тебе это, а тебя этому. А справедливо – это благородно и без обиняков высказывая правду и поступая по закону и по достоинству» [17, с. 35, 67–68].

Обстоятельно анализируя идею ретрибутивной (воздающей) справедливости в своей фундаментальной монографии, Г.В. Мальцев указывает на то, что она была интуитивно предвосхищена еще в глубокой древности, отражена во многих религиозных и нравственных представлениях, а также и на то, что в своем практическом значении ретрибутивная справедливость выступает как этическое, ценностное обоснование общественных мер и санкций, применяемых в ответ на социально значимый добрый или злой поступок, одобряемое или порицаемое поведение [18, с. 232]. Можно таким образом предположить, что справедливость в своей ипостаси в форме выражения социальных правоотношений выступает как мера воздаяния, мера требования и в качестве оценки правомерности поведения их участников. По мнению Т. Воеводиной, право по сути дела должно олицетворять «интегральную справедливость» [19, с. 9].

Весьма интересно определял справедливость в своем «ученом незнании» известный мыслитель и религиозный деятель XV-го века Николай Кузанский, а именно: «Через свою причастность к божественному свету ты усматриваешь справедливость и равенство всего, что содержит в себе единство и связь. Когда закон отступает от единства и связи, он не может быть справедлив. Закон «делай другому то, что хочешь, чтобы делали тебе», представляет равенство единства. Если хочешь быть праведным, ты должен делать только то, что не отступает от равенства, в котором единство и связь» [20, с. 278–279].

Можно согласиться с М.Д. Давитадзе, который пишет: «Право и законы как важнейшие регуляторы общественных отношений должны быть обоснованными, своевременными, актуальными и в высшей степени справедливыми, гуманными, порой суровыми, но одинаково обязательными для всех членов общества, не взирая на статус и положение» [21, с. 140]. Отсутствие либо нарушение справедливости в акте законодательства препятствует признанию закона правовым с позиций приверженцев естественно-правовой доктрины и ставит под сомнение обязательность его соблюдения в обществе. Еще Ш.-Л. Монтескье в своем «Духе законов» утверждал, что «Законам, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений... Отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону» [22]. К сожалению, на практике, чаще всего нормой для принятия «справедливых» решений служит превалирующая концепция позитивистского права.

Вполне понятно почему П.И. Новгородцев писал о том, что право должно выражать «справедливость и свободу, нравственная задача права усмирять злые склонности, обуздывать упорный эгоизм лиц, бороться с несправедливостью и произволом сильных, обеспечивать общее равенство и свободу» [23, с. 556].

Подытоживая вышеизложенное, считаем необходимым солидаризоваться с логически выверенными тезисами О.В. Мартышина, который удачно сформулировал своеобразную концепцию актуальности проблемы и ее аксеологии, а именно: «Справедливость – важнейшая философская и общественная проблема, имеющая особое значение для теории государства и права..., причем значение это возрастает... Справедливость – идеал жизни общества, а, следовательно, государства и права как ее составных частей. Широкое согласие по вопросу справедливости- признак здорового общества и государства- одно из условий нормального функционирования демократических институтов. Этого согласия нет в современной России. Отсюда особая актуальность научной разработки проблемы справедливости, в том числе ее юридических аспектов» [4, с. 14].

Как известно, Всемирный день социальной справедливости по решению ООН начал отмечаться с 20 февраля 2009 г. Очень сильно отдалившееся от идеалов справедливости право современности вновь должно вернуться к опоре на ее приоритет.

Справедливость как право и право, приверженное справедливости имманентным образом, должны быть признаны в качестве подлинных критериев характеристики правового государства в третьем тысячелетии нашей эры.

Литература

1. Тема с философом Алексеем Козыревым: Запрос на справедливость // Российская газета, 2021.4 февраля. №23 (8374).
2. Черных С.Н. Право и справедливость: единство и противоречие в социальном процессе. Автореферат дисс.канд.философ.наук. 09.00.11, Воронеж, 2011.
3. Драч Г.В. Проблема человека в раннегреческой философии. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1987.
4. Мартышин О.В. Справедливость и право// Право и политика. 2000. № 12. С. 4–15.
5. Антология мировой философии. Т.1, Ч.1. М., 1969. С. 320–321.
6. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. Том 17. № 5. С. 52–59.
7. Стандарт справедливости // Российская газета. 2007. 8 июня. № 122(4385).
8. Государство / Платон; [перевод с древнегреческого В.Н. Карпова]. М.: Эксмо, 2019 (Введение).
9. Rfyet/A13/1373b6 (пер.Платоновой).
10. Права человека: Учебник для вузов/ Отв.ред.чл.корр.РАН д.ю.н Е.А. Лукашева. М.: Изд-во НОРМА, 2003.
11. Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура [Общ.ред. и вступ.ст. проф. М.А. Дынного]: Акад.наук СССР, Ин-т философии, Госполитиздат, 1955.
12. Синайский В.И. История источников римского права. Варшава, 1911.
13. Кирюхин Д.И. Справедливость как aequitas и justitia в философско-правовой мысли Древнего Рима // Вестник Моск.ун-та. Серия 7. Философия. 2013. № 3. С. 63–77.
14. Цицерон М.Т. Диалоги: О государстве. О законах/ Подгот.: И.Н. Веселовский, В.О. Горенштейн, С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966.
15. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. Пер. с англ. Т.Н. Толстой. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.
16. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2011. 384 с.
17. Марк Аврелий Антонин. Размышления, пер. А.К. Гаврилова. АН СССР. Литературные памятники. Издательство «Наука», Ленинградское отделение. Ленинград, 1985.
18. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 736 с.
19. Татьяна Воеводина. Право и душа // Литературная газета. 2014. 4-10 июня. № 22 (6465).
20. Николай Кузанский. Об ученом незнании. Сочинения в двух томах. Т. 1. АН СССР. Институт философии, М., «Мысль», 1979.
21. Давитадзе М.Д. Право и справедливость // Вестник Моск. Ун-та МВД России. Юридические науки. 2018. № 4. С. 134–140.
22. Montesquieu Ch. L. Esprit des Lois. Li1. Ch.1 / Paris, 1998.
23. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Изд-во «Пресса», 1991. 640 с.

Akopov Leonid Vladimirovich, Doctor of Jurisprudence, Professor, Head of the Department of "Fundamentals of jurisprudence", Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344010, Russian Federation). E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

JUSTIS AS LAW

Abstract

On the basis of a retrospective and up-to-date analysis of the ideas on the relationship between justice and law, this article concludes that it is necessary to prioritize justice as the primary (natural-legal) source of law, including its positivist characteristics. The author agrees with the concept of O.V. Martyshev about the special relevance of scientific discourse on the problem of the interaction of justice and law.

Keywords: *justice, law, natural law theory, positive law, human rights, legal state, social solidarity, state governance, legal consciousness, retributive justice, law, nature of law, freedom, equality, ideals.*

References

1. Tema s filosofom Alekseem Kozyrevym: Zapros na spravedlivost' // Rossijskaya gazeta. 2021. 4 fevralya. № 23 (8374).
2. CHernyh S.N. Pravo i spravedlivost': edinstvo i protivorechie v social'nom processe. Avtoreferat diss.kand.filosof.nauk. 09.00.11, Voronezh, 2011.
3. Drach G.V. Problema cheloveka v rannegrecheskoy filosofii. Rostov n/D.: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1987.
4. Martyshin O.V. Spravedlivost' i pravo // Pravo i politika. 2000. № 12. P. 4–15.
5. Antologiya mirovoj filosofii. T.1, CH.1. M., 1969. P. 320–321.
6. Cybulevskaya O.I., Milusheva T.V. Spravedlivost' v prave: aksiologicheskij podhod // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2017. Tom 17. № 5. P. 52–59.
7. Standart spravedlivosti // Rossijskaya gazeta. 2007. 8 iyunya. № 122 (4385).
8. Gosudarstvo / Platon; [perevod s drevnegrecheskogo V.N. Karpova]. M.: Eksmo, 2019 (Vvedenie).
9. Rfyet/A13/1373b6 (per. Platonovoj).
10. Prava cheloveka: Uchebnik dlya vuzov/ Otv.red.chl.korr.RAN d.yu.n E.A. Lukasheva. M.: Izd-vo NORMA, 2003.
11. Materialisty Drevnej Grecii: sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura [Obshch.red. i vstup.st. prof. M.A. Dynnika]: Akad.nauk SSSR, In-t filosofii, Gospolitizdat, 1955.
12. Sinajskij V.I. Istoriya istochnikov rimskogo prava. Varshava, 1911.
13. Kiryuhin D.I. Spravedlivost' kak aequitas i justitia v filosofsko-pravovoj mysli Drevnego Rima // Vestnik Mosk.un-ta. Seriya 7. Filosofiya. 2013. № 3. P. 63–77.
14. Ciceron M.T. Dialogi: O gosudarstve. O zakonah / Podgot.: I.N. Veselovskij, V.O. Gorenshtejn, S.L. Utchenko. M.: Nauka, 1966.
15. Frankfort G., Frankfort G.A., Uilson Dzh., YAkobsen T. V preddverii filosofii. Duhovnye iskaniya drevnego cheloveka. Per. s angl. T.N. Tolstoj. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1984.
16. Lukasheva E.A. Chelovek, pravo, civilizaciya: normativno-cennostnoe izmerenie. M.: Norma, 2011. 384 p.
17. Mark Avrelij Antonin. Razmyshleniya, per. A.K. Gavrilova. AN SSSR. Literaturnye pamyatniki. Izdatel'stvo «Nauka», Leningradskoe otdelenie. Leningrad, 1985.
18. Mal'cev G.V. Mest' i vozmezdie v drevnem prave: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 736 p.
19. Tat'yana Voevodina. Pravo i dusha // Literaturnaya gazeta. 2014. 4-10 iyunya. № 22 (6465).
20. Nikolaj Kuzanskij. Ob uchenom neznanii. Sochineniya v dvuh tomah. T. 1. AN SSSR. Institut filosofii, M., «Mysl'», 1979.
21. Davitadze M.D. Pravo i spravedlivost' // Vestnik Mosk. Un-ta MVD Rossii. YUridicheskie nauki. 2018. № 4. P. 134–140.
22. Montesquieu Ch. L. Esprit des Lois. Li1. Ch. 1 / Paris, 1998.
23. Novgorodcev P.I. Ob obshchestvennom ideale. M.: Izd-vo «Pressa», 1991. 640 p.

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Исмайлов доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории
Хайям государства и права юридического факультета,
Джабраил оглы Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку,
ул. Академика Захида Халилова, 23).
E-mail: хаууам-исмаил@mail.ru

Аннотация

Идея справедливости была одной из ключевых тем общественно-политической и философско-правовой мысли, разного рода концепций, различных идейных направлений в истории человечества. Исследования в области истории социально-политической мысли показывают, что идея справедливости никогда не игнорировалась во всех цивилизациях от простых людей до мудрых философов. Эта идея по-прежнему актуальна для разрешения большинства противоречивых, конфликтных и сложных аспектов общественной жизни, потому что нет сферы жизни, в которой не требовалась бы справедливости. По мере развития общества формирование новых социальных отношений открывает новые формы приверженности принципам справедливости в человеческих отношениях. Анализ представлений предыдущих времен о самой справедливости наводит длинный мост между прошлым и настоящим. Следовательно, говоря о справедливости, было бы очень несправедливо не изучать глубоко идеи прошлого. С этой позиции актуальным является обращение к богатейшему наследию политико-правовой мысли выдающегося азербайджанского поэта и мыслителя XII века Низами Гянджеви, давшего сильные импульсы общественному сознанию. Гениальный мыслитель, отличавшийся своим богатым и разносторонним творчеством, особую роль в своих произведениях отводил идее справедливости. Поэтому мы сочли необходимым проанализировать в данной статье ряд политико-правовых аспектов идеи справедливости в творчестве Низами Гянджеви.

Ключевые слова: справедливость, политико-правовая мысль, Низами Гянджеви, мыслитель, ренессансное мировоззрение, общечеловеческие ценности, социальное неравенство, идеальное общество, нравственное совершенство, гуманизм.

С распространением исламской религии в Азербайджане наряду с развитием общественно-политических, социально-экономических и культурных отношений развивалась и политико-правовая мысль. В XI–XII веках, справедливо называемых периодом раннего Ренессанса в литературе Азербайджана, господствовавшие исламская религия и неразрывно связанное с ней исламское право открыли широкий простор для развития разных отраслей науки, в том числе философии, литературы, юриспруденции и т.д. Необходимо отметить, что в указанный период вопросы права рассматривались в тесной связи с другими социальными науками, в частности с философией, т.е., юриспруденция была неотделима от философского мировоззрения. В свете этого произрастала целая плеяда талантливых азербайджанских философов и правоведов, очень популярных также за пределами Азербайджана. К их числу можно отнести знаменитых азербайджанских ученых-правоведов: Абдулхалила Тебризи, Гусейна Бардаи, Абдуллаха Бардаи, Фахраддина Марагаи, Абдулазиза Ушнухи, Абухавса Занджани, Исмаила Гянджеви, Сираджеддина Урмави, Бахманяра аль-Азербайджани, Шихабеддина Сухраварди и др., которые наряду с толкованием исламских законов творчески рассматривали и исследовали вопросы правоведения. Среди выдающихся азербайджанских мыслителей этой эпохи особо выделяется творчество великого азербайджанского мыслителя Низами Гянджеви.

За последнее столетие были проделаны колоссальные усилия для изучения и распространения творческого наследия великого мастера слова, родившегося на свет 880 лет назад. Начиная из 40-х гг. прошлого века до наших дней, было проведено немалое количество мероприятий, посвященных памяти Низами Гянджеви. На основании распоряжения Президента Азербайджанской Республики от 5 января 2021 г., учитывая «исключительное значение

богатого творчества могущественного мастера слова и мысли, призывающего людей к нравственному совершенству и прививающего высокие моральные качества как достижения общечеловеческой культуры»¹, текущий год был объявлен Годом Низами Гянджеви. Исходя из этого, необходимо сосредоточить внимание на той стороне творчества мыслителя, которая потребует более глубокого исследования и анализа, каковой является идея справедливости, выступающая в качестве ориентира во всех жизненных ситуациях и имеющая важное значение для познания особенностей социально-правового развития общества, сути современных проблем.

Выдающийся представитель общественно-политической и правовой мысли XII века Низами Гянджеви был блестящим проповедником идей гуманизма, демократизма, справедливости. Обладая глубоким интеллектом, совершенным и всесторонним научно-художественным, философско-правовым мировоззрением, он вдохнул новую жизнь в понимание сути фундаментальных начал, таких как общество, государство, человечность, справедливость. Основываясь на научные знания, накопившиеся к тому времени, развивая эти знания для уяснения смысла государственно-правовых вопросов, проведя углубленный анализ идей свободы, равенства, справедливости, гуманизма, всеобщего блага, мыслитель раскрывал суть тех явлений, которые могли бы иметь актуальность для последующих исторических этапов развития, тем самым он внес значительный вклад в обновление и развитие общественно-политических и философско-правовых идей не только в Азербайджане, но и во всем мире.

Хотя Низами не писал специальных законченных работ по вопросам права, государства, но сложный процесс эволюции его политико-правовых воззрений отчетливо вырисовывается в произведении «Пятерица» («Хамсе»), которое включало в себя пять гениальных поэм мыслителя – «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искендер-наме». В его трудах можно проследить развитие прогрессивных традиций античной философии, демократическую направленность политических и правовых взглядов мыслителя, эволюцию его взглядов от надежд на просвещенного монарха до провозглашения народоправства. Вопросы развития общества и государства, в том числе различные политико-правовые идеи, охватывающие проблемы правосудия, верховенства закона, социальной справедливости, войны и мира, которые он поднял на уровень философской и политико-правовой теории, остаются актуальными и на сегодняшний день.

Начиная свой творческий путь, Низами ставил перед собой исключительно скромную задачу: рассказать правителям правду о тяжелой участи своего народа и постараться своим поэтическим даром и мудрым словом удержать их от грабежа, насилия, кровопролитных войн [14, с. 62]. С этой позиции он как бы является связующим звеном между народом и правителями. Образованнейший человек своего времени, поэт, мыслитель и ученый, он не только все свои поэтические образы основывал на данных тогдашней науки, но и своими глубокими мыслями и доводами (которые стали результатом исторического пути мыслителя, итогом его неустанных исканий) сам развивал науку.

По мнению исследователей творчества Низами, «он не только опередил свой век, а может, века, подняв важнейшие проблемы, связанные с жизнью и бытом не только мусульманского средневековья, но и создал некий мыслительный вселенский универсум, касающийся всех времен и народов, поставив человека с его судьбой, внутренним духовным миром, психологией, мыслями и чаяниями, чувствами, страданиями и радостями в центр своих размышлений»². Ради достижения особых целей Низами тонко использует разного рода предания.

Гуманистическая концепция Низами, направленная на пропаганду прав человека и их защиты, свободы личности, независимости воли личности, раскрытия духовной сущности Возрождения, одного из поворотных моментов в культурном прогрессе человечества, нашла свое воплощение в его политико-правовых воззрениях, в частности, касающихся вопросов социальной справедливости. По этому поводу верно указал Г. Араслы, утверждавший о том, что «Низами провел в этом успехе всю свою жизнь, желая счастья и независимости народов, их свободы от всякого угнетения и эксплуатации. Низами боролся за права трудящихся. Он прославил свой народ на весь мир и пожелал всем народам равноправной культурной жизни» [1, с. 118].

¹ <https://president.az/articles/49904>

² <https://cyberleninka.ru/article/n/nizami-gyandzhevi-na-vershine-mudrosti>

Проблемы, которые затрагиваются Низами в своих произведениях, где возникают вопросы о самых разных жизненных ситуациях, а также в его мыслях, касательно социально-политических и правовых вопросов, с точки зрения их решения требуют серьезных ответов. Ввиду того, что сам Низами вырос в такой сложной и противоречивой среде, он попытался глубоко осознать смысл существующих противоречий. Эти самые социальные противоречия общественной жизни, а также прогрессивное влияние научной и культурной среды привели к выработке безукоризненной почвы для формирования идей мыслителя о справедливости.

Идеи Низами о справедливости были близки с мировоззрением *суфиев* (средневековые аскеты), которое к этому времени усиленно распространялось во всем Ближнем и Среднем Востоке. Но в отличие от идей *суфиев*, проповедующих справедливость и которые характеризовались своим аскетизмом и пассивностью, Низами никогда не отрывал себя от общества и людей, с этими феноменами связывал все свое существование.

Жизненный путь великого мыслителя полностью отразился в его мыслях и идеях. Прежде всего надо подчеркнуть, что философия жизни Низами не воспринимала низость, подлость, лицемерие и другие низменные чувства. Из его мыслей становится ясно, что со слабой волей и униженным протягиванием руки перед другими нельзя достичь ничего хорошего. Вопросы, с которыми он обращается к обществу, являются очевидным фактом неизменности позиции, неуклонности воли, решимости в жизненной философии мыслителя. Он говорил: «Зачем унижаешься перед мерзкими людьми, превращаясь в посмешище? Почему довольствуешься от жестокости угнетателя, обрекая тяжкого груза на себя?» [12, с. 72].

Указанные мысли Низами идентичны с идеями общества «Ахи» («Братство»). В те времена одна из многочисленных ячеек *Ахийцев*, которые защищали права и интересы народных масс, распространяли идеи равенства и братства между людьми, функционировала в городе Гянджа. Члены этого общества были доброжелательные и самоотверженные люди и за счет собственных средств оказывали помощь не только своим единомышленникам, но и другим беднейшим слоям населения, непрерывно занимаясь благотворительностью. Будучи демократически направленным движением, оно (общество «Ахи») исходило из объективных позиций свободомыслия, вольности в убеждениях и веровании, в целом, свободы человека. По сути, движение *Ахийцев* обладало воинствующим, мятежным характером в борьбе за свои идеалы. Вместе с тем, надо подчеркнуть, что их идеология пронизана духом гуманизма, социальной справедливости, социального равенства, патриотизма. Поэтому их борьба протекала в позитивном русле. Именно из-за этих позитивных качеств *Ахийцев* Низами симпатизировал им.

Стоявший на позициях защитника прав человека и иных демократических ценностей в своем подходе к обществу, в то же время исходивший из гуманистических суждений *Ахийцев*, Низами не мог быть довольным существующей системой, разделившей людей на бедных и богатых, на угнетателей и угнетенных. Ясно представляя себе проблемы, возникающие в обществе, мыслитель считал, что для их решения необходимо перестроиться самому обществу и человеку. Пламенно защищая взаимный союз и единение людей, самостоятельность личности и его всестороннее развитие, в то же время он был уверен, что свобода и счастье человеческого рода, благо каждого и всего общества зависят от взаимной поддержки и помощи людей друг другу без принуждения. По его мнению, чтобы исчезли все злостные намерения, сперва идея справедливости должна глубоко и прочно укорениться в душе человека.

Актуальность взглядов гениального мыслителя, связанных с необходимостью очищения общества, благополучия человека, правопорядка и справедливости для развития государства еще раз подтверждается политико-правовыми, социально-экономическими процессами, происходящими в наше время. Трудно не согласиться с А. Бертельсом, написавшим, что «в наши дни, когда решение главных общественных проблем стало насущной необходимостью и реальной возможностью, мы читаем Низами с иным чувством, чем его современники. За нами еще восемьсот лет опыта всего человечества, мы видим, как гуманизм, активная любовь к человеку постепенно обретала реальность, из абстрактных норм превращалась в общественные институты, закреплялась строем общества. И мы видим одновременно непознанное и несделанное, перед нами стоят проклятые вопросы так же, как они стояли перед Низами.

И мы рады осуществленному, оно дает нам основание с надеждой смотреть вперед и неустанно идти путем добра и правды, которым люди идут с трудом, оступаясь, уже тысячелетия»¹.

Превращение своих гуманистических мыслей в духовно-идеологическое оружие против существующих несправедливостей и всех иных социальных изъянов было основной целью Низами. Его незыблемые, несокрушимые мысли и идеи бесподобны в уличении пороков общества, недостатков социальной жизни. Прежде всего, Низами беспокоился за судьбу человека как наилучшего сотворения Аллаха. Вместе с тем, надо сказать, что беспокойство мыслителя было безгранично, потому что ему были небезразличны не только сам человек, но и судьба всего человечества. В обществе, современником которого он был, тягостная жизнь людей превратилась для него в общечеловеческое беспокойство. Поэтому мыслитель предупреждал чиновников, иных должностных и властвующих лиц государства и пригрозил им на том основании, что их постигнет неминуемое наказание за попрание права трудового и беднейшего народа.

Низами не только грозит карами, возмездием притеснителям, тиранам, которых ждет расправа народа, но и осуждает покорность народа, призывая его расправить плечи и выступить против угнетателей. Его изречение о том, что *«зло будет наказано не только небом, но и землей, ибо есть праведный судья у неба и земли»* [10, с. 327] свидетельствует оправданием мыслителем справедливой борьбы трудового населения против их притеснителей.

Одним из идейных источников его творения – «Хамсе» – было социально-философское учение маздакизма. Прогрессивные положения этого учения конкретно нашли свое выражение в поэме «Семь красавиц». В этом произведении можно узреть основную философскую мысль маздакизма о том, что «материальные блага между членами общества должны быть разделены таким образом, чтобы всем доставались поровну», или «право личности неприкосновенно», либо «закон должен быть един для всех людей» и т.д. Герой данного произведения Бахрам-шах, в годы засухи взломав двери зерновых амбаров и отбирая зерна от спекулянтов, раздавал бедным людям, как бы подражая аналогичным действиям Маздака, совершенным им во времена правителя Губада I.

Социальное неравенство, существующее в обществе, было одним из объектов острого негодования мыслителя. Необходимо подчеркнуть, что наличие в обществе имущественного неравенства как порождение социального неравенства, вследствие которого происходило превращение малой части людей в имущих, сосредоточивших в своих руках несметное богатство, и огромной их части в неимущих, голодных и нуждающихся – не новое явление для истории. Во всех обществах, где воцарилось имущественное неравенство, это было естественным обстоятельством. И выступая против такого несправедливого и неравного положения людей в обществе, Низами предостерегал имущую часть населения, которая всячески притесняла убогих людей и лишала их последнего куса хлеба, о надвигающемся тяжелом испытании (которое может обойтись им дорого, даже ценой собственных жизней) перед теми же людьми, обремененными тяжелой ношей, труд которых не ценился достойно. Стоны и вопли этих людей в конечном счете превратятся в возмездие и мятеж.

Исходной точкой гуманизма и справедливости Низами является именно построение счастливого общества, свободного от всякой эксплуатации, гнета и страдания, противостоявшего и борющегося против угнетения и угнетателей, против тирании и насилия. Мыслитель считал, что единственный и сложный путь к достижению счастья – это свобода и самостоятельность. Именно свобода позволяет индивиду создать для себя необходимые условия жизни и жить в достатке. Следовательно, одним из главных условий для счастья и благоденствия человека является изобилие материальных благ и благополучная жизнь. Однако это одна из сторон счастья. Человек живет не в изоляции, а в обществе и представить его вне общества почти невозможно. Следовательно, для полного счастья необходимо не только собственное благоденствие человека, но и избавление общества от духовно-нравственных и социальных бедствий. Лицемерие, двуличие, криводушие, алчность, эгоизм, лживость являются не только уродливыми формами, обезобразившими нравственность человека, но и в целом оказывают отрицательное влияние на общественные нравы, моральные устои общества.

¹ <http://ebooks.azlibnet.az/book/mNwo1SaR.pdf>.

Свои наставления мыслитель адресует не к тем, кто лишен возможности удовлетворить свои самые насущные потребности, а к обладающим властью людям. Он пытался объяснить власть имущим, что земные блага, такие как богатство, величие, мнимое могущество – ничто по сравнению с истинным величием человека, и что только милосердие, сострадание и гуманизм могут превратить человека в частицу божественной материи. Согласно мнениям низамиеведов, «наиболее эффективным средством обуздать инстинкты Низами считал подвижный образ жизни, воздержанность во всем, переключение всей духовной энергии на созидательный труд, ибо основное назначение человека – созидание, общественно полезная деятельность» [16]. «Во всех своих произведениях мыслитель противопоставляет тиранам-правителям простых людей – землепашцев, городских тружеников, зодчих, ученых, искусных мастеров, кто создает все мирские блага». Мыслитель говорил, что «гармоничным обществом будет лишь тогда, когда благотворительная сознательность овладеет душами власть имущих, когда сердца их будут очищены от всякой телесной скверны – от низменных страстей, от алчности, зависти, властолюбия» [6].

Рассуждения Низами сводились к тому, что в стране, где государственная политика направлена не на установление нормальных взаимоотношений между правителем и подданными, а также государственными чиновниками и населением, а на углубление разрыва их отношений, где повсеместно происходят убийства, грабежи, разграбление имущества обездоленных людей, неуместно говорить о справедливости, равенстве, правде, свободе и гуманности.

По концепции Низами, опирающееся на нравственные устои общество можно построить лишь в том случае, когда все члены общества и, в первую очередь, правители путем самовоспитания все свои усилия направили бы на совершение полезных действий. Законы, ведущие народ к счастливой жизни, государственная забота о личности были утопией мыслителя. Но такому будущему он верил. Это утопия была его предвидением и свидетельствовала о том, что он намного больше опередил свое время. Потому что общество, в котором все были бы равны перед законом, было очень далеко. Это была та общественная жизнь, которую никто из современников Низами не мог предвидеть в XII веке.

Выступая против социальной несправедливости, социального и имущественного неравенства мыслитель называет феодальное общество «злой тюрьмой», в которой правит произвол, беззаконие, отсутствует правосудие и правда, «все черным бесправьем объято» [10, с. 111]. В этом плане интересным будет привести цитату из поэмы «Сокровищница тайн», где высказывается социальный протест против несправедливости, беззакония и гнета: *«Правосудья и правды я вовсе не вижу в тебе; Угнетателя волю я так ненавижу в тебе...Разве дело хощее – грабить несчастных сирот? Человек благородный у нищих добра не берет»* [10, с. 121].

Мыслитель говорит, что беззаконие и неравенство ведут к социальной несправедливости, унижению человеческой чести и достоинства, отрицанию человеческой свободы и независимости через угнетение и деспотизм. Низами выступал против всего, что угнетало и унижало людей. Это может быть не только деспотизм правителей, но и низкие чувства самого человека. Его произведение «Сокровище тайн» правильнее было бы назвать сокровищницей поучительных советов, учебником жизни. В содержании данной поэмы нет единой сюжетной линии, где сосредоточены многочисленные нравоучительные рассказы, осуждающие социальную несправедливость, разоблачающие произвол и насилие власти, а также вышучивающие такие скверные качества человека, как алчность, измена, коварство, безделье, низкопоклонство, раболепие, лживость и т.д.

Относясь с большой симпатией к представителям простого народа, поэт-мыслитель выводит здесь различные яркие образы трудолюбивых, отважных, честных и простых людей, противопоставляя им власть имущих, тем самым передавая обществу посредством этих образов своего рода воспитательный и нравственный посыл. В различных притчах данного произведения («Наставление шаху о защите справедливости», «О благожелательном отношении шаха к подданным», «Повесть о старухе и султана Санджара», «О царе притеснителе и правдивом человеке» и др.) Низами обращается с наставлениями к правителям, которые внемля этим наставлениям, становятся справедливыми, преобразуют свои государства из шахств гнета, произвола в шахства справедливости и правопорядка.

В «Сокровищнице тайн», затрагивая различные стороны современной ему жизни, мыслитель осуждает тёмное начало, утверждает величие человека, красоту жизни, выражая

этим самые передовые гуманистические идеи своего времени. Поэт-мыслитель то гениальным взором окидывает прошлое, то противопоставляет прошлое настоящему, направляя своих читателей к жизни, построенной на принципах гуманизма. Низами приводит поучительные примеры из прошлого человечества, создает разнообразные картины мира, наводящие на раздумья о смысле жизни. Он зовет не к уходу от жизни, а наоборот, советует жить наполненной, содержательной жизнью.

Критикуя общественно-политический строй того времени, т.е. феодальное общество, Низами искал свой политический идеал, и таким идеальным обществом в его творчестве была просвещенная монархия, основанная на принципах справедливости, гуманности, правосудия [8, с. 8]. Идея справедливого, просвещенного, мудрого монарха, заботливо правящего своей страной на благо народа, проповедуется мыслителем во всех его произведениях. В поэме «Семь красавиц» Бахрам-шах, в «Хосров и Ширин» шах Хосров I Аниширван, в «Искендер-наме» Александр Македонский выступают в образе справедливых, мудрых, просвещенных государей, которые заботятся о благоденствии своих подданных, при правлении которых восторжествовала справедливость, восстановились правосудие и законность. По мнению мыслителя, «Угнетение в мире – это не отвага» [11, с. 319]. Смелость правителя состоит в заботе о народе, в правосудии, в совершении добрых и полезных деяний. Несмотря на то, что продвижение благосостояния общества – непростое дело, но именно это должно было стать повседневной заботой правителей. Одновременно он высказывается против войн, осуждает злоупотребления придворных, господствующие среди них роскошь и излишества.

По логике Низами, счастливое будущее государства и благополучие общества неразрывно связаны со справедливостью. Соблюдение условий справедливости, с одной стороны, укрепляет государство, а с другой – обеспечивает равновесие в материально-экономическом и социальном состоянии общества. Мыслитель считал, что справедливость создает гармонию между природой и обществом, и в результате подобной гармонии чуждые обществу элементы вымирают, жизнедеятельность членов общества приобретает свой нормальный ход развития. В таких условиях все, и в целом общество, получают выгоду от человеческого труда. Категория справедливости утверждается мыслителем в качестве постулата государственно-правовых построений, приобретает политико-правовой характер.

Мыслителями всех времен неоднократно подчеркивалось, что несправедливость – это угнетение. Справедливость (в том числе и несправедливость), которую воспевал Низами в «Сокровищнице тайн» как социальное явление, по нашему мнению, имеет двоякую сущность: 1) справедливость, либо несправедливость, проявленные в активной позиции; 2) справедливость, либо несправедливость, как результаты пассивного поведения.

В первом случае превращаясь из внутреннего нравственного намерения в активные внешние действия, справедливость проявляет себя в решении каких-то вопросов. Например, правитель смягчает наказание какого-то провинившегося человека, либо прощает ему вину, или вообще под воздействием патриотических чувств не допускает всякой несправедливости. Во втором случае справедливость проявляется обычно в несовершении каких-то несправедливых действий. Так, человек не совершает невыгодных для других лиц действий (даже в тех случаях, когда внешне это выглядит правильным, но в конечном итоге не может быть выгодным).

В качестве примера можно указать на то, что показателем справедливости могло бы быть сравнительное смягчение законного обращения, замещающегося определенной строгостью и суровостью в действиях правителя по отношению к его подданным. Низами, обращая внимание на данную проблему, наставлял шахам, что перед осуществлением каких-то действий, касавшихся подданных, необходимо всегда посовещаться со своим окружением. Мудрые правители в результате благоразумных советов выдвигали на передний план смягчающие обстоятельства при решении соответствующей проблемы.

Идея справедливости и оценка общественных явлений под углом зрения данной идеи присутствуют во всех его трудах. Сложно найти какое-либо его произведение, где бы ни отстаивались справедливость, социальное равенство. Отстаивание идеи социального равенства распространяется и на женщин. В этом контексте представляется оригинальным его идея о равноправии женщин, которые наделены чертами мудрости, свободолюбия. Женщины-правительницы (в «Хосров и Ширин» – царица Ширин, в «Искендер-наме» – правительница

города Барда царица Нушаба) выступают как мудрые правители, при которых создается благоденствие на земле.

Одной из главных проблем, вызывавшей беспокойство Низами, был антигуманный и несовершенный характер феодальных отношений. Для этих отношений характерно то, что все человечество будто разделено на две большие группы – деспоты и угнетенные, повелевающие и подчиненные, угнетатели и притесненные. Социальная направленность идей Низами дает нам основание полагать, что выделяя две противостоящие группы, их антагонизм и вражду, он прямо и очень четко выражал свое явное отрицательное отношение к группе угнетателей и симпатию к слоям притесненных.

Вместе с тем, Низами указывал, что разделение общества на два противоположных, враждующих лагеря присуще не только его родине, но и всему миру. Он писал: *«Таков уж есть удел всего земного – Ущерб одним и прибыль для другого. Один умрет от жажды, а другой На дне напьется досыта водой»* (10, с. 452). В этой связи следует согласиться с мнением Д.М. Мамедовой, утверждавшей, что «существующие между этими группами отношения, выражаясь современными терминами, феодальные отношения, поэт-мыслитель считает античеловеческими, неестественными, ненормальными, превращая идею необходимости коренного их изменения в лейтмотив своих произведений. Но для него нет абсолютных угнетателей и абсолютных угнетенных, есть лишь конкретные носители этих качеств, которые в зависимости от той или иной ситуации, обнаруживают изменчивость характера, поведения» [7, с. 151].

Хотя Низами не ставил вопрос о ликвидации феодального строя (в силу исторической ограниченности он этого не мог), он преследовал цель изменить существующую реальность и улучшить жизнь людей, создав идею справедливого государственного управления, осуждая нарушение гармоничного развития жизни, хаотическое состояние феодального мира, сопровождаемое ужасными порядками, беззаконием, насилием, произволом. Мечтая о справедливых и мудрых правителях, которые поддержали и обеспечивали бы мирное сосуществование городов и деревень, сами соблюдали и подчинялись бы закону, помогли бы каждому в его мирном труде, способствовали бы благоустройству, процветанию и благополучию страны, развитию торговли и ремесел и т.д., мыслитель одновременно полагал, что общество можно изменить по воле людей, и что человек на земле не живет только для терпения и смирения, а существует для созидания и творческого труда. Ярким подтверждением указанного являются мысли Низами о том, что *«лучше ад и дело, чем рай и лень»* [10, с. 334], *«все в этом мире терпит изменение»* [10, с. 451], *«Созидание – в этой (жизни – Х.И.), а в той – восхваленье»* [12, с. 103].

Низами казалось, под властью справедливого шаха, опирающегося на прогрессивные силы страны, на мудрых людей, возможно осуществить желаемое. Тем не менее, эти идеи не были выдумкой мыслителя, они были обусловлены новыми социальными процессами, идущими в азербайджанских государствах Ширваншахов и Эльдегизов, объединительными тенденциями феодального общества тогдашнего Азербайджана, в результате которых власть концентрировалась в руках указанных государств. Разумеется, было бы неправильно отождествлять период Низами с периодом более позднего времени, особенно с периодом европейского Возрождения, о котором говорил Фридрих Энгельс в связи с его историей: *«Королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и основала крупные, по существу национальные монархии, в которых получили свое развитие современные европейские нации и современное буржуазное общество»* [15, с. 475]. Низами в своих романах отобразил именно эти, еще не очень-то развитые, но растущие тенденции своей эпохи.

В целом, социально-политические и правовые идеи Низами носили гуманистический характер, хотя и испытывали значительное влияние средневекового аскетизма. Выявляя пороки феодального общества, Низами осуждает их и в поисках справедливости обращает свои взоры в прошлое, в период существования греческой демократии, противопоставив эту идеализированную эпоху своей современности. Из содержания произведений Низами становится очевидным, что он был знаком с политическими и философско-этическими трактатами мыслителей прошлого, в частности Платона и Аристотеля (имена которых упоминаются в поэмах Низами), несмотря на то, что мы не находим у него упоминания названий этих трактатов. Предполагается, что на политико-правовое мировоззрение Низами определенное влияние оказали идеи упомянутых древнегреческих мыслителей, но сведения Низами об этих философах (которые в некоторой степени сбивчивы и неточны) не дают полного основания

утвердительно ответить на этот вопрос. Вместе с тем, попытаемся вкратце сравнить взгляды этих мыслителей с воззрениями Низами по поводу гуманизма и справедливости. В частности, воззрения Низами касательно политического равенства созвучны и идеям Аристотеля. Он, так же как и Аристотель, был далек от того, чтобы настаивать на полном политическом равенстве всех граждан. Вспомним хотя бы изречение Низами: «*Подобаєт ли пахарю быть государем?*» [12, с. 181]. Как и Платон в свое время, так и Низами выступает убежденным противником тирании, смертной казни и произвола властей. Мечты Низами, как и у Платона, заключаются в ликвидации борьбы и неприязни внутри государства.

Глубокое изучение мировоззрения этих мыслителей позволяет выявить и существенные отличия между ними. В противовес взглядам Низами, Платон считал, что для недопущения внутренних беспорядков и смягчения социальной напряженности в государственных делах, «необходимо применять равенство путем жребия, причем бога и благу судьбу надо молить, чтобы они устроили судьбу согласно высшей справедливости. Так-то и приходится пользоваться обоими видами равенства, однако тем из них, которым правит случайность, надо пользоваться как можно реже» [13, с. 231-232]. Трудно выдвинуть точку зрения по поводу научности представлений Платона о справедливости в современном понимании этого слова, потому что в них есть и противоречивые суждения, и, конечно, идеологические установки правящего класса.

Разработанная Аристотелем концепция социальной справедливости, выступающая в качестве важного условия для нормального функционирования государства, которое могло бы обеспечить достойную жизнь своим гражданам, более детально и всесторонне охватывает соответствующие вопросы. Он рассматривал справедливость как величайшую из добродетелей, которой «дивятся больше, чем свету вечерней и утренней звезды» [2, с. 147]. В отличие от идеи справедливости Низами, справедливость Аристотеля в большей части связана с распределением имущества, власти, выплат и других благ, принадлежащих всем гражданам с учетом их достоинств и заслуг. Аристотель считал, что лучшим способом недопущения социальных конфликтов, возникающих из-за разнообразного понимания справедливости в разных слоях, является использование количественного равенства (уравнительная справедливость) в одних случаях и геометрического равенства (распределительная справедливость) в других. Он допускал, что равенство справедливо по отношению к благу равных людей, но также полагал справедливым неравенство тех, кто по положению неравен. По мнению мыслителя, приравнивание прав неравных людей было бы несправедливым, и поэтому он оправдывал социальное неравенство, присущее афинской демократии: «*Одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо*» [2, с. 341, 384]. В противовес идеалам Низами, Аристотель выдвигал идею о том, что рабство является обязательным условием государства. Низами утверждал, что Аллах создал всех людей свободными, и природа установила, что все люди должны быть равными в социальном отношении. Он выступал за сбалансированный подход при определении прав и обязанностей людей в системе общественных отношений. Мыслитель полагал, что соблюдая в этом вопросе принцип социальной справедливости, можно достичь и соответствие личных интересов общественным интересам.

Представления Низами о государстве и его происхождении в некоторых случаях согласуются с воззрениями упомянутых нами древних философов. Например, теократическое происхождение государства одинаково обосновано у Низами, Платона и Аристотеля. Однако следует отметить, что подчеркивая религиозно-нравственную основу государства и выдвигая концепцию божественного создания государства (что носит у Низами не догматический, а дискуссионный характер), гениальный мыслитель на передний план выводит важность человеческих навыков, способностей и воли в развитии государства, в достижении совершенного его строя, эффективной управленческой системы. По словам Низами, только разумный человек способен создать политическую систему, которая может обеспечить общее благо и принести всем истинное счастье.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что концепция Низами об идеальном государстве, идеальном обществе отличается от соответствующих концепций, подходов предыдущих мыслителей. В частности, в отличие от идей Платона об идеальном государстве, подобная концепция Низами отличается уровнем его демократичности. Так, Низами представляет идеальное государство как бесклассовое общество, где люди свободны и равны, отсутствуют

угнетатели и угнетенные, частная собственность и методы принуждения. В понимании Низами это – общество свободных людей высокого разума и нравственности, делающих все по убеждению, создающих свой завтрашний день своим повседневным трудом. В этой счастливой стране, где все в равной степени ответственны перед законом, соблюдаются все условия принципа социальной справедливости, ни для кого нет особых привилегий и преимуществ. Каждый, у кого есть способности и умения, в равной степени участвует в управлении государством. Отражающее концепцию всеобщего блага Низами идеальное государство имеет главную цель – обеспечение общего благополучия его жителей, достойный образ жизни, истинное счастье людей, сохранение нравственных ценностей, формирование у людей высокой сознательности, убежденности, высоких моральных качеств, чувство взаимопомощи, уважение к обычаям, традициям, законам.

Что касается идеального государства Платона, то это структура, управляемая лучшими людьми. В этом идеальном государстве преобладает общественное самоуправление, где жители разделены на классы (правитель-философ в качестве главы государства, защитники-воины и производители материальных благ – земледельцы, ремесленники и торговцы). Древнегреческий философ выдвигает идею о том, что для монолитности, несокрушимости идеального государства, необходимо иметь общность имущества, женщин, детей и быта для философов и воинов. Эти идеалы, несомненно, шли вразрез с поступательным ходом истории, с общественным прогрессом. В отличие от платоновского представления о государстве, где одним из основных атрибутов является политическая власть, в соответствующей концепции Низами вообще не упоминается о политической власти. Согласно Платону, даже если идеальное государство, которое он представлял, будет создано, оно не будет длиться вечно, потому что в результате цикличности этапов развития общества (исходя из принципа круговращения внутри цикла) могут произойти неожиданные события. Для Аристотеля также было характерным его понимание бега времени. Он тоже понимал этот феномен как циклический процесс. По сравнению с Платоном в этом отношении Аристотель сделал некоторый скачок вперед, но тем не менее, был далек от идеи историзма. Идеальное государство Низами далеко от идеи цикличности, и оно ориентировано на будущее, мыслитель не беспокоится за его судьбу.

В отличие от Платона и Аристотеля гуманизм Низами более демократичен. Низами не отменяет семью в идеальном обществе, наоборот считает ее неизбежным, важным проявлением с точки зрения развития общества. Он выступает против несправедливых войн, которые приводят к насилию, жестокости, голоду, разорению и порабощению людей, и допускает военные действия только лишь с целью самообороны и восстановления справедливости. Тогда как Аристотель называл войны «охотой» за рабами и вопреки идеалам Низами считал наличие рабства неизбежным, необходимым условием существования государства.

Разумеется, что до возникновения у мыслителя идеи идеального государства он придерживался концепции монархического режима. И в этой концепции был ряд отклонений от официальной идеологии. Монархическую власть он хотел видеть без элементов деспотии и угнетения и все это связывал с просвещенным, цивилизованным и мудрым монархом. Наряду с этим Низами в своем произведении «Семь красавиц» выдвигает и идею народовластия. Он допускает мысль о возможности и реальности избрания правителя народом решением общего схода. Мыслитель полагал, что если шах допускает недостойное поведение в процессе управления страной (*«кровь проливает с наслаждением... учиняет одни лишь притеснения»* [10, с. 387], *«преступные деяния которого народ не мог забыть при всем старании»* [10, с. 378]), то общий сход может объявить его вне закона и избрать мудрого человека из народа. Отсюда следует, что Низами выдвинул идеи демократизации общества, выборности правителей из среды народных масс, которые могут благоразумно и взвешенно управлять государством, справедливо решать все государственные, социально-правовые вопросы.

Необходимо отметить, что одним из важнейших открытий ренессансного мировоззрения можно считать создание своеобразных утопий, выражавших идеалы о человеке и человеческом обществе их создателей – Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Рабле, М. Сервантеса и др. Эти утопии, направленные против законов Средневековья, выражали гуманизм нового времени, связанный с развитием городов. В этом отношении Низами на несколько столетий опередил своих европейских единомышленников, выдвинув более передовые мысли, чем представители

европейского утопического мировоззрения. До конца своей жизни мыслитель увлекался поисками в этом направлении, и это привело к созданию образа идеального правителя – Александра Македонского, а также знаменитой утопии справедливого общества, которая была изложена в произведении «Искендер-наме». Утопическая концепция Низами о справедливом обществе явилась логическим результатом всего его творческого пути.

Как подчеркивает Низами во второй части своего произведения «Искендер-наме», в так называемой «Игбал-наме», высокая нравственность, приверженность к религиозно-моральным нормам и личное воспитание членов этого идеального общества способствуют соблюдению и защите требований справедливости. Основой справедливости здесь является не только нравственная чистота и совершенство его жителей, но также и социальное и имущественное равенство людей, отсутствие эксплуатации, насилия, преступности. Действующие в обществе моральные нормы укоренились так, что они отвергали всякую безнравственность.

В этом идеальном государстве, где нет полиции или судов, где жители не имеют представления о воровстве, лжи и мошенничестве, предпочитают вместо войны мира и дружбы, организуют коллективный отпор всем противоправным действиям, не стремятся к обогащению и распределяют поровну все накопленные материальные блага, где господствует культ труда, дружбы, братства и свободы, царит такая справедливость, что ее отсутствие привело бы к умерщвленному состоянию в обществе. Жители этой примерной страны далеки от причинения вреда и несчастья другим, от вмешательства в дела своих соседей. Если случайно был нанесен ущерб кому-то другому, то вся община, коллективно возмещает причиненные убытки. Или, наоборот, любое негативное деяние или умышленный вред, совершенные против интересов общества расцениваются как проступок, направленный против каждого члена этого общества. Следовательно, Низами очень четко выводит вопросы коллективной ответственности и коллективного обязательства как важнейшие аспекты человеческого общежития, которые и сегодня являются актуальными и дискуссионными в юридической науке.

Привлекают внимание также вопросы регулирования экономических отношений (в частности, торгово-хозяйственных) действующими законами идеального государства Низами. Справедливое и гуманистическое содержание законов в этой сфере прежде всего проявляет себя в выполнении ими уравнительной, сбалансированной функции. Действующие законы в этом обществе пресекают всякую дискриминацию в вопросе владения имуществом и другими благами со стороны жителей. Задача, стоящая перед законами идеального государства, прежде всего состоит в равномерном обеспечении потребностей членов общества необходимыми товарами и имуществом, т.е. имущественного равенства. Тем самым, действующие законы обеспечивают всеобщее благополучие и достаток. Низами это выражает словами жителей идеального общества: *«Помогая друзьям, всеблагову в угоду, Мы свою не скорбя переносим невзгду. Если кто-то из нас в недостатке большом, Или малом и если мы знаем о том, Всем поделимся с ним. Мы считаем законом, Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном. Мы имуществом нашим друг другу равны. Равномерно богатства всем нам вручены. В этой жизни мы все одинаково значим...»*¹. Законы идеального общества также направлены на обеспечение равноправия людей в других сферах общественной жизни. В утопических мыслях Низами имеется определенный религиозный мотив, аскетические элементы (члены идеального государства, объединяясь в религиозную общину, посвящают свою жизнь религии и служению Богу), но это не заслоняет их прогрессивную сущность. Эти утопические идеи отражали мечты обездоленных масс о свободе, равенстве и вечном мире на земле.

Низами Гянджеви заложил основы нового направления в политической и правовой мысли стран Востока и внес неоценимый вклад в развитие гуманистических идей во всем мире: «Я царем царей в державе мудрых мыслей стал. Повелителем пространства, шахом времени я стал...» [9, с. 116]. Толерантность, мультикультуральное мышление, уважение ко всем людям, независимо от национальности и вероисповедания, присутствуют во всех произведениях поэта.

Несомненно, Низами беззаветно любил свою родину и свой народ, был привязан к ним с большой преданностью. Достаточно вспомнить, в каких ярких тонах он описал красоту и величие древнего азербайджанского города Барда, расположенного в живописном уголке

¹ <http://ebooks.azlibnet.az/book/mNwo1SaR.pdf>.

Карабах. Мыслитель с большой любовью и восхищением воспевал красоту, мудрость, справедливость и достоинство Нушабы, правительницы Барды («Искендер-наме»).

Вместе с тем, Низами никогда не противопоставлял свою страну и свой народ другим. В своих произведениях он осуждает захватническую политику. Мыслитель всегда уважительно относился ко всем народам и их обычаям. Наряду с представителями своего народа, азербайджанцами, он с большой симпатией описывает и образы представителей других народов – греков, византийцев, русских, африканцев, индийцев и др., раскрывая интересные стороны их культур и традиций. Главное для Низами – это нравственная природа человека, независимо от расовой и религиозной принадлежности. Во всех своих поэмах он выступает поборником равноправия всех народов. Ему принадлежат ставшие крылатыми слова: *«И белый, и черный – все дети земли», «Эфиоп – черный как железо, у него черная кожа, но чиста душа»*¹.

Говоря о свободе человека, Низами Гянджеви как бы становится нашим современником, высказывавшимся в свое время о тех идеях, которые наличествуют в содержаниях конституционных актов всех государств современного мира. Он утверждал, что человек должен быть свободным в своих действиях, но эти действия не должны быть направлены против моральных устоев общества, не должны войти в противоречие с правилами коллективного общежития. И говоря об идеальном обществе, Низами Гянджеви подчеркивает вопросы соотношения свободы и справедливости, соотношения реального, должного и истинного. Человек, обладающий разумом и интеллектом, должен уметь согласовывать свои действия не только со своими интересами, но и с интересами других.

Мыслитель ясно объясняет, как должны выстраиваться взаимоотношения между людьми, каким образом люди с разными взглядами, интересами, интеллектуальными уровнями могут сосуществовать и обогащать общества, создать материальные и духовные ценности, пользоваться в равной степени теми материальными благами, которые образуются с помощью коллективных усилий.

На протяжении всего своего творчества Низами воспевал и пропагандировал прогрессивные политико-правовые мысли о справедливом переустройстве мироздания, гармонизации интересов личности и общества. Эти мысли оказали непомерное влияние на формирование и развитие духовно-культурных и политико-правовых ценностей всех народов, проживающих на территории Азербайджана и близлежащих с ним сопредельных территориях, а также на развитие политической и правовой культуры многих стран Востока и Запада.

Необходимо отметить, что политико-правовые идеи, ценности, выработанные гениальным мыслителем, очень важны и в том отношении, что они тесно связаны и с нынешней практикой государственно-правового развития Азербайджанской Республики. Учитывая эти ценности, ныне в нашей стране осуществляется разработка новых критериев оценки политико-правовых институтов и норм в различных ситуациях, в частности, при рецепции их из других политических систем.

Обобщая сказанное, можно заключить, что многие политические, социокультурные и правовые идеи, включая идею справедливости, проповедуемые Западом, не являются исключительным продуктом западной политической и правовой культуры. Об этом свидетельствует глубокое изучение и анализ исторических корней этих идей и ценностей. Немаловажную роль в их формировании, развитии и распространении сыграла социально-политическая и философско-правовая мысль Востока. Так, идеям гуманизма, свободы, справедливости, равенства, правопорядка и т.д. было уделено довольно значительное место в воззрениях Низами Гянджеви, Аль-Фараби, Ибн-Сины, Ибн-Рушда, Хагани Ширвани, Джелаледдина Руми, Сираджедина Урмави, Насираддина Туси, Авхади Марагаи, Фазлуллаха Наими, Имадеддина Насими, Мухамеда Физули, Юсуфа Карабахи и др.

Разумеется, что попытки найти точки соприкосновения интересов разных социальных слоев, оптимизации и улучшения отношений между властвующими и подвластными в равной степени интересовали и западных, и восточных мыслителей. Несмотря на незначительные расхождения во мнениях они приходили по большей части к одним и тем же выводам. Усилиями всех этих мыслителей были выдвинуты и развиты поистине универсальные, общечеловеческие ценности в области философии, этики, политики и права.

¹ <http://ebooks.azlibnet.az/book/mNwo1SaR.pdf>.

Анализ политико-правовых мыслей, в частности, идеи справедливости Низами Гянджеви показывает, что суждения великого мыслителя созвучны с современными реалиями. Его многочисленные мысли и доводы представляют большой интерес для современной науки и с практической точки зрения могут быть использованы в процессе совершенствования и реформирования системы, отражающей правовую реальность Азербайджана. Бесценное творческое наследие, оставленное Низами Гянджеви, продолжает развивать философские и политико-правовые науки, а также сохранять традиции политической и правовой мысли в Азербайджане. Одной из важных особенностей данной традиции является концентрация внимания на морально-правовых ценностях, приближение к нравственному идеалу, что очень важно для современных государств, в которых усиливаются тенденции к институциональным изменениям, но при этом остаются в тени вопросы переосмысления ценностных ориентиров общества.

Литература

1. *Араслы Гамид*. Азербайджанская литература: история и проблемы. Баку: Гянджлик, 1998, 732 с. (на азерб. языке)
2. *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах /Аристотель; общ. ред. А. И. Доватур; пер. с древнегреческого. Н. В. Брагинской, М. Л. Гаспарова, С. А. Жебелева [и др.]; АН СССР, Ин-т философии Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
3. *Гаджиев А.* Ренессанский мир «Хамсе» Низами Гянджеви. Б., 2000. 296 с.
4. *Исмаилов Х.Д.* История права Азербайджана. Баку: Наука и образование. 2015. 572 с. (на азерб. языке).
5. *Крымский А.Е.* Низами и его современники. Баку: Элм. 1981, 491 с.
6. *Кулиева Ш.И.* Философские и этические взгляды Низами Гянджеви в поэме «Сокровищница тайн» // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013; <https://sibac.info/conf/social/xxv/33208>.
7. *Мамедова Д.М.* Политико-правовые взгляды азербайджанских поэтов-мыслителей XII в. Дис. на соискание уч. степ. кандидата юридических наук. М., 2002, 164 с.
8. *Меликова М.Ф.* Эпоха Низами Гянджеви и просветительство // Политика и право: история и современность (тематический сборник научных трудов). Баку: Изд-во Бакинского университета, 1991. С. 3–12.
9. *Низами Гянджеви*. Сокровищница тайн. Баку: Элм, 1983. 260 с.
10. *Низами Гянджеви*. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1981. 791 с.
11. *Низами Гянджеви*. Хосров и Ширин. Баку: Язычы, 1983. 456 с.
12. *Низами Гянджеви*. Искендер-наме. Ч. II (Игбал-наме). Баку: Чашыюглу, 2007. 395 с.
13. *Платон*. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
14. *Рзаев А.К.* Очерки истории политико-правовых учений Азербайджана. Баку: Азернешр, 1983. 195 с.
15. *Энгельс Ф.* Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 30 т. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат. Т. 20. 1961, 827 с.; <http://www.uaio.ru/marx/20.htm>.
16. *Christine van Ruymbeke*. "Science and Poetry in Meievl Persia: The Botany of Nizami's Khamsa", University of Cambridge Press, 2008. 252 p.

Ismailov Khayyam Jabrail oglu, Doctor of Science in Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Baku State University (23, Academician Zahid Khalilov St., Baku, Azerbaijan). E-mail: xyyam-ismail@mail.ru

THE IDEA OF JUSTICE IN POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF NIZAMI GANJAVI

Abstract

The idea of justice was one of the central themes of socio-political and philosophical and legal thought, various kinds of concepts, different ideological trends in the history of mankind. Research in the history of socio-political thought shows that the idea of justice has never been ignored in all civilizations, from ordinary people to wise philosophers. This idea is still relevant for resolving most controversial, conflicting and complex aspects of public life. Because there is no area of life in which justice is not

required. As society develops, the formation of new social relations opens up new forms of commitment to the principles of justice in human relations. An analysis of the notions of previous times about justice itself builds a long bridge between the past and the present. Therefore, speaking of justice, it would be very unfair not to study deeply the ideas of the past. From this position, it is relevant to appeal to the rich heritage of the political and legal thought of the outstanding Azerbaijani poet and thinker of the 12th century Nizami Ganjavi, who gave strong impulses to public consciousness. The genius thinker, distinguished by his rich and versatile creativity, assigned a special role in his works to the idea of justice. Therefore, we considered it necessary to analyze in this article a number of political and legal aspects of the idea of justice in the work of Nizami Ganjavi.

Keywords: *justice, political and legal thought, Nizami Ganjavi, thinker, Renaissance worldview, universal values, social inequality, ideal society, moral perfection, humanism.*

References

1. Arasly Gamid. Azerbajdzhanskaya literatura: istoriya i problemy. Baku: Gyandzhlik, 1998, 732 p. (na azerb. yazyke)
2. Aristotel'. Sochineniya v 4-h tomah /Aristotel'; obshch. red. A. I. Dovatur; per. s drevnegrecheskogo. N. V. Braginskoj, M. L. Gasparova, S. A. ZHebeleva [i dr.]; AN SSSR, In-t filosofii T. 4. M.: Mysl', 1984. 830 p.
3. Gadzhiev A. Renessanskij mir «Hamse» Nizami Gyandzhevi. B., 2000. 296 p.
4. Ismajlov H.D. Istoriya prava Azerbajdzhana. Baku: Nauka i obrazovanie. 2015. 572 p. (na azerb. yazyke).
5. Krymskij A.E. Nizami i ego sovremenniki. Baku: Elm. 1981, 491 p.
6. Kulieva SH.I. Filosofskie i eticheskie vzglyady Nizami Gyandzhevi v poeme «Sokrovishchnica tajn» // Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya: sb. st. po mater. XXV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk: SibAK, 2013; <https://sibac.info/conf/social/xxv/33208>.
7. Mamedova D.M. Politiko-pravovye vzglyady azerbajdzhanskih poetov-myslitelej XII v. Dis. na soiskanie uch. step. kandidata yuridicheskikh nauk. M., 2002, 164 p.
8. Melikova M.F. Epoha Nizami Gyandzhevi i prosvetitel'stvo // Politika i pravo: istoriya i sovremennost' (tematicheskij sbornik nauchnyh trudov). Baku: Izd-vo Bakinskogo universiteta, 1991. P. 3–12.
9. Nizami Gyandzhevi. Sokrovishchnica tajn. Baku: Elm, 1983. 260 p.
10. Nizami Gyandzhevi. Stihotvoreniya i poemy. L.: Sovetskij pisatel', 1981. 791 p.
11. Nizami Gyandzhevi. Hosrov i SHirin. Baku: YAzychy, 1983. 456 p.
12. Nizami Gyandzhevi. Iskender-name. CH. II (Igbal-name). Baku: CHashyoglu, 2007. 395 p.
13. Platon. Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1994. 654 p.
14. Rzaev A.K. Ocherki istorii politiko-pravovyh uchenij Azerbajdzhana. Baku: Azerneshr, 1983. 195 p.
15. Engel's F. Dialektika prirody / K. Marks, F. Engel's. Sochineniya: v 30 t. Izd. 2-e. M.: Gospolitizdat. T. 20. 1961, 827 p.; <http://www.uaio.ru/marx/20.htm>.
16. Christine van Ruymbeke. "Science and Poetry in Meievl Persia: The Botany of Nizami's Khamsa", University of Cambridge Press, 2008. 252 p.

РЕГУЛЯТОРНАЯ ПОЛИТИКА: ОТРАЖЕНИЕ В ОСЕТИНСКОМ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ И ПРАВОСОЗНАНИИ

**Алант-Цалиев
Александр
Михайлович**

Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (362021, Россия, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Николаева, 44).
E-mail: aronaron666@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается регуляторная политика и ее отражение в осетинском обычном праве и правосознании. Отмечается, что социальная значимость норм обычного права заметно возрастает в случаях радикальных изменений в социальной системе – с капиталистической на социалистическую, что имело место в 1920-х гг., и наоборот, как это случилось в постсоветский период. И это является закономерным явлением, поскольку образовавшийся правовой вакуум невозможно в полной мере заменить новой правовой материей. В такие исторические периоды появляется соблазн начинать правовую жизнь заново, хотя с позиции методологии решения социально-правовых проблем наиболее разумным и оправданным, как показывает история и современность, является сочетание новых и прогрессивных традиционных правовых норм. Обосновывается востребованность норм обычного права, и иллюстрируется это на примере отраслевых норм федерального законодательства, а также регионального конституционного законодательства. Классифицируются этапы вхождения российского государственно-правового пространства в кавказский правовой мир, рассматриваются его особенности и сложности. Утверждается, что на всех указанных выше исторических этапах в российской государственно-правовой регуляторной политике осетинское обычное право практически не теряло своего авторитета, социальной ценности и востребованности в обществе. Высокая степень его развития стала причиной пристального внимания ученых европейского уровня, вклад которых в изучение и раскрытие осетинского обычного права подчеркивается в работе. Здесь же раскрываются особенности национально-го правосознания как органичного элемента регуляторной политики.

Ключевые слова: *Кавказ, Конституция Российской Федерации, регуляторная политика, российское государственно-правовое пространство, царская администрация, осетинское обычное право, обычно-правовые нормы, российское правосознание, общественные отношения.*

Регуляторная политика находит свое отражение как в различных отраслях российского и зарубежного права, так и в региональных, в том числе неписаном праве – обычном праве. Оно в историческом плане является источником российского права, тесно с ним взаимодействует и дополняет регуляторную политику государства, которая «напрямую затрагивает проблему избыточного правового регулирования», что дает возможность более активно задействовать в ней нормы обычного права [2, с. 50]. В какой степени и в каких отраслях права – вопросы, требующие своего самостоятельного исследования, и они уже ведутся, как показывает анализ некоторых научных работ. Это вполне закономерно, поскольку интерес к обычному праву возникает особенно при радикальных реформах законодательства, права, правовой системы, как это имеет место в постсоветский период, когда вновь возникшие общественные отношения не могут быть в полной мере урегулированы действующим законодательством, а новое ещё не разработано.

Сказанное, во-первых, определяет актуальность данного исследования, а, во-вторых, отражает наше видение того, что обычное право дополнительное, но необходимое регулятивное средство, является также источником региональной правовой системы. Неслучайно, в некоторых субъектах России, в основном входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, можно наблюдать взаимодействие норм российского законодательства, обычного права, а также норм религии [22, с. 155]. Так, в Конституции Карачаево-Черкесии устанавливается, что «*Общепризнанные прогрессивные обычаи и традиции народа республики: уважение к старшему, женщине, людям различных религиозных убеждений, милосердие – священны.*»

Аналогичные обычно-правовые нормы есть и у других народов, проживающих в других субъектах Российской Федерации, поэтому у законодательных органов региональной публичной власти есть возможность их нормативного закрепления в разных конституционно-правовых актах.

Все общественные отношения невозможно урегулировать нормами писаного права, к тому же в этом нет необходимости, поэтому нормы обычного права в той или иной степени, в зависимости от особенностей общества, государства (исторические, нравственно-психологические, экономические, правовые, природно-климатические, этнические и т.д.) будут социально востребованы. Обращая на это внимание, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин отмечает: «Мы должны серьезно, ответственно и бережно учитывать и использовать сохранившиеся в российской социальной ткани неписанные нормы здоровой массовой моральной регуляции. Делать это должны хотя бы потому, что только они, по большому счету, реально восполняют все еще недостаточную эффективность законодательного правового регулирования» [8, с. 2].

Специалистами ныне общепризнана социальная ценность обычного права в определенных конкретных сферах жизнедеятельности, например, гражданско-правовых. Так, в Гражданском кодексе РФ (ст. 5), законодательно закрепляется факт признания их в качестве источников права, расширяются возможности применения по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Об этом свидетельствует также Постановление Пленума Верховного суда от 31 мая 2015г. «О Применении судами некоторых положений раздела I ч. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации». Согласно постановлению, суды при разрешении споров в сфере гражданского права могут применять обычай не только в сфере предпринимательства, но и в другой деятельности.

Таким образом, постепенно и последовательно создается правовая база закрепления традиционных обычно-правовых норм, что расширяет возможности регуляторной политики на региональном уровне при соответствующем творческом и профессиональном подходе к ней.

Наряду с гражданским правом значение обычая и в конституционном праве отмечает академик О. Е. Кутафин. По его мнению, «нельзя игнорировать его роль как непосредственного регулятора государственных отношений. Его значения для подготовки и принятия целого ряда важнейших норм конституционного права» [13]. В административном праве Д.Н. Бахрах полагает, что «административное обыкновение в наше время существует в деятельности отдельных организаций как локальные нормы» [3, с. 41]. Можно и еще перечислять отрасли права, где могут быть востребованы нормы обычного права. Но однозначно одно – любое общество, государство, где наряду с писаными нормами сохраняются и используются нормы обычного права, расширяет свои возможности в регуляторной политике, имеет преимущество в ее осуществлении, а, следовательно, в достижении тех целей, которые ставятся перед ней.

Возвращаясь к актуальности предложенной темы, отметим – в жизни, науке, политике, праве, правотворческой и правоприменительной деятельности в качестве методологической установки необходимо исходить из того, что «Новаторство – это не отрицание прошлого, а его развитие», как недавно совершенно правильно подчеркнул Президент России В.В. Путин¹.

Успешное развитие в новых условиях действующей правовой системы возможно при сохранении в ней прогрессивных обычаев и традиций, которые есть у каждого народа. Составляя в своей совокупности обычное право, они приобретают свои диалектические особенности с учетом складывающейся социально-политической обстановки. Если иметь в виду осетинский народ, то в его истории обычное право занимало ведущее место и сакральное значение среди социальных ценностей, поскольку долгое время выступало основным и практически единственным регулятором общественных отношений. Оно основывалось на осетинских обычаях и традициях, которые получили достаточное развитие уже у исторических и генетических предков осетин – алан. Они с середины XIV века после татаро-монгольского нашествия и завоевания их территорий в Предкавказье были оттеснены в горы Центрального Кавказа и жили там вплоть до добровольного присоединения к России в 1774 г. Жизнь в крайне тяжелых социально-экономических условиях во многом окончательно определила

¹ Формы воплощения. Российская газета. 2021. 26 марта.

демократический и общеобязательный характер осетинского обычного права, а строгое соблюдение его норм во многом помогло спасти народ.

Применительно к кавказским народам правильно пишет известный ученый-юрист профессор Д.Ю. Шапсугов: «Трагические катастрофы, многократно выпадавшие на долю этих народов и ставившие их на грань жизни и смерти, заставлявшие испытывать рабское состояние, не смогли вытравить из их сознания дух правовой свободы, которая оказалась присущей им на генетическом уровне» [23]. Об этом свидетельствует история распространения российского государственно-правового пространства на территории народов Северного Кавказа. Это время в основном совпало с принятием 1 января 1871 г. «Положения о Кубанской и Терской областях» и стало началом периода гражданского управления с установлением официальных административных границ и включением традиционных институтов горского управления и права в государственно-правовую систему Российской Империи.

Основные цели данного, *первого этапа* государственных преобразований Северного Кавказа сформулировала Екатерина II: приведение кавказских народов «в зависимость от высочайшего престола» и распространение на них «благоустройства» и законов российских¹. Указом от 28 февраля 1792 г. императрица вводит в действие план государственных реформ, направленных на реализацию указанных целей. Тем не менее, с началом данного этапа стало возможным говорить об обычном праве как о «санкционированных государством нормах обычаев, выработанных в течение продолжительного времени естественным развитием общества, обеспеченных от нарушений мерами государственного принуждения» [7, с. 69]. В пользу такого определения свидетельствует тот факт, что уже в 1819 г. в России была начата работа по кодификации обычного права коренных народов Сибири, а в 1841 г. был подготовлен своеобразный проект кодекса обычного права народов Сибири.

В середине 1880 г. начался *второй этап* распространения российского государственно-правового пространства на территории проживания народов Северного Кавказа. Правовой основой этого этапа стало «Учреждение управления Кавказского края», оформившего курс правительства на унификацию системы управления национальных окраин и их окончательное включение в общеимперскую систему органов власти механическим распространением российских законов на Северном Кавказе.

Можно выделить *третий этап* вхождения российской государственно-правовой системы в национально-государственную правовую систему северокавказских народов. Он проходил в начале XX в. в условиях заметного кризиса российской государственной власти. И тогда, как отмечает Л. Петров, было решено: 1) «сообразить общие законы Российского государства с умоначертаниями тамошнего народа» и 2) «приспособить их древние обычаи и обряды, поскольку важность случаев дозволит к правам российским». Возможно, отмечает он, «в отдаленном будущем, когда семена русской гражданственности, брошенные на кавказскую почву, дадут всходы», вот тогда «явится возможность перейти к решению всех дел на основании общих законов империи без той чудовищной ломки сложившегося строя, которую допустила Англия у подошв Гималаев» [15, с. 51].

Такая политико-правовая и образная установка стала основой принятия решения об учёте в российской государственно-правовой регуляторной политике региональных особенностей и интересов местного населения. В частности, начали создавать двухуровневую правовую систему на Кавказе путём распространения действия российского законодательства при сохранении традиционных правовых регуляторов, особенно в сфере судопроизводства [24].

Здесь признавалось также шариатское судопроизводство, осуществляющееся на основе норм исламского права, а иногда использовались и нормы обычного права. Забегая вперед, отметим, что попытки его игнорирования не только в досоветский период, но и в первые годы советской власти, когда стали упразднять шариатское судопроизводство, имевшее к тому времени более чем двухсотлетнюю историю существования, привели к тому, что в начале 1918 г. в Кабарде муллы приняли энергичные меры к захвату власти и настояли на том, чтобы восстановить шариатское судопроизводство.

Новая власть трезво оценила политическую ситуацию, и поэтому 4 марта 1918 г. на II Съезде народов Терской области его делегаты приняли резолюцию: «каждому народу

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 23. № 17025.

предоставляется право организовывать свои народные суды, творящие правосудие согласно народным обычаям и нравам».

На всех указанных выше исторических этапах в российской государственно-правовой регуляторной политике осетинское обычное право практически не теряло своего авторитета, социальной ценности и востребованности в обществе. Оно было настолько развито, что стало темой исследования многих историков-правоведов. Среди них особое место занимают труды таких крупных ученых европейского уровня, как В.Б. Пфафф, Р.И. Леонтович, Н.М. Ковалевский [11, 14, 18]. Первый из них подготовил и опубликовал фундаментальную работу – «Народное право осетин», опубликованную в 1871–1872 гг. в двух томах. О развитости осетинского обычного права свидетельствует и тот факт, что уже в данной работе В.Б. Пфафф, во-первых, отмечает не только национальное значение, но и его социальную ценность для понимания общей теории права. По его мнению, «осетинское народное право имеет большое значение и для разъяснения некоторых основных идей и начал науки права вообще» [18, с. 182]. Во-вторых, то, что он подметил тогда, остается истиной и по сей день: «В Осетии каждый аул имеет свое особенное право» [18, с. 184]. Объяснить это, на наш взгляд, страстное желание к утверждению своего достоинства, гордости и свободы, своих ценностей, в том числе в правовой сфере, невозможно без учета соответствующих психолого-генетических особенностей человека, народа, что заслуживает отдельной темы исследования. В-третьих, фактологический материал по нормам осетинского обычного права был настолько обширным и разнообразным, регулирующим основные сферы жизнедеятельности народа, что позволил его классифицировать на разные отрасли и институты права, как в прошлом, так и ныне.

Значительный вклад в изучение и понимание норм осетинского обычного права как важного регулятора общественных отношений внес известный ученый-правовед Ф.И. Леонтович, который в своей объемной работе «Адаты кавказских горцев» (1881–1882) посвятил большой раздел адатам (обычаям) осетин. При всем их многообразии в зависимости от той или иной общности людей, во многом замкнуто проживающих в ущельях и горах Центрального Кавказа, они имели много общего, что убедительно свидетельствует об их важной регулятивной функции.

Нормы осетинского обычного права наиболее полное, системное, целостное изложение и научный анализ получили в работе выдающегося русского ученого М.М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон: обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», вышедшей в 1886 г. в 2-х т. Вполне справедливо и оправданно, что с учетом данной и иных работ по Кавказу в 1936 г. было принято специальное постановление Президиума Академии наук СССР о переиздании кавказоведческих трудов М.М. Ковалевского. Поэтому нельзя согласиться с высокомерным, ничем не обоснованным утверждением некоторых авторов о том, что большинство теорий о правовом обычае и обычном праве не опирались на эмпирический материал их функционирования во второй половине XIX – начало XX вв., а носили умозрительный во многом надуманный характер [21, с. 135]. Им неизвестно, что под редакцией известного ученого – профессора Д.Ю. Шапсугова – подготовлены и опубликованы за последние годы более тридцати объемистых томов по «*Антологии памятников права народов Кавказа*», проведено 10 международных научно-практических конференций, по материалам которых издано столько же сборников, посвященных *правовому миру Кавказа*, где приводится многочисленный эмпирический материал, свидетельствующий о функционировании норм обычного права, в том числе, в период интенсивной европеизации права кавказской цивилизации. Об этом же свидетельствует п. 50 «Временных правил Кубанской и Терской областях», введенный в действие в 1869 г., закрепляющий, что Горский словесный суд рассматривает дела «на основании местных обычаев и только по таким делам, для решения которых обычаи не сложились, руководствуется общими законами Империи».

В указанной выше работе М.М. Ковалевский подробно рассматривает обычное договорное, семейное, наследственное, уголовное и уголовно-процессуальное право, их значение в нормативно-правовом регулировании в жизнедеятельности традиционного общества. Анализ и суждения указанных ученых позволяют достаточно полно раскрыть содержание осетинского обычного права и понять в целом социальную ценность норм неписаного права, их познавательное и практическое значение.

О социальной роли норм обычного права ныне пишут многие ученые и это вполне логично, поскольку они имеют не только прошлое, но и настоящее, и будущее, как отмечается в книге с аналогичным названием [16]. Их игнорирование, а тем более неприятие, разрывает историческую связь правового мира поколений, сужает перспективы правового развития, лишает возможности полноценного взаимодействия органически взаимосвязанных норм писаного и неписаного права, ограничивает пределы эффективного государственно-правового регулирования общественных отношений. Примеров сказанному много как в советский, так и особенно в досоветский период, когда представители царской администрации при освоении территорий Центрального Кавказа пытались изменить правовой мир кавказских народов с помощью административных методов и норм. Этот процесс в Осетии начался еще в середине XIX века после добровольного присоединения Осетии к России, когда нормы российского законодательства представители царской администрации начали внедрять иногда с опережением и не всегда удачно в местную правовую систему. Удивительно, но в числе их оказались представители и коренных народов (как известный в истории и приближенный к царской администрации осетинский генерал Н. Кундухов, который будучи тогда начальником Военно-осетинского округа из благородных побуждений разработал нравственный кодекс осетинского народа, названный как «Приговор осетинского народа»). Под стать названию документа, дабы придать ему общеобязательный характер, он именовался приговором, а не решением, предложенные же в нем нормы административного характера регулировали общественные отношения даже на бытовом уровне: порядок поведения на похоронах; форма проведения свадьбы; количество приглашенных на нее; количество выпитого и т.п. Сама жизнь отвергла такого рода нормы административного урегулирования и тогда, и в последующем, включая советский и постсоветские периоды.

История и современность неоднократно учат нас тому, что нормативно-правовая система только тогда может быть эффективной и перспективной, если она рационально и органично сочетает заложенные в ней традиции и новации. Такая правовая регуляторная политика должна быть последовательной и необратимой в нашей государственно-правовой жизни, чтобы избежать ее революционные и необдуманные, неоправданные постоянные реформирования.

Ныне жизнь показывает, что наряду с бурным развитием норм писаного права, законодательства, тем не менее, остаются такие сферы общественных отношений, которые не урегулированы ими, или же в них неэффективно и неполно это осуществляется, особенно в сфере новых социально-экономических условий. Поэтому всё чаще заговорили о социальной востребованности норм обычного права и соответствующего им правосознания. Последнее в корне отличалось от имперского российского правосознания, которое стало формироваться с начала средних веков на основе норм писаного права. Здесь давно утвердилось мнение: «Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло». Особенность такого правосознания была общеизвестна и общепризнана в обществе, тем более, среди творческой интеллигенции. Так, по признанию известного юриста Б.А. Кистяковского, царская «интеллигенция никогда не уважала право, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне», и это являлось неизбежным «результатом застарелого зла – отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни» [10, с. 616, 620].

Спустя несколько лет М.И. Калинин говорил, что в нашей стране в прошлом законность никогда не занимала почетное место. Существовали полное бесправие масс, безнаказанность дворянства, а потом и капиталистов, общепризнанное взяточничество чиновников и полный административный произвол местной власти над податным населением. И так ведь продолжалось не годы, не десятки, а сотни лет, отмечает он. На такой «почве хищничества сильных при полном бесправии слабых создавалось и росло правосознание народа. Само собой понятно, что у нас никакого уважения к праву и к закону в народе не было и не могло быть» [9, с. 102].

Еще ранее А.И. Герцен тоже неоднократно подчеркивал, что «идея права у нас... смешивается с признанием силы или совершившегося факта», что «закон не имеет для нас другого смысла, кроме запрета, сделанного властью имущим». «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, – продолжал он, – была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость... законов научила его ненавидеть их; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности» [4, с. 457; 5, с. 272; 6, с. 127, 272–273].

Что касается обычного правосознания народов Северного Кавказа, в частности, осетинского, то оно издревле формировалось и опиралось на обычное право, и было ориентировано на нормативную систему бытия. При этом, «богатство норм осетинского права, регулирующих социально-политическую и хозяйственную жизнь социума, безусловно, отражает высокую степень развития общественных отношений, высокий уровень правосознания» [12, с. 81]. Так, осетин, особенно в прошлом, не представлял себя, свое поведение вне системы установленных социальных норм обычного права. В той или иной степени это было характерно и для других народов во времена традиционного образа жизни. Причем, обычаям следовали не потому, что сила традиции подавляла человека. Ему подчинялись потому, что он был внутренне вплетен в огромную живую сеть взаимоотношений, устроенную дотошным и организованным образом [19, с. 98]. Аналогичное понимание обычая и силы его воздействия дается и во многих других литературных источниках. Еще в конце XIX в. В.Б. Пфафф писал, что «осетинские обычаи действуют со всей силой неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» [18, с. 169]. В тех редких случаях, когда это имело место, виновный осуждался его же общиной. Решением общественного органа власти – «Ныхаса» (народное собрание), он изгонялся из своего общества, поселения-аула (по осетински – «хъоды»), что считалось самым позорным и жестоким видом наказания, поскольку помимо всего, осужденный лишался социальной защиты своей родни, общины и это было равносильно смерти.

Отмечая особенности традиционного правового сознания и сверяя их с сегодняшними, очевидны дефекты, способствующие формированию нынешнего правового нигилизма, обусловленные не только российским правотворчеством и правоприменением, но и европейским. Как правильно отметил Г.Г. Небрятенко, современное европейское право может рассматриваться с точки зрения деформации правосознания в условиях рецессии глобализации, так как давно Евросоюз дискредитировал своими «двойными стандартами» правовые основы западного мира [17]. С другой стороны, Конституция РФ, внесенные в нее изменения будут оказывать значительное позитивное влияние не только на практическую деятельность органов публичной власти, но и на правовое сознание, поскольку они способствуют особенностям конституционно-правовой культуры россиян [1, с. 59, 60]. Одним словом, развитое высокое правосознание становится существенным фактором правового воздействия на социальную действительность. Оно «приобретает особое значение в современной жизни, поскольку отражает внутренний потенциал человека, его нравственные ценности, духовный мир и гражданскую позицию» [20, с. 10].

В заключение отметим, что некоторые нормы обычного права во многом идентичны с отдельными федеральными конституционными новеллами, такими как усиление суверенности национального права и правоприменительной практики, повышение роли представительных органов власти, любовь к Отечеству, уважение к старшему поколению, человеку труда, патриоту, признание традиционных семейных ценностей, вера в Бога, что актуализирует их социальную востребованность и ценность. Отметим и то, что нормы писаного и неписаного права в процессе нормативного регулирования диалектически тесно связаны и взаимодействуют, дополняя друг друга, обосновывают свою социальную значимость и место в государственной регуляторной политике, поэтому они должны быть учтены в региональном правотворчестве в процессе приведения основных законов субъектов РФ в соответствие с новыми нормами Конституции Российской Федерации.

Литература

1. Баранов П.П. Политико-правовые итоги конституционной реформы 2020 года в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 3. С. 59–69.
2. Баранов П.П. Совершенствование современной регуляторной политики России: общетеоретические и практические аспекты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 50–58.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России. М., 2000. 640 с.
4. Герцен А. И. Сочинения. СПб., 1905, т. III.
5. Герцен А. И. Сочинения. СПб., 1905, т. V.
6. Герцен А. И. Сочинения. СПб., 1905, т. VI.

7. Даншин А.В., Шелепова М.А. Обычное право от Российской империи до современной России: генезис и эволюция // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 68–76.
8. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции РФ) // Вестник Московского Университета. Серия 11: Право. 2014. № 1. С. 3–21.
9. Калинин М.И. Избранные произведения. М., 1975.
10. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общая теория права. М., 1916.
11. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886.
12. Кузьминов П.А. Изучение правовых норм горских народов в советском кавказоведении // Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи, Советов (XVIII–XX вв.): сравнительный анализ. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Нальчик, 18-21 мая 2016 г.
13. Кутафин О.Е. Источники конституционного права РФ. М., 2002. 348 с.
14. Леонтович Р.И. Адагы кавказских горцев. Материалы к обычному праву. (2-х т.). Одесса. 1882-1883.
15. Петров Л. Происхождение обычного права // Журнал министерства юстиции. 1899.
16. Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011.
17. Правосознание и правовое мышление в условиях цифровизации общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. С. 160–163.
18. Пфафф В.Б. Народное право осетин. Тифлис. 1872. Сборник Сведений о Кавказе. (2-х томах). Тифлис. 1872.
19. Свечникова Л.Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалы юридической и этнологической наук) // Государство и право. 1998. № 9. С. 98–102.
20. Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 5–13.
21. Трофимов Я.В., Краснов С.Ю. Понятие «обычное право»: современные тенденции, перспективы развития в цивилистической и других юридических науках // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 5. Юриспруд. 2011. № 2(15). С. 135–144.
22. Шаниев Р.Н. Соотношение обычного права и российского законодательства: вопросы теории и практики // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 155–157.
23. Шансугов Д.Ю. Правовой мир как реальность и научная проблема. Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее (Материалы Международной научно-практической конференции). Ростов-на-Дону, 2011.
24. Шатковская Т.В. Имперская модель осуществления государственной власти России на Северном Кавказе: этапы становления и особенности реализации // «Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе» Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шансугов. Ростов н/Д.: Издательство ООО «Альтаир», 2018.

Alanti-Tsaliev Alexander Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Honored Lawyer of the Russian Federation (44, Nikolaev St., Vladikavkaz, RSO-Alania, 362021, Russian Federation). E-mail: aronaron666@mail.ru

REGULATORY POLICY: REFLECTION IN OSSETIAN COMMON LAW AND LEGAL CONSCIOUSNESS

Abstract

The article examines the regulatory policy and its reflection in the Ossetian customary law and legal consciousness. It is noted that the social significance of customary law rules noticeably increases in cases of radical changes in the social system – capitalist to socialist, which took place in the 1920s and vice versa, as happened in the post-Soviet period. And this is a natural phenomenon, since the resulting legal vacuum cannot be fully replaced by new legal matter. In such historical periods, there is a temptation to start legal life anew, although from the standpoint of the methodology for solving social and legal problems, the most reasonable and justified, as history and modernity show, is a combination of new and progressive traditional legal norms. The demand for the norms of customary law is substantiated and illustrated by the example of sectoral norms of federal legislation, as well as regional constitutional

legislation. The stages of the entry of the Russian state-legal space into the Caucasian legal world are classified, its features and difficulties are considered. It is argued that at all the above historical stages in the Russian state legal regulatory policy, Ossetian customary law practically did not lose its authority, social value and relevance in society. The high degree of its development has become the reason for the close attention of scientists of the European level, whose contribution to the study and disclosure of Ossetian customary law is emphasized in the work. It also reveals the peculiarities of national legal consciousness as an organic element of regulatory policy.

Keywords: *Caucasus, The Constitution of the Russian Federation, regulatory policy, Russian state-legal space, tsarist administration, Ossetian customary law, customary legal norms, Russian legal consciousness, public relations.*

References

1. Baranov P.P. Politiko-pravovye itogi konstitucionnoj reformy 2020 goda v Rossii // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. 2020. № 3. P. 59–69.
2. Baranov P.P. Sovershenstvovanie sovremennoj reguljatornoj politiki Rossii: obshcheteoreticheskie i prakticheskie aspekty // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. 2020. № 1. P. 50–58.
3. Bahrah D.N. Administrativnoe pravo Rossii. M., 2000. 640 p.
4. Gercen A. I. Sochineniya. SPb., 1905, t. III.
5. Gercen A. I. Sochineniya. SPb., 1905, t. V.
6. Gercen A. I. Sochineniya. SPb., 1905, t. VI.
7. Danshin A.V., Shelepova M.A. Obychnoe pravo ot Rossijskoj imperii do sovremennoj Ros-sii: genezis i evolyuciya // Mir politiki i sociologii. 2016. № 5. P. 68–76.
8. Zor'kin V.D. Problemy konstitucionno-pravovogo razvitiya Rossii (k 20-letiyu Konstitucii RF) // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11: Pravo. 2014. № 1. P. 3–21.
9. Kalinin M.I. Izbrannye proizvedeniya. M., 1975.
10. Kistyakovskij B.A. Social'nye nauki i pravo. Oчерki po metodologii social'nyh nauk i obshchaya teoriya prava. M., 1916.
11. Kovalevskij M.M. Sovremennyj obyčaj i drevnij zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. M., 1886.
12. Kuz'minov P.A. Izuchenie pravovyh norm gorskih narodov v sovetskom kavkazovedenii // Sistemy vlasti i prava avtohtonnyh narodov Kavkaza, Rossijskoj imperii, Sovetov (XVIII–XX vv.): sravnitel'nyj analiz. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Nal'chik, 18-21 maya 2016 g.
13. Kutafin O.E. Istochniki konstitucionnogo prava RF. M., 2002. 348 p.
14. Leontovich R.I. Adaty kavkazskih gorcev. Materialy k obychnomu pravu. (2-h t.). Odessa. 1882-1883.
15. Petrov L. Proiskhozhdenie obychnogo prava // ZHurnal ministerstva yusticii. 1899.
16. Pravovoj mir Kavkaza: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Rostov n/D.: Izd-vo SKAGS, 2011.
17. Pravosoznanie i pravovoe myshlenie v usloviyah cifrovizacii obshchestva // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. 2020. № 2. P. 160–163.
18. Pfaff V.B. Narodnoe pravo osetin. Tiflis. 1872. Sbornik Svedenij o Kavkaze. (2-h to-mah). Tiflis. 1872.
19. Svechnikova L.G. Ponyatie obyčaya v sovremennoj nauke: podhody, tradicii, problemy (na materialy juridicheskoi i etnologicheskoi nauk) // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 9. P. 98–102.
20. Tihomirov YU.A. Formula pravovogo vozdejstviya // ZHurnal rossijskogo prava. 2020. № 11. P. 5–13.
21. Trofimov YA.V., Krasnov S.YU. Ponyatie «obychnoe pravo»: sovremennye tendencii, perspektivy razvitiya v civilisticheskoi i drugih juridicheskikh naukah // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Seriya 5. YUrisprud. 2011. № 2(15). P. 135–144.
22. SHapiev R.N. Sootnoshenie obychnogo prava i rossijskogo zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktiki // Problemy v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. № 2. P. 155–157.
23. SHapsugov D.YU. Pravovoj mir kak real'nost' i nauchnaya problema. Pravovoj mir Kavkaza: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii). Rostov-na-Donu, 2011.
24. SHatkovskaya T.V. Imperskaya model' osushchestvleniya gosudarstvennoj vlasti Rossii na Severnom Kavkaze: etapy stanovleniya i osobennosti realizacii // «Imperii, monarhii, respubliki, konfederacii kak formy osushchestvleniya vlasti na Kavkaze» Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Otv. red. i sost. D. YU. SHapsugov. Rostov n/D.: Izdatel'stvo OOO «Al'tair», 2018.

**К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ –
СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)**

Абдуллаев кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Магомедзапир государства и права, зам. директора Юридического института,
Нурмагомедович зав. НИЛ национальных и федеративных отношений им. проф.
Р.М. Магомедова, Дагестанский государственный университет
(367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала,
ул. Гаджиева, 43-а). E-mail: mnabdullaev@mail.ru

Аннотация

В статье на примере Республики Дагестан рассматриваются некоторые теоретические аспекты понимания государственности республики – субъекта Федерации. В работе делается акцент на том, что государственность как целостная социально-политическая реальность осмысливается в широком познавательном диапазоне из-за разных методологических предпочтений. Значительное внимание уделено союзному законодательству периода «перестройки», когда была установлена новая концепция взаимоотношений РСФСР с автономиями в ее составе, а также взаимоотношений СССР с АССР. Развитие государственности Дагестана в современный период рассматривается как органическая часть процесса модернизации отечественной конституционной федерации. Подчеркивается, что в исследовании современной государственности особую значимость приобретает опора на принцип исторической преемственности. Соответственно автор заключает, что советская и постсоветская государственно-правовые системы Дагестана являются собой однородные феномены, возникшие на основе одного и того же социума – дагестанского общества и в исторических рамках одной и той же республики – субъекта Российской Федерации. В статье анализируется процесс трансформации государственности народов Дагестана в постсоветский период. Автор приходит к выводу, что Россия – цивилизация с устоявшимися веками традициями государственного единения многих народов – сохраняет модель федерализма, сочетающую территориальный и национальный принципы. Государственность республик – субъектов Федерации выражает историческую преемственность развития административно-территориального устройства Российского государства, где всегда учитывался национальный состав населения.

Ключевые слова: государственность, методология, принцип историзма, историческая преемственность, федерация, республика, субъект Федерации, территориальное устройство, Республика Дагестан, Российская Федерация.

В эпоху становления суверенной государственности Российской Федерации особое значение приобретает анализ проблемы эволюции природы государственности республик – субъектов Федерации как средства согласования интересов конкретных социумов с учетом интересов многонационального народа России. В связи с этим актуализируется принцип историзма, который предполагает учет культурно-исторических особенностей различных регионов Российской Федерации, в том числе и полиэтничного Дагестана. Сложность осмысления данной проблематики нарастает вследствие крайней разобщенности методологических практик.

В современной российской научно-исследовательской практике сосуществуют, вне критического отношения друг к другу, многообразные воззрения на особенности государственности, обусловленные разным проблемным и методологическим полем. Например, А.Б. Венгеров, Е.А. Лукьянова, А.А. Тимофеева с позиции государствоведения свое понимание символа государственности активно соотносят с понятием государства и его строя [1–3]. В рамках «кросскультурных исследований» государственность предстает как совокупность систем и институтов власти. В контексте системно-исторического анализа государственность трактуется как форма организации общества (И.А. Исаев, А.В. Воронин) [4–5].

Сторонники конституционального подхода как формы и способа изучения исторической реальности дают определение государственности как политико-правового института [6–7]. С.А. Авакьян обосновывает государственность как политический институт [8], В.Н. Шевченко

раскрывает сущность государственности, коррелирующей традиционному, литеральному и гибриднему ее типам как концептуально не схожим условиям социальности [9]. Таким образом, разные методологические предпочтения позволяют рассматривать государственность как целостную социально-политическую реальность в широком познавательном диапазоне.

Становление феномена многонациональной государственности составляет сущность и исторический принцип построения Российского государства. Современное осмысление развития отечественной суверенной государственности связано с раскрытием исторических процессов национально-государственного строительства. Институционализацию национально-государственного строительства принято связывать с созданием национальных республик. По мнению В.Е. Чиркина, национально-территориальный подход соответствует международно признанному коллективному праву народов (этносов) на самоопределение. Он может способствовать интеграции частей распавшегося унитарного государства, ускорению экономического и культурного развития окраинных регионов, способен снять определенные противоречия между национальностями [10, с. 155].

Развитие государственности Дагестана в современный период является органической частью процесса модернизации отечественной конституционной федерации. Ее природа детерминирована этнополитическим принципом организации республики (государства) и национальным фактором. Однако эволюция государственности в концептуальном плане обуславливается не только динамикой межнациональных отношений, но и главным образом изменениями социально-политической системы отечественного государства. Соответственно, в исследовании современной государственности особую значимость приобретает опора на принцип исторической преемственности.

М.Н. Марченко пишет, что «советская и постсоветская государственно-правовые системы, несмотря на свою разнотипность, относительную самостоятельность и самодостаточность ... представляют собой не разнородные, а однородные феномены, ибо они возникли на базе одного и того же национального и культурного социума – российского общества, находящегося на разных ступенях своего развития, и в исторических рамках одного и того же, в конечном счете национального, Российского государства» [11, с. 5]. Сказанное в полной мере применимо и к Республике Дагестан постсоветского периода. Несмотря на различные исторические условия, связанные с разными периодами развития, она в итоге остается дагестанской (сложившейся на исторической территории Дагестана и на базе одного и того же социума – дагестанского полиэтничного общества) государственностью – республикой в составе Российской Федерации.

Как известно, союзное законодательство периода «перестройки» установило новую концепцию взаимоотношений РСФСР с автономиями, а также взаимоотношений СССР с АССР. Произошло повышение правового статуса автономных республик, впервые отнесенных к субъекту Союза ССР. В правовом отношении статус АССР во многом приравнивался к статусу союзных республик в составе СССР. «Этим самым закладывался клубок противоречий внутри союзных республик, имевших в своем составе автономии, и прежде всего в Российской Федерации» [12, с. 194–195]. Изменение формы государственного единства СССР, процессы его децентрализации стимулировали сепаратистские тенденции и движение за суверенизацию в регионах.

В июне 1990 г. Первым Съездом народных депутатов РСФСР была принята Декларация «О государственном суверенитете РСФСР»¹, содержащая принципиальные положения, хотя и признающие вхождение РСФСР в состав СССР, но трактующие РСФСР как суверенное государство. Декларация установила верховенство Конституции и законов РСФСР на всей ее территории. В общем, с этого времени и на последующие полтора года отношения между РСФСР и СССР напоминают известное «перетягивание канатов» [13, с. 71].

С точки зрения эволюции государственности примечательна роль Федеративного договора от 31 марта 1992 г. Федеративный договор имел целью преобразование государственно-го устройства страны в направлении децентрализации и расширения полномочий субъектов федерации, но не превращение России из конституционной в договорную федерацию [14, с. 8].

¹ Декларация «О государственном суверенитете РСФСР» от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. № 2. 14 июня 1990 г. М.: Издание Верховного Совета РСФСР. С. 44–46.

Договор явился важным актом, определившим сущность и природу республики в составе Российской Федерации.

Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., провозгласила Российскую Федерацию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (статья 1)¹. С учетом объективно-исторических качеств и особенностей многонационального Российского государства Основным законом страны закрепил различные формы национального самоопределения (республика (государство), автономная область, автономный округ).

Для понимания статуса республики (государства) – субъекта Федерации решающее значение имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Постановление уточняет, что использование в Конституции Российской Федерации понятия «республика (государство)» (ст. 5. п. 2) не означает, что признается его государственный суверенитет, оно только отражает определенные особенности их конституционно-правового статуса, связанные с факторами исторического, национального и иного характера².

Эволюция природы государственности республики отображается, на наш взгляд, в том, что равенство субъектов Федерации не означает идентичности их правового статуса. Как отмечает по этому поводу О.Е. Кутафин, «... нужно вести речь не о различных статусах субъектов Федерации, а об особенностях их правового статуса, т. е. о таких правах каждого субъекта, которые не ставят под сомнение общий статус равноправных субъектов Федерации, конкретизируют статус каждого субъекта в силу особых связанных с ними исключительных обстоятельств» [15, с. 333–334].

Системные процессы, связанные с реставрацией капитализма в России, изменение типа государства, расшатывание формы государственного единства, трансформация права закономерно отразились на эволюции государственности Республики Дагестан. Воздействие исторически сложившихся в регионе факторов социально-экономического, геополитического, этнического и религиозного характера обусловило особенности трансформации государственно-правовой системы Дагестана в постсоветский период.

В связи с вышеуказанными факторами в сентябре 1990 г. рабочей группой комиссии Президиума Верховного Совета ДАССР был разработан Проект Декларации о государственном суверенитете Дагестанской АССР, предусматривавший политические, правовые, экономические гарантии суверенитета республики, верховенство законов республики на его территории. Заслуживает особого внимания, что 13 мая 1991 г. III съезд народных депутатов Республики Дагестан вместо Декларации о государственном суверенитете РД принял Постановление «О государственном статусе Дагестанской АССР». С юридической точки зрения оба эти документа не равнозначны. Тем не менее, в тех исторических условиях, прямо угрожающих территориальной целостности Российского государства, принятие Постановления «О государственном статусе Дагестанской АССР», а не Декларации о государственном суверенитете Республики Дагестан, с нашей точки зрения, было правильным, правомерным и даже показательным решением. Важно отметить, что из Постановления следует, что Республика Дагестан становится равноправной с другими республиками в составе Российской Федерации, также принявшими Декларации о своем государственном суверенитете.

13 мая 1991 г. Съезд народных депутатов Дагестанской ССР принял Постановление «О договоре о Союзе Суверенных Республик»³ и Постановление «О проекте Федеративного договора». 17 мая 1991 г. был принят Закон ДССР «О наименовании республики в законодательных

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 //

http://www.consultant.ru/popular/cons/1_1.html#p51 (дата обращения: 22.09.2015).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 25. С. 2728.

³ ЦГА РД. Ф. 352-р. Оп. 60. Д. 36. Л. 10.

актах», в тексте которого слова «Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика» были заменены на «Дагестанская Советская Социалистическая Республика»¹.

17 декабря 1991 г. Верховный Совет ДАССР принял Постановление «О Соглашении о создании Содружества независимых государств», где заявлялось, что Республика Дагестан займет свое место в СНГ как часть Российского государства. Высший орган власти республики выразил надежду, что данное решение будет способствовать укреплению правового статуса многонациональной республики, удовлетворению суверенных прав его этносов².

В принятой в тот же день Декларации о неделимости и территориальной целостности республики обозначено новое название – Республика Дагестан³. На наш взгляд, данный документ содержит историческую правду, связанную с политико-правовыми традициями дагестанского социума, обеспечивающими преемственность развития государственности народов Дагестана в разные эпохи и при разных политических режимах. Декларация обоснованно выразила волю многонационального дагестанского народа, всех входящих в его состав равноправных этносов, направленную на обеспечение неделимости и территориальной целостности Республики Дагестан. Была сформулирована цель: обеспечить равные права и условия для всех граждан республики независимо от их национальной принадлежности. В декларации говорилось, что Республика Дагестан будет проводить политику, отражающую интересы всех этносов и гарантирующую им полное равноправие во всех сферах общественной и государственной жизни, в том числе и в управлении государственными делами. В Декларации указывалось, что она служит юридической основой для разработки республиканских правовых актов. В тех условиях политического и экономического кризиса, обострения межнациональных отношений провозглашение неделимости и территориальной целостности Республики Дагестан имело историческое значение.

С середины 1992 г в конституциях России и Дагестана закрепляется двойное равнозначное наименование республики «Дагестанская Советская Социалистическая Республика – Республика Дагестан». Республика Дагестан, представляющая собой исторически сложившуюся преемственную форму государственности многонационального народа, вступила в новый постсоветский период в составе РСФСР в статусе «социалистическое общенародное государство».

Как известно, универсальной модели федерализма не существует. Национальная федерация, так же, как и безнациональная, несомненно, имеет свои слабые стороны. В то же время игнорировать национальный фактор в многонациональном государстве невозможно. Как отмечает Д.Ю. Шапсугов, «российский народ, имеющий сложнейший национальный состав, будет продвигаться по пути социальной однородности, формирования общей системы ценностей только в условиях, обеспечивающих развитие каждой его составной части» [16, с. 33]. В этой связи представляется закономерным, что Россия – цивилизация с устоявшимися веками традициями государственного единения многих народов – сохраняет модель федерализма, сочетающую территориальный и национальный принципы. Государственность республик – субъектов Федерации выражает историческую преемственность развития административно-территориального устройства Российского государства, где, начиная с царского периода, учитывался национальный состав населения.

Сегодня особенно актуально, чтобы сложившаяся модель федерализма отражала согласование интересов народов России. В решении указанной задачи может помочь изучение идей народов, сформировавших и обретших государственность на исторической территории Российского государства. Существенное значение может иметь восстановление исторической связи времен, осмысление культурно-правового наследия народов, соединенных общей судьбой на своей земле. Богатый опыт развития государственности российских народов представляет научный интерес с точки зрения теоретического анализа зарождения и сохранения исторически сложившегося государственного единства России.

¹ ЦГА РД. Ф. 352-р. Оп. 60. Д. 36. Л. 89.

² ЦГА РД. Ф. 352-р. Оп. 60. Д. 36. Л. 89.

³ ЦГА РД. Ф. 352-р. Оп. 60. Д. 70. Л. 15.

Литература

1. Венгеров А.Б. Будущее российской государственности // Вестник МГУ. Серия 18. 1997. № 1. С. 18–25.
2. Лукьянова Е.А. К вопросу о специфике российской государственности // Вестник московского университета. Серия 12. Политические науки. 2002. № 1. С. 13–34.
3. Тимофеева А.А. Проблемы становления и развития российской государственности. М., 2009. 182 с.
4. Исаев И.А. История России: традиция государственности. М., 1995. 272 с.
5. Воронин А.В. История российской государственности. М., 2002.
6. Чиркин В.Е. Государствоведение как отрасль знания и учебная дисциплина // Государство и право. 2008. № 4. С. 13–20.
7. Коржихина Т.П., Семин А.С. История российской государственности. М., 1995. 348 с.
8. Авакьян С.А. Практика российской государственности // Вестник МГУ. Серия 18. 1997.
9. Шевченко В.Н. Глобализация и судьба российской государственности / Судьба государства в эпоху глобализации. М.: РАН. 2005. С. 181–198.
10. Чиркин В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. 1994. № 8-9. С. 150–158.
11. Марченко М.Н. О перспективах развития постсоветского государства и права // Государство и право. №7. 2016. С. 5–10.
12. Болтенкова Л.Ф. От НКВД до федерализма: Сборник избранных трудов. М.: Издательский дом В. Ема, 2008. 334 с.
13. Авакьян С.А. Конституционное право России. 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т. II. М.: Юристъ, 2007. 749 с.
14. Эбзеев Б.С., Каранетян Л.М. Российский федерализм: равноправие и асимметрия конституционного статуса субъектов // Государство и право. № 3. 1995. С. 3–12.
15. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 5. Российская автономия: монография. М.: Проспект, 2011. 768 с.
16. Шапсугов Д.Ю. Проблема органичности государственно-правового развития в истории государства и права народов Кавказа // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов. Ростов-на-Дону, 2012. 287 с.

Abdullaev Magomedzapir Nurmagomedovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Law, Deputy Director of the Law Institute, Head of the Research Laboratory of National and Federal Relations named after prof. R.M. Magomedova, Dagestan State University (43-a, Gadzhiev St., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russian Federation). E-mail: mnabdullaev@mail.ru

**ON THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE STATEHOOD OF A REPUBLIC – A SUBJECT OF THE FEDERATION IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)**

Abstract

The article on the example of the Republic of Dagestan considers some theoretical aspects of understanding the statehood of the republic – a subject of the Federation. The work emphasizes that statehood as a holistic socio-political reality is conceived in a wide cognitive range due to different methodological preferences. Considerable attention was paid to the union legislation of the period of "perestroika," when a new concept of relations between the RSFSR and the autonomy in its composition was established, as well as the relations of the USSR with the Autonomous Soviet Socialist Republic. The development of the statehood of Dagestan in the modern period is considered as an organic part of the process of modernization of the domestic constitutional federation. It is emphasized that in the study of modern statehood, particular importance is gained by relying on the principle of historical continuity. Accordingly, the author concludes that the Soviet and post-Soviet state legal systems of Dagestan are homogeneous phenomena that arose on the basis of the same society – Dagestan society and in the historical framework of the same republic – the subject of the Russian Federation. The article analyzes the process of transformation of the statehood of the peoples of Dagestan in the post-Soviet period.

The author concludes that Russia – a civilization with centuries-old traditions of state unity of many peoples – retains a model of federalism that combines territorial and national principles. The statehood of the republics – subjects of the Federation expresses the historical continuity of the development of the administrative-territorial structure of the Russian state, where the national composition of the population has always been taken into account.

Keywords: *statehood, methodology, historicism, historical continuity, federation, republic, subject of Federation, territorial structure, Republic of Dagestan, Russian Federation.*

References

1. Vengerov A.B. Budushchee rossijskoj gosudarstvennosti // Vestnik MGU. Seriya 18. 1997. № 1. P. 18–25.
2. Luk'yanova E.A. K voprosu o specifikе rossijskoj gosudarstvennosti // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2002. № 1. P. 13–34.
3. Timofeeva A.A. Problemy stanovleniya i razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti. M., 2009. 182 p.
4. Isaev I.A. Istoriya Rossii: tradiciya gosudarstvennosti. M., 1995. 272 p.
5. Voronin A.V. Istoriya rossijskoj gosudarstvennosti. M., 2002.
6. CHirkin V.E. Gosudarstvovedenie kak otrasl' znaniya i uchebnaya disciplina // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 4. P. 13–20.
7. Korzhihina T.P., Semin A.S. Istoriya rossijskoj gosudarstvennosti. M., 1995. 348 p.
8. Avak'yan S.A. Praktika rossijskoj gosudarstvennosti // Vestnik MGU. Seriya 18. 1997.
9. Shevchenko V.N. Globalizaciya i sud'ba rossijskoj gosudarstvennosti / Sud'ba gosudarstva v epohu globalizacii. M.: RAN. 2005. P. 181–198.
10. CHirkin V.E. Modeli sovremennogo federalizma: sravnitel'nyj analiz // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 8-9. P. 150–158.
11. Marchenko M.N. O perspektivah razvitiya postsovetskogo gosudarstva i prava // Gosudarstvo i pravo. №7. 2016. P. 5–10.
12. Boltenkova L.F. Ot NKVD do federalizma: Sbornik izbrannyh trudov. M.: Izdatel'skij dom V. Ema, 2008. 334 p.
13. Avak'yan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii. 2-e izd., pererab. i dop. V 2 t. T. II. M.: YUrist", 2007. 749 p.
14. Ebzeev B.S., Karapetyan L.M. Rossijskij federalizm: ravnopravie i asimmetriya konstitucionnogo statusa sub"ektov // Gosudarstvo i pravo. № 3. 1995. P. 3–12.
15. Kutafin O.E. Izbrannye trudy: v 7 t. T. 5. Rossijskaya avtonomiya: monografiya. M.: Prospekt, 2011. 768 p.
16. SHapsugov D.YU. Problema organichnosti gosudarstvenno-pravovogo razvitiya v istorii gosudarstva i prava narodov Kavkaza // Gosudarstvo i pravo narodov Kavkaza: problemy stanovleniya i razvitiya: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Otv. red. i sost. D.YU. SHapsugov. Rostov-na-Donu, 2012. 287 p.

**ПРОБЛЕМА НЕСОВЕРШЕНСТВА ЗАКОНА
В ТРУДАХ И.А. ПОКРОВСКОГО**

Канаев аспирант кафедры теории и истории права и государства,
Михаил Южно-Российский институт управления – филиал
Михайлович Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: kanaev.mhl@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена одной из центральных проблем юридической науки, волнующей умы теоретиков и практиков уже несколько тысячелетий – несовершенству закона и способам его преодоления. В статье приведены результаты анализа трудов выдающегося ученого до-советской юридической науки И.А. Покровского, посвященных проблеме несовершенства писаного закона и способам его преодоления с точки зрения основных вопросов философии права, выявлены основные идеи и взгляды правоведа, обладающие современной значимостью. Автор доказывает, что представления И.А. Покровского, происходящие из идеи синтеза естественного и позитивного права, о влиянии несовершенства законодательства на социально-правовое развитие общества не только не утратили своей актуальности, но и во многом опережают время.

Ключевые слова: *правотворчество, судебное правотворчество, несовершенство закона, определенность права, кодификация, И.А. Покровский, правовая мысль, оптимизация законодательства, правоприменительная деятельность.*

Проблема несовершенства закона традиционно занимает центральное место в научной доктрине права с момента появления закона. Это обусловлено самой сущностью естественного и позитивного права, их взаимосвязью и характерными отличиями.

Выбор проблемы несовершенства закона в качестве предмета данного научного исследования обусловлен рядом причин. Во-первых, за многовековую историю развития права ее исследованию посвящено огромное количество трудов самых выдающихся европейских и отечественных теоретиков.

Пристальное внимание представителей научного сообщества к проблеме несовершенства законодательства обусловлено особым значением проявления неясного и пробельного закона в правоприменительной деятельности. Переосмысление уникальных дореволюционных правовых идей, пропитанных духом естественно-правовых взглядов, оказывает положительное влияние на развитие современной отечественной правовой мысли. Во-вторых, высокие темпы накопления нормативного материала повышают несогласованность и противоречивость отраслевого законодательства, что также актуализирует работу по отысканию способов оптимизации законодательства в изменяющихся условиях. Особое место в этой работе занимает правотворческая деятельность по систематизации законодательства. Ее цель состоит в создании эффективного механизма правового регулирования, отражающего выявленные социальные и правовые закономерности развития общественных отношений. Достижение этой цели состоит в преодолении разрыва естественного и позитивного права.

В связи с этим особый интерес представляют труды выдающегося российского правоведа Иосифа Алексеевича Покровского, отражающие не только его видение проблемы несовершенства позитивного права, но и относительно того какими должны быть законы, отвечающие природе человека. Сегодня его мысли и аргументы актуальны, поскольку они во многом опираются на практические и общеправовые аспекты данной проблемы.

Труды виднейшего отечественного теоретика и историка права – И.А. Покровского традиционно характеризуются как «самые блистательные произведения юридической науки», которые по степени уникальности правовой мысли можно сравнить с классическими работами мировой юридической литературы, например, такими как Р. Иеринга, Ж. Рипера, Л. Дюги, Г. Кельзена [1]. Как справедливо отмечал Н.Н. Полянский, И.А. Покровский «был красотою и гордостью русской науки... и ее надеждой» [2].

Позицию И. А. Покровского в отношении проблемы несовершенства законодательства можно охарактеризовать как особую теорию преодоления пробельности законов через синтез естественного и позитивного права. По его мнению, любой существующий либо вновь принимаемый закон можно охарактеризовать как «несовершенный» не просто в силу объективных, а объективно-неизбежных факторов. Он был убежден, что в истории права не было и в обозримом будущем вряд ли появится законодательство, которое может претендовать на признание его «истинно совершенным» [3].

Основные причины, влекущие неизбежное несовершенство закона, И.А. Покровскому видятся в том, что, во-первых, любой закон – результат «рукотворной» деятельности людей, в связи с чем страдает пороками политического, идеологического и нравственного характера [4, с. 90]. Во-вторых, пробельность содержания писаного закона обусловлена «пороками мысли», то есть индивидуальным восприятием и отражением в человеческом сознании закономерностей объективной реальности. При современной классовой дифференциации невозможно достичь единства общественного правосознания [4, с. 100]. В-третьих, любой закон, в частности принятый по итогам обширной кодификации, зачастую содержит пробелы в связи с тем, что в момент издания нормы закона не могли учесть те отношения, которые появились в силу динамично меняющейся жизни общества [4, с. 90].

Российский правовед видит проявление негативного влияния несовершенства позитивного права на социально-правовое развитие общества в том, что такое законодательство выступает серьезным затруднением на пути реализации неотъемлемого права каждой личности на определенность правовых норм. При этом законность, устанавливающая четкие рамки поведения для всех личностей, и исключающая возможность какого бы то ни было произвола, является важной составляющей любого гражданского общества. Как отмечает И.А. Покровский, «без определенности, в сущности, вообще ни о каком праве не может идти речь» [4, с. 89]. В этом аспекте правовая определенность выступает важным элементом принципа верховенства права.

Аналогичная позиция характерна для практики как Конституционного Суда Российской Федерации, так для Европейского суда по правам человека, которые неоднократно отмечали, что за счет правовой определенности закона обеспечивается предсказуемость правовых предписаний, состоящая в достижении ожидаемого результата применения нормы права [5, с. 42].

Вместе с тем для осуществления начала законности недостаточно простого принятия и существования закона как такового. Для приведения закона в действие необходимо участие субъекта правоприменения. Однако каждый субъект индивидуален и имеет особое восприятие действительности в силу наличия у него разума и собственных убеждений. Применимо к праву это затрагивает иную не менее важную проблему: проблему индивидуальности восприятия и понимания закона каждой отдельной личностью в конкретной жизненной ситуации.

Степень определенности права зависит от того насколько субъект правоприменения волен воспринимать и понимать закон исключительно на основе требования строго и неуклонного соблюдения его предписаний или при помощи приемов, позволяющих искать скрытую или предполагаемую волю закона. В связи с этим нельзя не согласиться с позицией И.А. Покровского, который утверждал, что чем меньше субъект правоприменения воздерживается от всякой оценки, самостоятельного исправления закона и его толкования выходящего за рамки позитивного права, тем больше становится определенность права в обществе [4, с. 100].

В истории западноевропейского и отечественного права степень дозволенности такой индивидуальной оценки закона субъектами правоприменения ставится в зависимость

от сменяемости влияния на политико-правовые взгляды общества естественно-правового и позитивистского течений [6].

И.А. Покровский, объясняя неистребимость естественно-правовых идей и их нахождение в постоянной борьбе с позитивистскими воззрениями, отмечал «двойную» природу права, наличия в нем «сущего» и «должного», фактического и идеального [7]. В связи с чем недопустимо разделять либо противопоставлять *jus naturale* и позитивное право. Их следует рассматривать с позиции синтеза и объединения правового «духа» с правовой «плотью», поскольку позитивное право – фундамент законности, прочности и стабильности правового порядка, а естественно-правовые идеалы выступают в роли одухотворяющего начала, внутреннего идейно-мотивационного стержня права.

Исторически сложилось, что одним из субъектов правоприменения, иначе говоря «живым посредником» закона, наделенным особыми полномочиями по его толкованию, выступают суды. При этом влияние естественно-правовых идей привело к переложению на них функции по устранению пробелов в законодательстве и формированию такого явления как судебное правотворчество. Однако И.А. Покровский критически оценивал роль судов в восполнении пробельности законодательства и не признавал судебное правотворчество в качестве панацеи решения проблемы несовершенства закона, поскольку деятельность судов должна вносить определенность в гражданско-правовые отношения. В результате этой деятельности должны разрешаться конфликты и споры, а не создаваться новые правила поведения.

Судебное «правотворение» прошло несколько стадий: от активной роли естественно-правовых принципов (вплоть до создания судами индивидуальных правил поведения) и первенства положительного закона (толкование привязывается только к содержанию закона) до интерпретационной доктрины.

В результате противоборства идей *jus naturale* и позитивного права было признано право судов на свободное толкование закона, сформировавшее в доктрине узкое понимание «свободного права». В его основу лег принцип – только закон может быть источником права, в связи с чем уяснение смысла закона судом допускается только исходя из его содержания и только на основании его положений. Просто применение естественно-правовых идей, основанных на индивидуальном понимании «справедливого» и «целесообразного» недопустимо. Когда в конечном счете применение всех возможных способов толкования не дает результата и непосредственное применение закона невозможно, то необходимо обратиться к общему смыслу или общему духу законодательства (аналогии права).

Свободное право противоречиво, поскольку с одной стороны, применение судами старого закона, не отвечающего требованиям современных отношений, подрывает доверие гражданского общества к судам, а с другой, судебный произвол, при котором суды вольны сами решать, какое конкретное содержание они видят в той или иной норме применительно к отдельным отношениям.

Безусловно, в истории права и в существующих правовых системах можно найти случаи, подтверждающие возможность применения «свободного права» на протяжении длительного времени, а именно: преторское право Рима и прецедентное право англо-саксонских стран. Но что касается этих примеров, то И.А. Покровский к ним относился критически, поскольку тенденцией развивающегося права Рима было стремление к кодификации и к установлению преторской подзаконности, а среди самих представителей англо-саксонской правовой системы нередки протесты против постоянной неопределенности права [8].

Между тем главенствующая роль естественно-правовых идей в «свободном судебном правотворчестве» стран романо-германской правовой семьи приводит к подрыву закона и юридического сообщества, увеличению недоверия людей к закону в силу того, что судам предоставлено право не просто свободно толковать, а восполнять и даже исправлять закон на основе «велений судебской совести» и представлений суда о «должной справедливости». В результате это приводит к закреплению в судебных прецедентах новых правил поведения, конкурирующих и подменяющих законы, что дестабилизирует систему законодательства и правоприменительную деятельность.

В этом случае следует вспомнить и взгляды Р. Иеринга, который характеризовал появление законодательства как пробуждение народа к сознательному в социальном отношении существованию. Признание же за судами права на «свободное правотворение» влечет умышленное усыпление народа, возвращение его в стадию полусознательности. Неопределенность и неясность права лежит в основе судебного произвола, что противоречит интересам развивающейся человеческой личности. Стремление к строгой законности составляет такую же непреходящую черту развивающегося гражданского права, как и развивающегося права публичного, и никакой судебский «трансперсонализм» этого стремления подавить не сможет [4, с. 103].

Но вместе с тем стремление общества к соблюдению строгой законности совсем не исключает практическое применение идей естественного права. Наоборот, лежащие в основе правоотношений идеи *jus naturale* должны своими высокими началами «одухотворять» законодательство и особенно современную кодификацию.

Что же в таком случае может дать юриспруденция для постижения будущего или, по крайней мере, для попыток его осмыслить? Ответ, с одной стороны, прост и даже очевиден, но, с другой стороны, настолько сложен, что реализовать его с большей или меньшей степенью успеха пытаются с древнеримских времён.

Задача правоведов – создать такие универсальные механизмы, которые, во-первых, отражали бы общечеловеческие ценности [9, с. 20], во-вторых, предлагали бы универсальные правовые способы разрешения социальных конфликтов (основная функция права), независимые от сугубо политических или иных соображений целесообразности, и, в-третьих, переходя на иной уровень обобщения, способствовали бы сохранению мира и человечности.

В этой связи исследования И. А. Покровского привносят в юридическую науку идею синтеза естественного и позитивного права. Ее значимость не только теоретическая, но и практическая, поскольку в трудах И.А. Покровского содержится механизм ее реализации. Не менее значимы предложения ученого о преодолении несовершенства законов посредством совершенствования правотворческой деятельности государства. Такой качественный переход должен начинаться с пересмотра механизма систематизации законодательства, в частности путем переосмысления теории кодификационной деятельности и проработке на законодательном уровне техники ее реализации. При этом правовое регулирование должно быть основанного именно на духе права, а не на свободном судебском произволе, во многом поставленному в зависимость от различных субъективных факторов: личных взглядов, политического настроения либо защиты интересов определенного класса.

В этом смысле стоит всецело поддержать И.А. Покровского и констатировать, что низкое качество нормативного материала неизбежно влечет увеличение роли судебного произвола в виде свободного правотворчества. Это влияет на отрицание гражданским обществом законов и роли юридического сообщества в жизни людей.

Литература

1. *Маковский А.Л.* Выпавшее звено / Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е. М., 2001. 351с.
2. *Полянский Н.Н.* Иосиф Алексеевич Покровский (Личность покойного и его труды) / Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 6-е, М: Статут, 2013. 349с.
3. *Поленина С.В.* Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993. 56 с.
4. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 2003. 351 с.
5. *Нешатаева Т.Н.* Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М., 2007. 319 с.
6. *Покровский И.А.* Естественно-правовые течения в истории гражданского права // *Гражданско-правовая практика.* Вып. № 1 (22). 2007. С. 38–67.
7. *Покровский И.А.* Государство и человечество. М., 1919. 46 с.
8. *Покровский И.А.* Право и факт в римском праве. Ч. II: Генезис преторского права. Киев: тип. имп. Ун-та св. Владимира, 1898-1902. 2 т. 209 с.
9. *Шатковская Т.В.* Человек как юридическая личность в правовой концепции И.А. Покровского // *Северо-Кавказский юридический вестник.* 2021. №1. С. 18–22.

Kanaev Mikhail Mikhailovich, Postgraduate Student of the Department of the Theory and History of Law and State, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: kanaev.mhl@yandex.ru

**THE PROBLEM OF THE IMPERFECTION
OF THE LAW IN THE WORKS OF I. A. POKROVSKY**

Abstract

The article is devoted to one of the central problems of legal science, the exciting minds of theorists and practitioners for several millennia – the imperfection of the law and ways to overcome it. The article presents the results of the analysis of the works of the outstanding scholar of pre-Soviet legal science I.A. Pokrovsky, devoted to the problem of imperfection of the written law and ways to overcome it from the point of view of the main issues of the philosophy of law, revealed the main ideas and views of a jurist who have modern significance. The author proves that the ideas of I.A. Pokrovsky, originating from the idea of synthesizing natural and positive law, about the impact of the imperfection of legislation on the social and legal development of society, not only have not lost their relevance, but are largely ahead of time.

Keywords: law-making, judicial law-making, imperfection of the law, certainty of law, codification, I.A. Pokrovsky, legal thought, optimization of legislation, law enforcement.

References

1. Makovskij A.L. Vypavshee zveno / Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. Izd. 3-e. M., 2001. 351 p.
2. Polyanskij N.N. Iosif Alekseevich Pokrovskij (Lichnost' pokojnogo i ego trudy) / Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. Izd. 6-e, M: Statut, 2013. 349 p.
3. Polenina S.V. Kachestvo zakona i effektivnost' zakonodatel'stva. M., 1993. 56 p.
4. Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M., 2003. 351 p.
5. Neshataeva T.N. Uroki sudebnoj praktiki o pravah cheloveka: evropejskij i rossijskij opyt. M., 2007. 319 p.
6. Pokrovskij I.A. Estestvenno-pravovye techeniya v istorii grazhdanskogo prava // Civilisticheskaya praktika. Vyp. № 1 (22). 2007. P. 38–67.
7. Pokrovskij I.A. Gosudarstvo i chelovechestvo. M., 1919. 46 p.
8. Pokrovskij I.A. Pravo i fakt v rimskom prave. CH. II: Genезis pretorskogo prava. Kiev: tip. imp. Un-ta sv. Vladimira, 1898-1902. 2 t. 209 p.
9. SHatkovskaya T.V. CHelovek kak yuridicheskaya lichnost' v pravovoj koncepcii I.A. Pokrovskogo // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2021. №1. P. 18–22.

*К 80-летию выдающегося отечественного ученого-юриста
заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук,
профессора В.М. Сырых (день рождения 27 июля)*

**СТАЛИНСКИЙ ТЕРРОР ПОД «ЮРИДИЧЕСКИМ МИКРОСКОПОМ»
ИЛИ «ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ»
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ, СПРОВОЦИРОВАННЫЕ
МОНОГРАФИЕЙ В.М. СЫРЫХ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА:
ПО ДИРЕКТИВАМ ПАРТИИ, НО ВОПРОКИ ПРАВУ». М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2020)**

Краковский доктор юридических наук, профессор кафедры государственного
Константин Института государственной службы и управления,
Петрович Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (119606, Россия, г. Москва,
пр. Вернадского, 84). E-mail: kp.krakovskiy@migsu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые юридические аспекты сталинского террора в СССР в контексте исследования выдающегося отечественного ученого-юриста В.М. Сырых.

Ключевые слова: сталинский террор, политические репрессии, НКВД, «тройки», расстрельные списки, политическая юстиция, «ежовщина», смертная казнь, социально-опасный элемент.

Сталинизм и сталинщина, период правления «вождя народов», вообще, и сталинский террор, в частности, вызвали «взрывную» научную рефлексию, как в нашем Отечестве, так и за рубежом. Вышло несметное количество книг, статей и прочей научной продукции, посвященной этой теме, как преимущественно обличительной, так и апологетической.

Интересующая нас в связи с рецензируемой книгой «Террориана» (литература о сталинском терроре; позволю себе изобрести образец новояза) достаточно обширна. От потомком жертв – А.В. Антонов-Овсеенко, и писателей В.Т. Шаламова и А.И. Солженицына до серьезных исследователей-историков – отечественных (Д.А. Волкогон, О.В. Хлевнюк, О.Б. Мозохин, В.Н. Земсков и мн. др.) и зарубежных (последние особенно охотно занялись исследованием российских архивов, открытых в 1990-е годы, создали ряд фундаментальных трудов, очередной раз «напугав» западного читателя «прелестями социализма»). Даже метафорическое определение пика репрессий – «Большой террор» – принадлежит иноземцу Д.Р.А. Конквесту.

Казалось бы, уже давно вбит историографический «осиновый кол» в сталинскую политику террора... Ан-нет... В качестве «ответной реакции» на обширную литературу, посвященную самым разным аспектам сталинского «Большого террора» в 2000-е годы хлынул мутный поток реабилитационных (не в смысле реабилитации жертв террора, а в смысле реабилитации палачей) работ с «говорящими названиями»: «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века (Д.Ю. Лысков); «Творцы террора» (Е.А. Прудникова), «1937 год без вранья. Сталинские репрессии спасли СССР» (А.М. Буровский), «"Если бы не сталинские репрессии!": Как Вождь спас СССР» (К.К. Романенко) и др. «Несть им числа и имя им легион...».

Возможно, такого «раздрая» в литературе не было бы, если бы после крушения «коммунистического режима» новые власти «новой России» поступили так же, как это попыталось сделать буржуазное Временное правительство: провести настоящий суд над главными деятелями «темных сил» свергнутого режима. Весной 1917 г. была создана Чрезвычайная следственная комиссия, которая собирала документальные доказательства, свидетельства и пр. для этого суда¹. Но, увы, оно не довело до конца это хорошее начинание по вполне объективным причинам – случилась Октябрьская революция.

В 1991 г. была предпринята слабая попытка – в Конституционном суде судить КПСС/КПРФ. Дело закончилось «юридическим патом», и был упущен шанс дать политико-

¹ Подр. см.: [1–2].

юридическую оценку едва ли главному преступному деянию прежнего режима – политике насилия и репрессий и, прежде всего, «сталинского террора».

В связи с этим, отряд ученых-историков, писателей, общественных деятелей составили своеобразный «общественный трибунал», но не для того, чтобы судить – это не есть задача науки, а раскрыть правду, страшную правду о политических репрессиях, политическом государственном терроре в СССР¹. Увы, за смертью многочисленной преступной группы судить деятелей «сталинского» террора не удастся. Но верно отметил В.М. Сырых: задача юридической и исторической науки – «воздать по заслугам их». Нужно назвать вещи своими именами: само государство, действовавшее таким противоправным образом, превратилось в преступное государство, преступное сообщество.

При том, что «сталинский террор», в первую очередь, это явление, имеющее *юридическую* природу (язык не поворачивается сказать «правовую природу»), по сути, представляет собой классический образец политической юстиции, следует удивиться, что юристы уделили этой проблеме до обидного незначительное внимание. Так, можно назвать книгу В.В. Лунеева, проанализировавшего размах террора и его место в общих цифрах преступности в нашей стране [4], монографию авторского тандема В.Н. Кудрявцева и А.И. Трусова, посвященную преимущественно догматическому толкованию феномена советской политической юстиции [5].

В связи с имеющимся дефицитом книг именно ученых-юристов работа В.М. Сырых является очень своевременной, закрывающей имеющиеся историографические лакуны, и, уверен, она займет свое почетное место в историографии «сталинского» террора.

Более того, было чрезвычайно интересно узнать, какую принципиальную позицию займет этот ученый-юрист, хорошо известный в стране и за рубежом своими работами, продолжающими освоение марксистско-ленинской доктрины, развивающими материалистическое понимание права [6–7]. В то время, как многие ученые-юристы, поклонявшиеся теории марксизма-ленинизма в советский период, после крушения социализма «сожгли тех, кому поклонялись» и бросились с разрешенной смелостью критиковать названную теорию, В.М. Сырых остался верен своим идеалам, хотя и сделал немало для очищения марксизма и материализма от «наносов» и вульгаризации их в советский период.

Свой объективный подход к оценке роли и значения, например, В.И. Ленина, он обозначил в самом названии еще одной своей книги «Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия)» [8]. Пример, достойный подражания.

И в данном случае В.М. Сырых избрал свой путь теоретического и историко-правового исследования проблемы «сталинского» террора «без пристрастия» (о подобострастия просто не может идти речь): он анализирует ее, как и положено юристу, на фоне крупной проблемы нормативного обоснования, заложив это в само название книги – «по директивам партии, но вопреки праву». Хотя его негативное отношение к «сталинскому террору» (а какое иное отношение может быть к нему у любого нормально мыслящего человека?) видно невооруженным глазом. Сразу отметим, что автор этой статьи целиком и полностью разделяет с В.М. Сырых это отношение.

Сама по себе дискуссия по действительно серьезной проблеме – о реальном, а не идеальном или идеологическом значении партийных директив относительно нова: в конце концов, споры сводятся к вопросу, являются ли они источником права, а, значит, имеют нормативную (юридическую) природу, и, следовательно, должны обеспечиваться санкциями и сами могут регулировать принудительные (насильственные меры).

Советские ученые-юристы (начиная с С.И. Раевича [9], затем Д.А. Керимов, А.И. Денисов, С.Л. Зивс и др.) ограничивались провозглашением, разумеется, положительной роли Коммунистической партии, в том числе и в правотворчестве, т.к. в силу известных причин они не могли провести глубокий теоретический и критический анализ партийных актов.

После падения социализма в нашей стране и установления едва ли не полной свободы дискуссий по любым вопросам, продолжается до сих пор спор между учеными-юристами по вопросу о «юридическом» значении актов, решений органов Коммунистической партии (от РСДРП (б) до КПСС).

¹ Мы ограничиваемся все же репрессиями «сталинского периода». Природа «красного террора», как показал в своем фундаментальном исследовании В.М. Сырых [3], все же несколько иная, чем у «сталинского террора».

В исследованиях последних лет сложились две диаметрально противоположные точки зрения. Одна из них (М.Н. Марченко, Т.Ф. Ящук, О.В. Винниченко, А.М. Ваганов и др.) выражает категорическое мнение, что партийные документы *не являются источниками права*. Лишь в тех случаях, когда происходит легитимация решений партии правовыми актами, они приобретают значение официально признанных источников права. В то же время они признают тот неоспоримый факт, что «образование правовой системы советского общества, в которой фактически большую силу имели партийные акты, являющиеся неправовыми регуляторами, стало результатом не простого стечения обстоятельств в рассматриваемый исторический период, а было моментом в общей российской правовой традиции приоритета власти над правом и распространенности правового нигилизма» [10].

Иная точка зрения (В.М. Курицын, Р.А. Насибуллин, И.В. Минникес, С.А. Токмин) состоит в том, что партийные акты в конкретно-исторических условиях *являлись источниками права*, и на основе анализа партийных актов через призму признаков нормы права делают вывод – «нормы общего действия, содержащиеся в партийных актах, в полной мере соответствуют признакам нормы права» [11].

Своеобразным арбитром в этом академическом споре выступил известный ученый-юрист С.В. Кодан [12–15]. Он настаивает на том, что специфика партийно-государственного управления и правотворчества в СССР определяет место партийных документов в системе носителей правовой информации. Необходимо учитывать, что в СССР сложилась специфическая система управления и правового регулирования, основой которой выступал партийно-государственный механизм принятия и реализации политических, идеологических, управленческих решений. Поэтому необходимо провести четкую границу между двумя группами источников советского права – идеологическими и юридическими. Идеологическими источниками права выступали работы лидеров коммунистической партии, программные документы и решения партийных органов, которые определяли идеологические и политические направления, стратегические и тактические задачи развития советского общества. Однако в юридическом понимании формой права они не являлись [16].

Независимо от признания или отрицания за партийными актами значения источников советского права, следует принять как аксиому то, что они со своей большей (де факто) политической силой, авторитетом демонстрируют феномен превалирования власти (партийной) над правом (государственным – т.е. исходящим от государства). Иными словами, партийные документы можно признать *своеобразными* источниками права в системе советского права вплоть до 1991 г.

Применительно к рецензируемой книге, следует признать правоту В.М. Сырых, проанализировавшего содержание и применение партийных норм десятков постановлений Политбюро, касавшихся государственного террора, и показавшего реальное *юридическое значение и приоритет* партийных норм над Конституцией и законодательством. Действительно, государственные институты, которые должны в своей деятельности руководствоваться только законом, в рассматриваемый период следовали именно решениям Политбюро, а в реальности лично тов. Сталина. Партийные акты противоречили законам, подменяли их действие, но, к сожалению, именно они были основными источниками правоприменительной деятельности (с. 75).

Весьма ответственным является первый (теоретический) раздел книги, в которой автор анализирует террор как средство построения социализма. Можно спорить, насколько реально применяемые методы террора связаны с этими задачами, но признаем, что он, террор, не был «огульным»: в обоснование применения карательных мер идеологи террора (Сталин и его ближайшее окружение) называли категории тех, кто, якобы, *мешает строить социализм* и поэтому нуждается в подавлении: первоначально это были «враги» социализма, вредители, вставляющие палки в колеса (на пути рабочего класса), кулаки, мешающие становлению колхозного строя (на пути трудового крестьянства), троцкисты (служащие) – просто агенты германской разведки. Для новых волн террора жертвами были названы жители «новоприсоединенных» территорий, «враги, пробравшиеся в органы НКВД», «народы, сотрудничавшие с фашистами» и «далее на всех остановках», вплоть до врачей и «безродных космополитов».

Другое дело, насколько обоснованы или фальшивы были эти постулаты идеологов террора, а если второе, то каковы были реальные цели государственного террора, особенно

в отношении бывших товарищей по революционной борьбе и по партии (т.н. «ленинской гвардии» партии)?

Чрезвычайно интересной выглядит позиция В.М. Сырых по вопросу об условиях *легитимации террора*. Тема не нова. К ней, в частности, обратился в лихую годину Первой русской революции премьер П.А. Столыпин. Выступая 13 марта 1907 г. во 2-й Государственной думе и отвечая на обвинения в адрес правительства, что у него «руки по локоть в крови» (в связи с военно-полевыми судами, а, по сути, имелся в виду государственный террор против революционеров), ответил: «Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете, этот порядок признается всеми государствами. Это, господа, *состояние необходимой обороны* (выделено мной – К.К.): оно доводило государство не только до усиления репрессий, не только до применения различных репрессий к различным лицам и к различным категориям людей, оно доводило государство до подчинения всех одной воле, произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство из опасности и приводило до спасения. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная *необходимость стоит выше права* (курсив мой – К.К.), и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью Отечества» [17, с. 56–57].

Нам представляется, что процитированное заявление премьера П.А. Столыпина о том, что «российское государство находится в состоянии необходимой обороны» было попыткой («покушением с негодными средствами») объяснить природу практической принудительной (насильственной) деятельности карательных органов и, конечно, оправдать ее¹, отчего она, однако, не вправе рассчитывать на оправдание, получение «индульгенции истории»².

В.М. Сырых выделяет юридические критерии правомерности репрессии и затем примеряет их к «сталинскому террору». К ним он относит:

1. *Нормативный*: для того чтобы террор стал государственной общеобязательной мерой, он должен быть легализован в законах и иных правовых актах, официально опубликованных и известных населению. Сами законы о государственной репрессии должны быть правовыми! (т.е. соответствовать основополагающим принципам права – равноправия, взаимозависимости, эквивалентности, общеобязательности, свободы воли и др.) и действующей конституции страны (с. 70).

2. *Целевой*: террор вводится для *решения общегосударственной задачи* – чтобы удержать основную массу населения от желания совершать действия, запрещенные под страхом применения мер террористического порядка.

Сомнительно наличие и этого, при применении к сталинскому террору: какая общегосударственная задача решалась, если привлекали заведомо невиновных (наличие списков, установление «нормативов» репрессии, а не вины лиц, подлежащих уголовной ответственности)?

3. *Кадровый*: органы государства и должностные лица сами не должны нарушать законность, демонстрировать уважение к правам личности (с. 63).

Автор совершенно обоснованно *отказывает* «сталинскому» террору в соответствии этим легитимирующим признакам.

Но наряду с этими формально-юридическими, В.М. Сырых выдвигает и *политический критерий* в обоснование легитимности – государственный террор должен быть средством защиты прогрессивного пути развития общества, революционных завоеваний пролетариата. Иными словами, революционный террор – сугубо правовая мера (с. 65).

Мы помним, что жертвами «сталинского» террора оказалось больше половины членов первого правительства – они оказались врагами народа. Так ли это было на самом деле? Если нет, то их репрессирование не отвечает даже формальному критерию – защиты завоеваний! Тогда каковы были цели этого террора? Полагаю, можно прислушаться к утвердившемуся в литературе мнению, что с помощью «Большого террора» И.В. Сталин убрал с политической арены, быстро «вычистил» «старую ленинскую партийную гвардию», заменив ее своей,

¹ Аргументы, опровергающие эту конструкцию правительства см.: [18].

² Интересно, что прямо противоположную идею выдвигал известный французский писатель Анатоль Франс в 1906 г.: «Напрасно судьи пытаются смыть кровь со своих рук, ссылаясь на законы, более смертоносные, чем японские снаряды. Эти бесчеловечные драконовские законы оправдывают любые мятежи и восстания. Они ставят *русский народ* (выделено мной – К.К.) в положение самозащиты, заставляя его бороться против иступленных зверств агонизирующего царизма». См.: [19, с. 701]

преданной только ему, номенклатурой. Удивительно точно и афористично выразил эту идею эмигрантский историк Б.И. Николаевский, назвавший «ежовщину» «варварской формой смелости правящего слоя» [20, с. 204].

Является ли сталинский террор равнозначным революционному террору? Автор отвечает на этот вопрос отрицательно, и мы с ним солидарны. Впрочем, тогда все же остается вопрос: можно ли к нему применять общеправовые требования, требовать его соответствия принципам права; можно ли признать легитимным насилие с политической, а не с юридической целью?

Автор вводит еще одно условие легитимности государственного террора: *временное* – т.е. время, когда допускается революционный террор – это военное время (Гражданская война; *в мирное время – это всегда произвол*). Его вывод очевиден: при Сталине в 30-е годы – не было войны, и уже только это обстоятельство делигитимировало террор; у власти оставались лишь фальшивые лозунги защиты революции от контрреволюционеров, якобы посягавших на советский социалистический строй.

Автор выделяет три формы государственного террора, осуществленного в 1930 – начале 1950-х годов:

1. Установление уголовных и иных санкций, не соответствующих тяжести совершенного правонарушения (напр., сбор колосков, уголовная ответственность рабочих за дисциплинарные правонарушения).

2. Упрощение процессуальных процедур применения репрессий и использования не судебных органов.

3. Усиление уголовно-правовых или административных репрессий с одновременным упрощением процедур.

В.М. Сырых признает, что сталинский террор на статус правового явления претендовать не мог¹. Это государственный произвол, повлекший миллионные жертвы (с. 72). Верный и важный вывод.

Автор показывает, что «сталинский» террор проводился по канонам «красного террора», образно называя это «триадой бессудия»:

А) осуществлялся преимущественно внесудебными органами («тройки»);

Б) осуществлялся в упрощенном порядке;

В) широко применялась высшая мера наказания (ВМН).

Признавая «сталинский» террор организованной формой государственного насилия, мало чем уступавшего вреду, с которым боролось советское государство, посредством террора, справедливо называя его «голым произволом», недопустимым для социалистического государства, автор, впрочем, находит его «частичную реабилитацию» в успешном завершении строительства основ социализма (с. 73). Но тогда возникает вопрос – с чем связана новая, пусть и не такая высокая волна террора в послевоенный период, когда основы социализма уже построены (Ленинградское дело, борьба с «безродным космополитизмом, дело врачей и т.д.)?

Еще один важный «общий вопрос темы» – периодизация сталинского террора (Гл. 6). Автор предлагает его деление на 4 этапа: 1. Легализованный² террор (1927–1934); 2. Раскулачивание (1930–1933); 3. «Ежовщина» (или Большой террор) (1937–1938); 4. «Бериевщина» (1939–1953). С этой периодизацией можно согласиться лишь отчасти (хотя бы потому, что используются разные основания периодизации). К примеру, историки «сталинского террора» говорят о еще одном периоде и целом направлении «сталинского террора» – *борьбе с вредителями*, а Шахтинский процесс 1928 г. о вредителях вообще некоторые считают отправной точкой сталинских репрессий. Возникает еще один вопрос: как, например, соотносить первый этап с предлагаемым известным канадским исследователем П. Соломоном периодом «1934–1936 гг.» – когда, по его мнению, начался поворот к традиционному правопорядку, имела место «попытка восстановить авторитет закона»? [21, с. 148–149] Во всяком случае, для этого есть основания: создан общесоюзный Наркомат внутренних дел, а ОГПУ

¹ Название гл. 5 «Сталинский государственный **правовой** террор», видимо, просто техническая неточность. Возможно, вместо слова «правовой» нужно было использовать термин «формально-юридический», подчеркивая неправовой характер действий сталинского режима.

² Использование автором термина «легализованный» связано с тем, что в означенный период все же принимались нормативно-правовые акты советского государства (всего 7), а не партийные постановления, посвященные осуществлению репрессий. Их анализу посвящена глава 13 книги В.М. Сырых.

вошло в него как одно из многочисленных «мирных» подразделений, а созданное при НКВД СССР Особое совещание было ограничено в судебной функции.

Впрочем, несомненно, каждая из стадий, выделяемых В.М. Сырых, действительно, имела свои объективные или субъективные особенности.

Автор небезосновательно полагает, что политика государственного террора не обошлась без идеологического обоснования. В качестве одного из главных идеологов (ставшего, в конце концов, жертвой своего «детища»; можно перефразировать известную максиму – «террор пожирает своих собственных идеологов»). В.М. Сырых называет прокурора Н.В. Крыленко, открывшего «ящик Терроры» (позволим себе модификацию имени Пандоры, известной героини древнегреческого эпоса).

Кстати, он был одним из немногих в составе сталинской политической элиты, имевший юридическое образование. Как известно, профессиональных юристов в ту пору не жаловали. Историк В.В. Ганин предпринял попытку установить среди высших руководителей советского государства в довоенные годы лиц, имевших юридическое образование. Нашел всего троих (В.И. Ленин, В.И. Межлаук и А.Я. Вышинский – соответственно председатель СНК и его заместители), и еще двое – среди наркомов неюридических ведомств (тот же В.И. Межлаук, нарком тяжелой промышленности СССР и Г.Я. Сокольников – наркомфин СССР) [22, с. 253 и далее]. Некоторые историки находят причины такой «дискриминации» юристов в том, что их юридический профессионализм был крайне опасен корпоративному режиму [23].

В.М. Сырых в начале 2000-х годов стал автором, по сути, первого глубокого исследования биографии Н.В. Крыленко и его роли как идеолога и активного практика сталинского террора [24]. В рецензируемой книге он развил свой сформировавшийся взгляд на этого «законника», апологета «сталинского» террора (Раздел II).

Представляет большой интерес систематизированный анализ В.М. Сырых общесоюзных законов, легализовавших сталинский террор. Он называет 7 важнейших законов за период от 1929 до 1937 гг., показывает их противоречие принципам права (напр., то, что им придавалась обратная сила – глава 13). Можно согласиться с выводом автора, что эти акты – голый, субъективный произвол законодателя, повлекший массовые репрессии в отношении лиц, не совершавших каких-либо противоправных деяний против советской власти и даже не помышлявших о них.

Раздел III книги посвящен второму, согласно периодизации В.М. Сырых, этапу государственного террора – раскулачиванию как террористическому акту против крестьянства, как «прологу “Большого террора”». Важным для понимания юридической природы этого «мероприятия» сталинского руководства был проведенный автором скрупулезный анализ ряда секретных постановлений Политбюро как квазиправовой основы раскулачивания.

В ключевом разделе работы (автор называет его не «привычно» – «Большой террор» (БТ), а по фамилии главного исполнителя – наркома НКВД СССР Ежова – «Ежовщина») дана развернутая картина «ядра Большого террора» (выражение Марка Юнге и Рольфа Биннера).

Можно вполне согласиться, что точкой отсчета БТ стал февральско-мартовский пленум ЦК 1937 г. Как и предыдущих разделах, В.М. Сырых обращается к анализу содержания нормативных актов, которые создали базу террора – как законы, так и партийные решения (Глава 22 с характерным названием «Политбюро как самозванный и к тому же бездарный законодатель»).

По его подсчетам, с мая 1937 по 1 декабря 1938 г. Политбюро ЦК партии, примерило на себя тогу законодателя, вышло за пределы своих полномочий и приняло более 20 постановлений, которые юридически необоснованно вносили коррективы в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Но, самое главное, они противоречили, как «еще свежей» Конституции СССР 1936 г., так и действующему законодательству, общим принципам права.

Наиболее характерны – постановление Политбюро от 5 июля 1937 г. «О членах семей осужденных изменников родины», также постановления от 28 июня, 2 и 31 июля 1937 г., от 15 сентября 1938 г. и др. – ими были определены, а потом и расширены полномочия «троек»: о «тройках» для разрешения дел кулаков, уголовников и др. социально-опасных элементов [25] (т.е. новый квазисудебный орган создавался актами Политбюро, в нарушение ст. 102 Конституции СССР, которая закрепляла систему судов в стране, перечисляла судебные органы и оговорилась, что иные судебные органы создаются постановлениями Верховного Совета СССР, а таких постановлений не было, они создавались актами Политбюро).

Более того, этими партийными актами была ликвидирована, по сути, возможность (и необходимость!) установления вины на основе проверенных в судебном заседании доказательств. Особенно страшно, что «уголовный», по сути, но абсолютно «бессудный», по существу, процесс проходил не только без обвинителя и защитника, но даже без самого подсудимого, по бумагам, как когда-то в императорской России в XVIII в. И приговор «тройки» не доводили до сведения осужденного, просто незамедлительно расстреливали на основании «приговора», да он, собственно, и не подлежал обжалованию. По сравнению с «тройками» царские военно-полевые суды образца 1906–1907 гг. – образцовые судебные инстанции! Там хотя бы допрашивали подсудимого и свидетелей...

Но самое страшное и самое позорное в истории коммунистической партии страны победившего социализма – решение Политбюро, благословлявшее органы НКВД на применение физического насилия (читай, пыток) в отношении подсудимых, принятое примерно в июле 1937 г. Иными словами, издавая партийные акты в противоречие с законодательством, Политбюро создавало условия для террора, действуя быстро, секретно и бесконтрольно.

Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Не ограничившись ролью самозванного законодателя, Политбюро приняло на себя и роль органа правосудия (не менее самозвано!) (Глава 22.). Эта роль состояла в том, что Политбюро (вернее, отдельные члены Политбюро), выносило фактически «приговоры», предопределяя результаты уголовного преследования, иными словами, действовало как *судебный институт*. Оно «утверждало» (это делалось просто подписыванием, даже без хотя бы декоративного обсуждения) списки лиц, дела о которых передавались на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР. В течение 1937–1938 гг. таким манером было утверждено 383 списка на 44465 человек (партийные, советские, хозяйственные и комсомольские работники, а также простые рабочие и крестьяне).

Утверждение списков шло не от имени Политбюро, а это были наиболее доверенные люди Сталина (завизировал 357 списков) – Молотов (372 списка), Каганович (188), Ворошилов (185), А.А. Жданов (176), Ежов (8), Микоян (8). На одном списке стояло обычно по 3–5 подписей.

Эта процедура вообще была за пределами какой-то юридической квалификации: некая коллегия людей, не имея вообще никакого специального права (только их *коллективные* решения в *составе Политбюро* имели политическую силу, либо в личном качестве – в соответствии со статусом, напр., Молотов – председатель СНК, Каганович, Ворошилов, Ежов – наркомы, но они могли подписывать административные акты для своего ведомства, не больше!), решала судьбы десятков тысяч граждан страны Советов!

Боле того, подписанный список имел силу *окончательного приговора* (в них определялась и мера наказания) – последующее рассмотрение дела в Военной коллегии превращалось в пустую формальность (без участия сторон и при закрытых дверях). Т.е. *группа товарищей* предрешала судьбу дела и подменяла судебный орган, становилась автором судебного (обычно смертного) приговора. В 1937–1938 гг. Военная коллегия рассмотрела и осудила около 37 тысяч человек, из них 25 тысяч к расстрелу.

Более того, решением Политбюро ЦК от 30 июня 1931 г. было сочтено целесообразным все приговоры к ВМН, вынесенные коллегией ОГПУ, направлять на утверждение ЦК ВКП (б). Т.е. партийное руководство присвоило себе еще и статус *надзорного судебного органа*, не имея не то что юридического права, но и ни одного квалифицированного юриста в своем составе. Что интересно, прокурор СССР А.Я. Вышинский, все же будучи юристом, понимая всю противоправность такого рода практики, под благовидным предлогом уклонился от участия в подписании этих списков.

Достаточно подробно автор анализирует содержание, процессуальные характеристики «ежовского» следствия и судебного процесса (гл. 24).

Одним из самых страшных нормативных актов по последствиям своего применения был Приказ наркома НКВД СССР Ежова № 00447 от 30 августа 1937 г., метафорично названный «приказом смерти» (был утвержден Политбюро на следующий день¹), предусматривавший упрощенный порядок расследования и рассмотрения угол дел (в административном порядке).

¹ Только этому приказу, его исполнению органами НКВД посвящены самостоятельные исследования. См. напр.: [26].

Важно, что автор называет поделщиков Сталина в появлении на свет этого «людоедского» акта: Ежов, Молотов, Ворошилов, Каганович, Калинин, Андреев, Косиор, Микоян и Чубарь. Это, впрочем, не отменяет и не умаляет ответственность непосредственных исполнителей этого приказа – «следователей» и «судей»: выполнявших и перевыполнявших плановые показатели партии по казням невиновных.

В.М. Сырых анализирует чудовищную систему планирования террора: показывает – кто, руководствуясь какими показателями, устанавливал «контрольные цифры». Это, наверное, единственный случай в истории человечества установления нормативов казней: например, по Московской области репрессировать 35000 человек, из них расстрелять 5000; по Ленинградской области – репрессировать 14.000, расстрелять 4000 человек и т.д. Но не менее чудовищно, что республиканские, региональные руководители органов НКВД запрашивали Москву об увеличении «контрольных цифр», получении дополнительных «лимитов на казни» (гл. 25).

Приказ московского военного губернатора Ф.В. Дубасова в революции 1905 г. «Патронов не жалеть!» преподносился советской историографией как верх бесчеловечности. Сталин, Ежов и их поделщики в центре и на местах оставили далеко позади царского сатрапа. И это в Советском Союзе, стране, строившей «светлое будущее всего человечества»!

Но как выполнять приказ? На всем протяжении советского периода (да и не только его) весьма важным показателем была «палочка» в отчете о работе за каждое раскрытое уголовное преступление. Но где было «набрать» такое количество преступлений, да еще столь серьезных, как «контрреволюционное», такое число «социально опасных элементов»? Путь один – фальсификация! Она была облегчена, благодаря созданной упрощенной процедуре, полностью противоречившей уголовно-процессуальному закону и самой Конституции.

Автор раскрыл юридическую природу фальсификации уголовных дел. Важнейшим для приговора – вывода суда являются доказательства. Написаны тома и тома, где лучшие юридические умы раскрывали юридическую природу, препарировали каждое из них. Выдающийся русский юрист В.Д. Спасович совсем не преувеличивал значение теории доказательств, называя ее «центральным пунктом всей системы судопроизводства, душой всего уголовного процесса» [27, с. 165]. Все эти постулаты были забыты творцами уголовных дел 1930-х годов.

Автор показывает, что «ежовские следователи» широко применяли пытки, избиения и угрозы (арест родственников: жен, детей). Вследствие это не удивляет, что в протоколах допросов обвиняемые поголовно «признают вину» в совершении самых невероятных преступлений (особенно «популярное» – завербованы разведками Германии или Японии, или еще какой-то; где, когда, «адреса, явки»... – ничего не устанавливалось, считалось достаточным собственное признание). И это делалось умышленно: они, чекисты, *заведомо знали*, что привлекают незаконно и без оснований – В.М. Сырых приводит многочисленные примеры, в том числе собственные признания этих «горе-следователей» (с. 326–327).

Интересно, что в конце 1938 г. Сталин и Молотов назвали эти формы и методы работы незаконными, не стеснялись сваливать вину на все тех же «врагов народа, шпионов иностранных разведок, пробравшихся в органы НКВД». Богатая фантазия ... Они как бы изолировали себя от этого беззакония: это, по их уверениям, *другие делали*, хотя именно они, руководители партии, являлись вдохновителями этого террора; своими постановлениями Политбюро выписывало своеобразную индульгенцию для НКВД.

Временами Владимир Михайлович Сырых даже переходит на прямое, не без сарказма, обращение: «28 июня 1937 г. Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, презрев Конституцию СССР, действующие уголовный и уголовно-процессуальные законы ... взяли на себя законотворческие функции и постановлениями Политбюро ЦК партии закрепили чрезвычайные нормы проведения Большого террора»... (с. 330-334). Эти страницы книги читаются на одном дыхании. Этим он напомнил весьма эмоциональное знаменитое письмо Ф.Ф. Раскольникова Сталину (1939 г.) с его рефреном «Вы, Сталин, ...». Да и как можно оставаться спокойным, когда рассказываешь о совершенно противоправной и бесчеловечной практике советского руководства?

Автор также дает свой ответ на вопрос о причинах «упрощенки»: нехватка следователей (нужно было в короткое время привлечь к уголовной ответственности, согласно «лимитам»,

259.000 «социально опасных элементов»). Автор подсчитал, сколько следователей понадобилось бы для расследования *в общем порядке, согласно УПК РСФСР*, такое количество дел – 13.000 следователей, т.е. нужно было задействовать *каждого второго* сотрудника УГБ НКВД. Такой возможности не было, а результаты должны были быть. Поэтому и ввели упрощенный порядок, и конечно, пытку, – для тех же целей (добиться признания, которое облегчало «работу» тройки). «Следователи» выявляли, как в сказке, «то, чего не может быть»(!), реализовали «лимит» на фактическое бессудное убийство вместо правосудия.

Потом их же, «ежовских следователей», репрессировали, расстреляли, т.е. прятали концы в воду (глава 26 с перифразом «Мавр сделал свое дело, мавра можно расстрелять»), а инициаторы террора остались безнаказанными.

Автор не уходит от одного из ключевых (и остающихся дискуссионными в историографии) вопросов: какова причина Большого террора? Предлагает свою версию ответа. Но здесь он показал себя в качестве адепта социализма, не избежал модного нынче спора с «современными либералами», критикует их (348 и след.). В.М. Сырых напоминает, что именно большевики превратили отсталую державу в развитую экономику.

Как сторонник идей этого самого либерализма (в хорошем смысле слова), рецензент может поспорить: Россия уже в начале XX века входила в пятерку крупнейших экономик мира, вслед за США, Англией, Францией и Германией. Хотя, нужно признать, ее капитализм в терминологии «левого» публициста Б.Ю. Кагарлицкого был «периферийным», и вопиющих проблем (особенно в аграрном секторе) было хоть отбавляй. Во всяком случае, Антанта – союз, который крупнейшие и сильнейшие державы (Англия, Франция, США) заключали с сильным, а не слабым партнером, каковым и была Российская империя.

Автор полагает, что сталинский террор был «вывертом, зигзагом субъективного плана, выпадающим из закономерного хода строительства социализма». Он признает, что никаких объективных причин для проведения БТ не было, что это его проведение было чисто субъективным решением Сталина, но оговаривается, что Сталин «неумышленно» провел террор, а вследствие неспособности понять объективные закономерности построения социалистического общества, что было его «ошибкой» (с. 349).

Рецензент не готов признать массовый террор «ошибкой», разве только в смысле известной фразы: «это больше чем преступление, это ошибка».

Это нарушение сроков сева озимых или несвоевременную поставку нефти на перерабатывающие заводы можно назвать ошибкой. Массовый террор – это страшное преступление против *своего народа*, аналогов которому в мировой истории не так уж много (на ум приходит лишь аналогичная «ошибка» верного сталиниста Пол Пота в Кампучии в 1970-е годы). И, самое страшное, что он был проведен целенаправленно (умышленно в лексике науки уголовного права).

Впрочем, это уже мировоззренческие противоречия автора и рецензента, которые разрешит только время, а не научная дискуссия.

Важным теоретико-правовым выводом (юридической квалификацией) автора является то, что Сталин, вводя «тройки» и т.д., – совершил частичный конституционный переворот (микроруптч) на период осуществления Большого террора (с. 354). Суть переворота автор видит в присвоении Политбюро компетенции законодателя: оно создало новые судебные, по сути, органы и создало для них нормативную основу (уголовную и уголовно-процессуальную). Сформировалась «адская машина», единая общесоюзная фабрика по выбиванию признательных показаний. На «следствии» не существовало никаких прав обвиняемых, а затем в «судопроизводстве» – никаких прав подсудимых. Политбюро сместило конституционные органы (ЦИК, СНК), – само принимало решения юридического свойства по террору (уголовного и уголовно-процессуального свойства), что, по убеждению автора, однозначно свидетельствовало о кризисе советской власти.

Автор представляет прекрасный – простой и прозрачный, абсолютно логичный – образец юридического анализа карательной деятельности сталинского аппарата. Он называет три условия правомерности посягательства государства на жизнь гражданина через применение смертной казни: 1) в случаях, прямо предусмотренных уголовным законом и за совершение особо тяжких и опасных для общества преступлений, в отношении особо опасных преступников; 2) приговаривать подсудимых к смертной казни может только судебный орган, на основе

исследования добытых по делу доказательств; 3) сам приговор и предшествующее ему разбирательство должны производиться на основе уголовно-процессуального закона (с. 390).

Все три *conditio sine qua non* были нарушены. Кем в таком случае становятся лица, являвшиеся инициаторами и акторами-реализаторами этого убийства, все причастные? – Это однозначно преступники, действовавшие согласно своей роли: организаторы (Сталин и руководители НКВД), исполнители (сотрудники НКВД на местах, не расследовавшие, а «стряпавшие» миллионы дел), пособники (члены «троек»). А преступника надо судить; «преступник должен сидеть в тюрьме»... Но, увы...

Последний раздел книги посвящен «бериевскому террору», названному автором книги «секретным, жестоким, но без ошибок». У рецензента, впрочем, остался вопрос: почему без ошибок, что имеется в виду?

Автор анализирует меры, направленные на свертывание БТ, которые сами его организаторы и осудили; (постановление СНК и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и предварительном следствии»). В этом постановлении были названы виновники террора – враги, пробравшиеся в органы НКВД; цель такого «перевода стрелок» очевидна – избежать ответственности Политбюро, отвести от него подозрения.

Автор дает развернутую критику этому постановлению по шести позициям, показывает, в чем оно было фарисейским и лицемерным (с. 403–404). Однако эти шаги партии означали не прекращение, а лишь коррекцию террора. В целом В.М. Сырых характеризует новые явления в реализации государственного террора как «бериевская оттепель» (очищение органов НКВД и ликвидация «троек», большее вовлечение судебных органов, смягчение террора, частичная реабилитация осужденных, повышение роли прокурорского надзора и усиление процессуальных гарантий для подсудимых и пр.). Суть нового этапа террора автор обоснованно видит в борьбе Л.П. Берия и А.Я. Вышинского (или по-другому – НКВД и Прокуратуры) за первенство в терроре. И вновь победили спецслужбы (Берия) – они поставили прокуратуру и суды «на место».

Автор останавливается на описании страшных картин государственного террора в предвоенные годы (репрессии против членов семей «изменников Родины», масштабные принудительные переселения жителей вновь присоединенных территорий – республики Прибалтики, Западная Украина, Катынский расстрел и др.) (Гл. 32).

Он справедливо характеризует акты, ставшие основанием этих репрессий, а также осуществленную на их основе карательную деятельность как антиконституционные. Впрочем, делает и полный сарказма вывод: «понятно, ни партия, ни правительство не станут пасовать перед какими-то формальными условностями типа конституционных установлений»; Берия не подвел партию, проявив свои лучшие качества «гениального менеджера, а также последовательного защитника законности и социалистической демократии» (с. 434).

Отдельные главы автор посвящает террору во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1945–1953 – «метастазы террора»).

Он рассматривает ряд решений ГКО, Наркомата обороны и др. – по борьбе с изменниками родины. Большое место он уделяет трагическому акту депортации целых народов, обвиненных в, якобы, пособничестве нацизму (депортировано порядка 2 млн чел.), указывает на то, что решения о депортации приняты с грубейшими нарушениями конституционных положений и уголовного и уголовно-процессуального законодательства, да и к тому же ни Президиум Верховного Совета СССР, ни СНК СССР не обладали полномочиями по принятию таких решений. Это был типичный государственный террор.

Автор выделяет две стадии послевоенного террора: стагнации и реформирования. Сталин полагал, что террор вполне укладывается в модель управления советским обществом, поэтому не следует от него отказываться. В книге показано ослабление террора как вяло и секретно текущее (упразднение ГКО и восстановление конституционных органов, отмена военного положения и отмена уголовной ответственности по законам военного времени, амнистия; постепенное устранение уголовной ответственности за нарушения трудового права, отмена смертной казни, впрочем, всего на 2 с небольшим года).

И, напротив, показан процесс реанимации политическим руководством террористических средств: расстрел 40 генералов; Ленинградские дела, процесс Еврейского антифашистского комитета, Мингрельское дело и, как завершающий (но не доигранный) аккорд – дело врачей.

Автор обращает внимание на тот важный юридический и исторический факт, что, если «сталинский террор» осуществлялся на основе постановлений *партийного органа* (Политбюро), то его свертывание (отмена террора и освобождение жертв) осуществлялось уже *государственными актами* (ряд постановлений (указов) Президиума Верховного Совета СССР) после смерти Сталина, не содержащих, однако никакой реабилитации многомиллионных жертв репрессий – это стало делом последующих поколений руководителей страны.

Обычно книги завершаются заключением. В данном случае автор остался верен своему юридическому кредо: заключение не обычное, а *обвинительное*, как в любом уголовном деле. Сталин обвиняется по нескольким статьям УК РСФСР, и от этих обвинений ему бы не отвертеться, окажись он на реальной скамье подсудимых.

Что хотелось бы сказать в итоге? Политические дискуссии вокруг многочисленных аспектов истории сталинизма (в том числе с обвинениями и ответной защитой) сопровождаются политическими аргументами. Там все идет в ход: от фактов и полуправды, до откровенной лжи и, в конце концов, завершается трудно опровержимым аргументом «сам дурак!». Политическая аргументация в значительной мере определяется мировоззрением, философскими и политическими идеалами участника дискуссии. Нередко это приводит к тому известному «примиряющему» положению, что «у каждого своя правда». Это, в свою очередь приводит к тупику, невозможности установить истину.

А вот когда последовало обвинение *юридического* свойства, то спорить можно только имея *юридические* контраргументы (даже не интерпретация права, а само право, законы, судебная практика). Поэтому даже приводимый выше трудно опровержимый аргумент должен звучать так: «сам дурак, в соответствии со статьей... закона...». И в этом смысле, оппоненты В.М. Сырых должны будут представить именно юридические аргументы его неправоты. Подозреваем, что таковые найти будет трудно, а, скорее всего, невозможно.

В конце своих размышлений над этой замечательной книгой В.М. Сырых хотелось бы сказать еще об одном важном аспекте, который можно найти на... обороте титула: в аннотации. Там сказано, что книга предназначена для специалистов, историков, магистрантов, диссертантов... Полагаю, что очень важно, чтобы ее содержание, напрямую или опосредованно, через преподавателей, узнали *студенты юридических вузов*. Наше поколение советских студентов-юристов училось по учебникам, в которых в лучшем случае периоду репрессий был посвящен... один абзац, в котором отмечалось (я цитирую!), что имели место «отдельные нарушения социалистической законности, которые, однако, не изменили демократического характера советского государства».

Каждый будущий юрист России должен знать правду о трагических страницах истории нашего государства. И книга, не побоюсь этого слова, выдающегося отечественного ученого-юриста В.М. Сырых (кстати, в этом году он отмечает свой 80-летний юбилей!) дает достаточно информации для этого. Впрочем, не менее полезной в качестве источника размышлений она может быть и для тех, кто ежегодно в марте с благодарной памятью усыпает цветами могилу тирана у Кремлевской стены.

Литература

1. Варфоломеев Ю. В. Расследование деятельности правящего класса Российской империи Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Саратов: Наука, 2011. 280 с.
2. Краковский К.П. «Щегловитовская» юстиция в России (министерство юстиции позднеимперского периода по материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства). М.: Юрлитинформ, 2016. 200 с.
3. Сырых В.М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М.: Юрлитинформ, 2018. 469 с.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. 525 с.
5. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000.
6. Чернобель Г.Т. В.М. Сырых – методолог, теоретик, социолог и историк права. Научная биография. М.: Изд-во РАП, 2011. 426 с.
7. Чернобель Г.Т. Сырых Владимир Михайлович // Правовая наука и юридическая идеология. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий / Под ред. В.М. Сырых. Т. 4 (1965-1 января 2011 г.) М.: РГУП, 2015. С. 612–616.

8. Сырых В.М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия. М.: Юрлитинформ, 2017. 520 с.
9. Раевич С.И. О характере норм партийного законодательства // Советское право. 1923. № 3. С. 92–102.
10. Винниченко О.В., Ваганов А.М. К вопросу об определении статуса партийных документов в системе источников советского права // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 207–208.
11. Минникес И.В., Токмин С.А. Партийный акт как источник права // Академический юридический журнал. 2014. № 4. С. 4–12.
12. Кодан С.В. Акты РКП (б) – ВКП (б) – КПСС и советское право. Размышления по поводу диссертации С.А. Токмина «Партийные акты в системе источников советского права» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 2. С.127–135.
13. Кодан С.В. Партийные документы в системе источников изучения советского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 40–45.
14. Кодан С.В. Механизмы легализации идеологическо-политических партийных решений РКП (б) – ВКП (б) – КПСС через систему нормативных актов в РСФСР – СССР в 1917 – 1980-е годы (источниковедческий контекст) // Личность. Право. Государство. 2018. № 2. С. 45–60.
15. Кодан С.В. Внезаконные нормативные акты в РСФСР-СССР (источниковедческий аспект) // Проблемы истории общества, государства и права. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2019. С. 386–396.
16. Кодан С.В. «Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет ВКП (б) постановляют...» Совместные нормативно-правовые акты коммунистической партии и советского государства в системе источников советского права // Genesis: исторические исследования. 2016. № 1. С. 39–53.
17. Столыпин П.А. Речи в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 /Сост. Ю.Г. Фельштинский. Нью-Йорк. 1991.
18. Краковский К.П. Государство в состоянии необходимой обороны: метафизика своеволия или нарциссизм вины? // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой, межотраслевой анализ. Матер. VII межд. науч.-теор. конф. СПб, 1-2 дек. 2006 г. Ч. II. СПб: СПб Университет МВД РФ, 2006. С. 59-63.
19. Франс А. Собр. соч. в 8 тт. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. Т. 8.
20. Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995. 512 с.
21. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998. 462 с.
22. Ганин В.В. Государственная политика в области подготовки юридических кадров России, конец XIX – XX вв. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2003.
23. Коржихина Т.П. Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
24. Сырых В.М. Н.В. Крыленко – идеолог советского правосудия. М., 2003. 432 с.
25. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004.
26. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»: Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРОХХ, 2003.
27. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств // Спасович В.Д. Сочинения. Т. 3. СПб, 1890.

Krakovskiy Konstantin Petrovich, Doctor of Law Sciences, Professor of the Chair of State Science of the Institute of State Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Pr. Vernadskogo, Moscow, 119606, Russian Federation).

E-mail: kp.krakovskiy@migsu.ru

THE STALINIST TERROR UNDER THE "LEGAL MICROSCOPE" OR " THE LEGAL LOOKING GLASS OF SOVIET HISTORY " (REFLECTIONS ON THE STALINIST REPRESSIONS PROVOKED BY V. M. SYRYKH'S MONOGRAPH "THE LEGAL NATURE OF THE STALINIST TERROR: ACCORDING TO THE DIRECTIVES OF THE PARTY, BUT CONTRARY TO THE LAW". MOSCOW: YURLITINFORM, 2020)

Abstract

The article considers some legal aspects of the Stalinist terror in the USSR in the context of the research of the outstanding Russian legal scientist V. M. Syrykh.

Keywords: *Stalinist terror, political repressions, NKVD, "troika", execution lists, political justice, "ezhovshchina", death penalty, socially dangerous element.*

References

1. Varfolomeev YU. V. Rassledovanie deyatel'nosti pravyyashchego klassa Rossijskoj imperii CHrezvychnoj sledstvennoj komissiej Vremennogo pravitel'stva. Saratov: Nauka, 2011. 280 p.
2. Krakovskij K.P. «SHCHeglovitovskaya» yusticiya v Rossii (ministerstvo yusticii pozdneimperskogo perioda po materialam chrezvychnoj sledstvennoj komissii vremennogo pravitel'stva). M.: YUrlitinform, 2016. 200 p.
3. Syryh V.M. Krasnyj terror: kanony biblejskie, da ispolnenie plebejskoe. M.: YUrlitinform, 2018. 469 p.
4. Luneev V.V. Prestupnost' HKH veka. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii: Mi-rovoj kriminologicheskij analiz. M.: Norma, 1997. 525 p.
5. Kudryavcev V., Trusov A. Politicheskaya yusticiya v SSSR. M.: Nauka, 2000.
6. CHernobel' G.T. V.M. Syryh – metodolog, teoretik, sociolog i istorik prava. Nauchnaya bio-grafiya. M.: Izd-vo RAP, 2011. 426 p.
7. CHernobel' G.T. Syryh Vladimir Mihajlovich // Pravovaya nauka i yuridicheskaya ideologiya. Enciklopedicheskij slovar' biografij i avtobiografij / Pod red. V.M. Syryh. T. 4 (1965-1 yanvarya 2011 g.) M.: RGUP, 2015. P. 612–616.
8. Syryh V.M. Neizvestnyj Lenin: teoriya socialisticheskogo gosudarstva (bez pri-strastiya i podobostrastiya. M.: YUrlitinform, 2017. 520 p.
9. Raevich S.I. O haraktere norm partijnogo zakonodatel'stva // Sovetskoe pravo. 1923. № 3. P. 92–102.
10. Vinnichenko O.V., Vaganov A.M. K voprosu ob opredelenii statusa partijnyh dokumentov v sisteme istochnikov sovetskogo prava // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 3. P. 207–208.
11. Minnikes I.V., Tokmin S.A. Partijnyj akt kak istochnik prava // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 4. P. 4–12.
12. Kodan S.V. Akty RKP (b) – VKP (b) – KPSS i sovetskoe pravo. Razmyshleniya po povodu dissertacii S.A. Tokmina «Partijnye akty v sisteme istochnikov sovetskogo prava» // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2016. № 2. P. 127–135.
13. Kodan S.V. Partijnye dokumenty v sisteme istochnikov izucheniya sovetskogo prava // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2016. № 2 (109). P. 40–45.
14. Kodan S.V. Mekhanizmy legalizacii ideologicheskopoliticheskikh partijnyh reshenij RKP (b) – VKP (b) – KPSS cherez sistemu normativnyh aktov v RSFSR – SSSR v 1917 – 1980-e gody (istochnikovedcheskij kontekst) // Lichnost'. Pravo. Gosudarstvo. 2018. № 2. P. 45–60.
15. Kodan S.V. Vnezakonnye normativnye akty v RSFSR-SSSR (istochnikovedcheskij aspekt) // Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava. Sb. nauch. trudov. Ekaterinburg, 2019. P. 386–396.
16. Kodan S.V. «Sovet Narodnyh Komissarov i Central'nyj Komitet VKP (b) postanovlya-yut...» Sovmestnye normativno-pravovye akty kommunisticheskoy partii i sovetskogo gosudarstva v sisteme istochnikov sovetskogo prava // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2016. № 1. P. 39–53.
17. Stolypin P.A. Rechi v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 /Sost. YU.G. Fel'shtinskij. N'yu-Jork. 1991.
18. Krakovskij K.P. Gosudarstvo v sostoyanii neobhodimoy oborony: metafizika svoevoliya ili narcissizm viny? // Pravovye sostoyaniya i vzaimodejstviya: istoriko-teoreticheskij, otraslevoj, mezhotraslevoj analiz. Mater. VII mezhd. nauch.-teor. konf. SPb, 1-2 dek. 2006 g. CH. II. SPb: SPb Universitet MVD RF, 2006. P. 59–63.
19. Frans A. Sobr. soch. v 8 tt. M.: Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1960. T. 8.
20. Nikolaevskij B.I. Tajnye stranicy istorii. M., 1995. 512 p.
21. Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline. M.: ROSSPEN, 1998. 462 p.
22. Ganin V.V. Gosudarstvennaya politika v oblasti podgotovki yuridicheskikh kadrov Ros-sii, konec XIX – XX vv. Dis. ... dokt. ist. nauk. M., 2003.
23. Korzhihina T.P. Figatner YU.YU. Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy dej-stviya // Voprosy istorii. 1993. № 7. P. 25–38.
24. Syryh V.M. N.V. Krylenko – ideolog sovetskogo pravosudiya. M., 2003. 432 p.
25. Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. 1937–1938. M.: MFD, 2004.
26. YUnge M., Binner R. Kak terror stal «Bol'shim»: Sekretnyj prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya. M.: AIROXX, 2003.
27. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovnyh dokazatel'stv // Spasovich V.D. Sochineniya. T. 3. SPb, 1890.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРАВА

УДК 342.4

DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-2-67-73

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Баранов Павел Петрович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: pravosoznanie@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются философские, социальные, юридические и политические аспекты проблемы ограничения прав и свобод личности. Рассматривая систему ограничений прав и свобод как составную часть механизма реализации и обеспечения прав и свобод личности, автор останавливается на проблеме соразмерности и законности соответствующих ограничений. В статье анализируются конституционно-правовые основания подобных ограничений, а также роль Конституционного Суда РФ в механизме защиты прав и свобод от чрезмерных ограничений. Отдельное внимание уделяется правовой позиции Конституционного Суда РФ, о признании соответствующими Конституции РФ региональных «коронавирусных» ограничений прав и свобод.

Ключевые слова: законность, злоупотребление правом, иерархия конституционных ценностей, Конституционный Суд РФ, ограничение прав и свобод, правовое государство, свобода, субъективные права и свободы.

Институт ограничения прав и свобод традиционно выступает как один из наиболее обсуждаемых в современной юридической науке. Актуальные тенденции и направления развития российской правовой системы, особенно в последнее десятилетие, способствовали появлению богатого фактического материала достойного обсуждения. Дискуссии о целесообразности тех или иных ограничений, в большей степени затрагивающих сферу политической свободы, стали неотъемлемой частью современного научного пространства России. Особенностью современной дискуссии о целесообразности введения тех или иных ограничений субъективных прав выступает ее ярко выраженная политическая и геополитическая окраска. И если на первых этапах развития молодой российской государственности соответствующая дискуссия проходила в большей степени в системе формально-юридических координат, а целесообразность тех или иных ограничений оценивалась с точки зрения оптимизации механизмов правового регулирования и развития тогда еще «молодых» институтов реальной демократии, то сегодня значительный вес приобретает геополитический фактор, зачастую выступая в качестве единственного способа оценки перспективности и целесообразности очередного законодательного изменения.

Одновременно отметим, что основы теории ограничения субъективных прав и свобод были заложены в большей степени в последнее десятилетие прошлого века. Это не означает, что в советской юридической науке идее ограничения прав и свобод не уделялось необходимого внимания, как минимум на уровне теории. Напомним, что ст. 39 Конституции СССР 1977 г. содержала традиционное для современной юридической науки краеугольное положение о том, что «использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан»¹.

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (утратила силу) // Ведомости ВС СССР. 1977 № 41 Ст. 617.

Более подробно, в отличие от действующей Конституции, проблема ограничения прав и свобод граждан не затрагивалась. Однако нельзя не признать, что соответствующие общетеоретические научные размышления советских ученых всегда были ограничены жесткими рамками государственной идеологии, основанной на непогрешимости идеи социалистического строительства и значительном преувеличении реальных возможностей социалистической демократии. Не случайно в Конституции СССР 1977 г. использовались такие формулировки как «подлинная демократия для трудящихся масс», «общество подлинной демократии» и др.

Последнее обстоятельство не означает, что советская политическая система не видела дальнейших путей своего развития и совершенствования. Так, в ст. 9 Конституции СССР 1977 г. основными направлениями развития политической системы советского общества и социалистической демократии выступали: «все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля... расширение гласности, постоянный учет общественного мнения». Однако в целом, реальный механизм контроля над институтом ограничений прав граждан советской юридической наукой не разрабатывался. Одновременно отметим, что обоснование необходимости ограничения тех или иных прав и свобод на различных этапах формирования и развития советской власти и советского государства в трудах советских ученых, безусловно, присутствовали (права буржуазии, избирательные права, права на забастовку, выход их гражданства и др.) [1–2].

Отметим также, что сама проблематика ограничения субъективных прав и свобод активно использовалась советскими учеными для критики либеральных буржуазных правовых концепций, рассматривающих естественные и неотчуждаемые права и свободы, как фактор ограничения государственной власти [3, с. 86]. Исходный тезис таких утверждений достаточно сложно опровергнуть, и сегодня – сколько бы государство не провозглашало безусловную ценность (самоценность) и естественность прав личности, оно и дня не сможет прожить без их ограничения.

Однако, на наш взгляд, действительный интерес к проблеме ограничений субъективных прав и свобод в ее конкретно правовом и общетеоретическом представлении, возник непосредственно, в момент наиболее пристального внимания к проблеме реализации и обеспечения прав и свобод, отмеченного в последнее десятилетие прошлого века. И это не случайно. Провозгласив, вслед за Конституцией 1993 г., права и свободы в качестве высшей ценности, таким образом, зафиксировав переход от социалистической идеологии к новой либеральной, молодая российская наука была вынуждена «заново» найти и сформулировать общетеоретические и концептуальные обоснования для ограничения прав и свобод, которые в новой российской действительности требовали значительно более четкой и обоснованной аргументации. Это и предредило огромное количество научных исследований в области механизма ограничения прав и свобод личности как элемента общего механизма реализации и обеспечения прав и свобод. Одновременно следует учитывать, что в общем виде идея необходимости законодательного ограничения естественных и неотчуждаемых прав и свобод, в той или иной форме, уже была сформулирована в теории правовой мысли. Отечественным авторам оставалось описать проблему применительно к национальным реалиям, характеризующим конкретный исторический этап развития конституционно-правовых отношений, тем более что «новая» российская конституция содержала достаточно четкие правовые ориентиры для системы возможных ограничений прав и свобод.

Систематизируя основные части и элементы соответствующей дискуссии обозначенного периода, выделим ее основные тезисы:

- в основе идеи ограничения прав и свобод лежит идея реализации и обеспечения прав и свобод;
- свобода человеческой личности неразрывно связана со свободой других лиц, однако любая свобода не абсолютна, ведь жить в обществе и быть свободным от общества нельзя;
- пользование правами неразрывно связано с ответственностью перед другими индивидуумами и государством, а также принципами гуманности, солидарности, нравственности, что и предвосхищает границы человеческой свободы;

- критерии ограничения (пределы, границы использования) прав и свобод должны соответствовать сложившейся в обществе системе социально значимых ценностей;
- ограничение прав и свобод – это способ разрешения конфликта интересов между человеком и другим человеком, человеком и государством.

Достаточно оригинальной представляется точка зрения В.А. Толстика, в соответствии с которой поиск причин для обоснования ограничения прав и свобод совершенно бессмысленен в абстрактно-теоретическом плане, т. к. соответствующие цели не являются универсальными, а право одного человека зачастую исключает наличие права у другого лица [4, с. 37; 5, с. 160–161].

Отметим также, что в юридической науке предпринимаются попытки дополнительным образом легитимизировать институт сужения материального содержания того или иного субъективного права путем обособления понятий «ограничение прав и свобод» и «имманентные пределы прав и свобод» [6, с. 6–8; 7, с. 5]. Однако, на наш взгляд, и в том, и в другом случае речь идет о соответствующем изъятии из правового статуса. В первом случае – на стадии непосредственной реализации субъективного права, во втором случае – на стадии наполнения конкретным субъективным права содержанием, предшествующим его реализации.

Однако и в том и другом случае речь идет о сужении материального содержания субъективного права, а тот факт, что это происходит на различных стадиях правореализации, не является сколько-нибудь принципиальным. С подобным подходом можно было бы согласиться, если бы имманентные пределы субъективного права выступали состоянием, обладающим хоть минимальными признаками стабильности и постоянства. Однако – это не так. Бесконечно изменяя и модифицируя условные «имманентные пределы», исходя из соображений юридической, политической или геополитической целесообразности, мы, по сути, нивелируем соответствующую идею. При этом конечному потребителю субъективного права не важно, на какой стадии он лишается тех или иных правовых возможностей – на стадии определения пределов реализации субъективного права или на стадии последующих изъятий, в смысле, ограничений. Кроме того, сам «момент перехода» имманентных пределов в соответствующие ограничения зафиксировать достаточно сложно. Как справедливо отмечал в свое время В.И. Крусс «не проявленное вовне ограничено быть не может, но то, что проявлено (предметно конкретизировано), уже ограничено» [4, с. 20–42].

В конечном итоге обсуждение проблемы ограничения конкретных субъективных прав и свобод в современной России свелось к проблеме обсуждения соразмерности соответствующих ограничений конституционно-значимым целям, проблеме иерархии конституционных ценностей и вопросу о соотношении частного и публичного в конституционно-правовом регулировании. Отдельного внимания в этой связи совершенно справедливо заслуживает деятельность Конституционного Суда РФ.

Реализуя одно из своих важнейших полномочий – по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод проверять конституционность федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативных актов, примененных в конкретном деле (в последней редакции Федерального конституционного закона «О конституционном Суде РФ» круг нормативных актов, подлежащих проверке стал значительно шире)¹, Конституционный Суд РФ выступает основным и наиболее действенным органом государственной власти, стоящим на страже основных прав и свобод граждан.

Нередко в широком общетеоретическом ключе проблема ограничения прав и свобод рассматривается в контексте общетеоретической проблемы злоупотребления правом. В частности, к злоупотреблению правом относят злоупотребление свободой слова, злоупотребление правом на мирные демонстрации, злоупотребление свободой ассоциаций и др. Ряд авторов сводит проблему злоупотребления правом в публично-правовой сфере к злоупотреблению правом (полномочиями) органами публичной власти [8].

Другие авторы, рассматривая проблему злоупотребления правом в уголовно-процессуальной сфере, используют данную правовую конструкцию применительно ко всем без

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

исключения участникам уголовного процесса [9]. Напомним, что современное российское законодательство рассматривает институт злоупотребления правом только применительно к сфере частного-правовых интересов. Однако соответствующие научные исследования в публично-правовой сфере также представляются нам достаточно перспективными.

Напомним, что в России не существует специального базового закона, регламентирующего критерии и порядок ограничения субъективных прав и свобод. Правовым основанием для соответствующих ограничений выступает ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в соответствии с которой «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». В литературе можно встретить утверждение, что впервые аналогичное положение в несколько усеченном виде появилось в Конституции РСФСР 1978 г., тогда как в тексте предыдущих советских Конституций данное положение не фигурировало [10, с. 78].

С подобным утверждением можно согласиться лишь отчасти. Следует учитывать важное обстоятельство. Речь идет об одной из последних редакций Конституции РСФСР 1978 г. Соответствующие изменения датированы апрелем 1992 года и вносились уже не «Законом РСФСР», а «Законом РФ», да и сама Конституция к этому моменту именовалась не «Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», а «Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России», поэтому ставить соответствующий текст Основного Закона в ряд других советских конституций не вполне корректно. Это относительно самостоятельный документ, который не имеет практически никакой связи с исходным текстом Конституции РСФСР 1978 г.

Нельзя с полной долей уверенности утверждать, какой именно конкретно-правовой смысл стремился вложить законодатель в соответствующие положения. Последнее замечание касается текста обеих конституций, которые мы упомянули. Однако с уверенностью можно утверждать, что в современном правовом пространстве России конституционные положения, касающиеся возможности ограничений прав и следует трактовать следующим образом:

- все без исключения права и свободы могут быть ограничены;
- все права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом или на основании федерального закона (предполагается понимание категории «федеральный закон» в широком смысле);
- перечень целей, во имя которых могут быть ограничены права и свободы максимально широк, что позволяет говорить о явном приоритете в данном вопросе публичных интересов над частными.

Некоторые исследователи, рассматривают вопрос о возможности ограничения тех или иных прав в контексте иерархии соответствующих прав. В частности на основе анализа ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, в соответствии с которой «не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46 – 54 Конституции Российской Федерации», делается вывод о делении всех прав на абсолютные, не подлежащие ограничениям ни в каких случаях, и все остальные [11, с. 17, 24]. На наш взгляд, с такими выводами нельзя согласиться, ведь соответствующие конституционные положения задают определенную иерархичность системе прав и свобод исключительно в контексте института чрезвычайного положения. Базовой же конституционной установкой в сфере ограничений прав и свобод выступают положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Практика конституционного правосудия подтверждает соответствующие выводы. Именно такое понимание ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ вытекает, например, из Определения Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 428-О-0¹.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 428-О-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шаклеина Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 2 статьи 8 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях"» // СПС «КонсультантПлюс».

Отметим, что «эпоха коронавируса» актуализировала не только проблему соразмерности ограничений прав и свобод конституционно-значимым целям, но и, казалось бы, давно забытую и пройденную проблему правомерности и законности таких ограничений. Речь идет о том, что на момент введения коронавирусных ограничений в субъектах Российской Федерации соответствующих оснований для последних в федеральном законодательстве еще не существовало. Впоследствии они появились, однако в течение определенного времени региональные власти, по сути, нарушали положения ст. 55 Конституции РФ. Однако, еще до появления на свет «знакового» постановления Конституционного Суда, многие исследователи сходились во мнении, что признание соответствующих ограничений незаконными и, в частности, противоречащими Конституции, повлекут катастрофические последствия для правоприменительной системы, поэтому «положительное» решение этого вопроса маловероятно [12, с. 32–34]. Подобные ожидания оправдались.

В своем постановлении от 25.12.2020 № 49-П Конституционный Суд РФ, отметив экстраординарность ситуации и факт оперативного (опережающего) правового регулирования, спустя незначительный период времени «легитимированного правовыми актами федерального уровня», признал соответствующее нормотворчество регионального уровня не противоречащим Конституции РФ¹. На наш взгляд, подобной ситуации могло бы и не случиться, если бы федеральный законодатель заблаговременно внес соответствующие изменения, ведь, несмотря на реальную экстраординарность ситуации, необходимое время в его распоряжении все же имелось.

В заключение отметим, что возможность ограничения базовых, основополагающих, естественных и неотчуждаемых (соответствующих формулировок может быть сколько угодно много) прав и свобод человека – это основа, на которой покоится благополучное функционирование любого современного государства. Права и свободы не могут существовать без их ограничения. Абсолютное право, как и абсолютная свобода – это фикция. Только в результате своего ограничения права и свободы обретают реальные возможности для практической реализации. Не случайно конституционные положения о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 Конституции РФ) соседствуют с указанием на то, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ст. 17 Конституции РФ).

По своей юридической природе проблема ограничения прав и свобод, с одной стороны, характеризует вопрос о соотношении частных и публичных интересов, с другой – позволяет разрешать конфликты интересов между отдельными индивидуумами. Пресловутый механизм обеспечения прав и свобод в обязательном порядке включает в себя и основания для их ограничения.

На сегодняшний день в научном сознании сформировалось адекватное и прагматичное понимание самой идеи законодательного ограничения прав и свобод, как минимум, на общетеоретическом и концептуальном уровнях. Нельзя не отметить, что определенный вклад в этот вопрос внесла и советская юридическая наука, в том числе, последовательно критикуя либеральную идею правового государства.

На наш взгляд, на сегодня основные проблемы в соответствующей сфере лежат в плоскости определения соразмерности тех или иных ограничений конституционных прав конституционно значимым целям. Особый отпечаток на анализ и подходы к решению данных вопросов в современной России накладывает, так называемый, геополитический фактор. Нельзя не заметить, что за последнее десятилетие материальное содержание некоторых субъективных прав и свобод существенным образом сократилось.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области" в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2021. № 1 (часть II). Ст. 289.

Подобные тенденции, даже при учете специфики правового регулирования в данной сфере на конкретном этапе исторического развития, вызывают вполне закономерную озабоченность у большей части научного сообщества. Одновременно актуализируется соответствующее направление в деятельности Конституционного Суда РФ как основного органа внутригосударственного контроля над всей системой юридических (законных по формальным критериям) ограничений прав и свобод. Отметим также, что в «эпоху коронавируса» актуализировалась проблема правомерности (законности) ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Фарберов Н.П. Советская конституция в двух главных фазах развития социалистического государства // Советское право в первой и второй главных фазах развития социалистического государства: тезисы докладов на научной сессии Всесоюзного института юридических наук. М, 1951. С. 10 – 13.
2. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. 367 с.
3. Малицкий А. Советское государственное право. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1926. 322 с.
4. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: «Круглый стол» // Государство и право. 1998. № 7.
5. Толстик В.А. Противоречия в понимании и практике ограничения прав и свобод человека и гражданина // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Ч. 1. Н. Новгород, 1998. С. 160 – 161.
6. Эбзеев Б.С. Ограничения конституционных прав: понятие и пределы // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Н. Новгород, 1998. Ч.1.
7. Эбзеев Б.С. Конституция определяет жизнь каждого из нас (Интервью с Б.С. Эбзеевым) // Юрист. 2020. № 2. С. 2–9.
8. Ванин В.В., Мирошник С.В. Злоупотребление правом в частноправовых и публично-правовых отношениях // Гражданское право. 2020. № 5. С. 11–14.
9. Доница Д.А. Мировой суд как регулятор уголовно-процессуальных отношений, содержащих признаки злоупотребления правом // Мировой судья. 2021. № 2. С. 3–8.
10. Шумилова Т.А., Мурзова М.А. Ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 2. С. 77–83.
11. Шустров Д.Г. Аксиология Конституции РФ 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 14–26.
12. Коновалов А.М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 32–34.

Baranov Pavel Petrovich, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: pravosoznanie@gmail.com

PROBLEMS OF LIMITING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS

Abstract

The article analyzes the philosophical, social, legal and political aspects of the problem of limiting the rights and freedoms of the individual. Considering the system of restrictions on rights and free as an integral part of the realization of the rights and freedoms of the individual, the author dwells on the problem of proportionality and legality of the corresponding restrictions. The article analyzes

the constitutional and legal grounds for such restrictions. Special attention is paid to the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, on the Constitution of the Russian Federation of regional "coronavirus" restrictions on rights and freedoms.

Keywords: *Constitutional Court of the Russian Federation, freedom, subjective rights and freedoms, hierarchy of constitutional values, legality, overindulgence of the right, restriction of rights and freedoms, rule of law.*

References

1. Farberov N.P. Sovetskaya konstituciya v dvuh glavnyh fazah razvitiya socialistichesko-gosudarstva // Sovetskoe pravo v pervoj i vtoroj glavnyh fazah razvitiya socialisticheskogo gosudarstva: tezisy dokladov na nauchnoj sessii Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk. M, 1951. P. 10 – 13.
2. Kukushkin YU.S., CHistyakov O.I. Ocherk istorii Sovetskoj Konstitucii. 2-e izd., dop. M.: Politizdat, 1987. 367 p.
3. Malickij A. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo. Har'kov: YUridicheskoe izdatel'stvo NKYU USSR, 1926. 322 p.
4. Principy, predely, osnovaniya ogranicheniya prav i svobod cheloveka po rossijskomu zakonodatel'stvu i mezhdunarodnomu pravu: «Kruglyj stol» // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 7.
5. Tolstik V.A. Protivorechiya v ponimanii i praktike ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Teoriya i praktika ogranicheniya prav cheloveka po rossijskomu zakonodatel'stvu i mezhdunarodnomu pravu. CH. 1. N. Novgorod, 1998. P. 160 – 161.
6. Ebzeev B.S. Ogranicheniya konstitucionnyh prav: ponyatie i predely // Teoriya i praktika ogranicheniya prav cheloveka po rossijskomu zakonodatel'stvu i mezhdunarodnomu pravu. N. Novgorod, 1998. CH.1.
7. Ebzeev B.S. Konstituciya opredelyaet zhizn' kazhdogo iz nas (Interv'yu s B.S. Ebzeevym) // YUrist. 2020. № 2. P. 2–9.
8. Vanin V.V., Miroshnik S.V. Zloupotreblenie pravom v chastnopravovyh i publichno-pravovyh otnosheniyah // Grazhdanskoe pravo. 2020. № 5. P. 11–14.
9. Donika D.A. Mirovoj sud kak regulyator ugolovno-processual'nyh otnoshenij, soderzha-shchih priznaki zloupotrebleniya pravom // Mirovoj sud'ya. 2021. № 2. P. 3–8.
10. SHumilova T.A., Murzova M.A. Ogranicheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2009. № 2. P. 77–83.
11. SHustrov D.G. Aksiologiya Konstitucii RF 1993 goda // Social'no-politicheskie nauki. 2015. № 4. P. 14–26.
12. Konovalov A.M. Zakonno li vvedeny rezhim povyshennoj gotovnosti i posledovavshie za nim ogranicheniya prav i svobod na territoriyah sub"ektov Rossijskoj Federacii? // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2020. № 7. P. 32–34.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО
ПОЛИЦИИ И ИНСПЕКТОРА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
НА АДМИНИСТРАТИВНОМ УЧАСТКЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Безуглый Эдуард Александрович	кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71). E-mail: eduardbezugly@mail.ru
Ткаченко Владимир Васильевич	кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71). E-mail: tkachenkovlad@yandex.ru
Шумский Виктор Васильевич	старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71) E-mail: viktor.shumskiy.68@mail.ru

Аннотация

В статье авторами рассмотрены основные направления деятельности участкового уполномоченного полиции и инспектора по делам несовершеннолетних, направленных на предупреждение правонарушений несовершеннолетних. Рассмотрены основные недостатки работы сотрудника полиции касаясь деятельности административного надзора, проведения индивидуальной профилактической работы. Рассматриваются главные причины, побуждающие несовершеннолетних на совершение правонарушений. Основной проблемой профилактики правонарушений среди несовершеннолетних является взаимодействие различных органов власти на районном, городском и региональном уровнях и оказание методической и практической помощи. Авторами даны рекомендации по совершенствованию и эффективному взаимодействию между различными органами власти и ведомствами по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: *полиция, участковый уполномоченный, инспектор по делам несовершеннолетних, административный участок, профилактика, профилактическая деятельность, несовершеннолетний, правонарушение.*

Анализ работы участковых уполномоченных полиции свидетельствует о системной и целенаправленной работе по всем направлениям оперативно-служебной деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции. Вместе с тем, отдельным направлением следует выделить работу с лицами, состоящими на профилактическом учете [1, с. 189; 10, с. 77]. В настоящее время в Белгородской области на профилактическом учете состоит 687 поднадзорных и 774 лиц, формально подпадающих под административный надзор. По инициативе сотрудников территориальных ОМВД России в первом полугодии под надзор взято 124 гражданина (2018 г. – 106, +14,5%).

В первом полугодии 2019 года сотрудниками территориальных органов за уклонение от административного надзора по ст. 314.1 УК РФ¹ возбуждено 88 уголовных дела (2018 г. – 80), в том числе 59 (2018 г. – 44, +34%) по ч. 2 данной статьи УК РФ за неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением данным лицом административного право-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

нарушения против порядка управления, либо административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, либо административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность¹.

В связи с несоблюдением поднадзорным лицом установленных судом ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре (ст. 19.24 КоАП РФ)² пресечено 1357 административных правонарушений.

Принятые в отношении поднадзорных лиц меры превентивного уголовного и административного воздействия способствовали сокращению на 20,5 % (с 34 до 27) количества поднадзорных лиц, совершивших умышленные преступления, по оконченным расследованием уголовным делам.

Основными недостатками в организации работы по линии административного надзора являются следующие:

1. Недостаточный контроль за образом жизни поднадзорных лиц и слабая роль руководителей подразделений полиции территориальных ОМВД России за деятельностью подчиненных сотрудников в организации этой работы.

В нарушение требований приказа МВД России от 08.07.2011 № 818 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»³ на основании проведения комплексных проверок, проводимых территориальными органами МВД России, поднадзорные лица не проверяются по месту их жительства. Участковые уполномоченные полиции ежемесячно не докладывают рапортом начальнику территориального органа о результатах проведенной профилактической работы с указанной категорией граждан. Дела административного надзора проверяются начальниками территориальных органов с нарушением сроков периодичности проверок.

2. В полном объеме не устанавливается круг связей поднадзорных лиц, зачастую в листе связей отражаются сведения со слов самого поднадзорного. Данная информация в ООРИ⁴ и ОУР ОМВД не запрашивается и не проверяется.

3. Участковыми уполномоченными полиции не качественно проводится работа с родственниками, соседями и работодателями поднадзорных по сбору характеризующих сведений [3, с. 97; 8, с. 66].

Сотрудникам основных подразделений, задействованным в осуществлении контроля за поднадзорными лицами, необходимо:

1. Участковому уполномоченному полиции, получившему информацию о проживании на административном участке поднадзорного лица, вносить сведения о поднадзорном лице в электронный паспорт на административный участок.

2. Дополнительно разъяснять поднадзорному права и обязанности, а также полномочия сотрудников органов внутренних дел при осуществлении административного надзора (статьи 10, 11 и 12 Федерального закона № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»). В случае установления поднадзорному лицу запрета на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания в определенное время суток, объяснить порядок проверки по месту жительства [4, с. 208].

Кроме этого, поднадзорному лицу во время постановки на профилактический учет необходимо разъяснять полномочия участкового уполномоченного полиции в проведении индивидуально-профилактической работы, включающие в себя:

- проведение профилактических бесед;
- осуществление наблюдения за поведением, образом жизни, кругом общения поднадзорного лица;

¹ Аналитический обзор деятельности УМВД России по Белгородской области за 2019 год. С. 14.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

³ Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

⁴ «ООРИ» – отдел оперативно-разыскной информации.

- осуществление наблюдения за выполнением возложенных на него судом административных ограничений и обязанностей;
- взаимодействие с родственниками, соседями и работодателем поднадзорного лица (проведение опросов);
- применение мер административного принуждения при нарушениях законодательства Российской Федерации;
- посещение не реже одного раза в месяц по месту жительства (пребывания) поднадзорного лица в определенное время суток, в течение которого запрещено пребывание вне указанных помещений¹.

В случаях, выявления при проведении профилактического обхода факта проживания на административном участке поднадзорного лица, не состоящего на профилактическом учете в территориальном органе, участковый уполномоченный полиции обязан незамедлительно сообщить инспектору по административному надзору для постановки на административный учет поднадзорного лица и проведения с ним необходимых профилактических мероприятий².

3. Сотрудники территориальных органов МВД России, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность на закрепленной за ними территории:

- принимают участие в осуществлении наблюдения за соблюдением поднадзорными лицами административных ограничений, установленных судом, и обязанностей, возложенных на них Федеральным законом;
- осуществляют по указанию начальника территориального органа МВД России сбор информации для установления места нахождения поднадзорных лиц, уклоняющихся от административного надзора;
- осуществляют в установленном порядке розыск поднадзорных лиц, подозреваемых в совершении преступления, предусмотренного статьей 314.1 УК РФ.

4. Сотрудникам строевых подразделений полиции (ППСП, ДПС ГИБДД) рекомендуется при выявлении правонарушения, совершенного лицом, в отношении которого установлен административный надзор, в обязательном порядке обращать внимание на установленные судом ограничения (запрет посещения мест проведения массовых мероприятий и участия в них, запрет нахождения вне жилого помещения в ночное время суток, запрет выезда за определенную судом территорию) и обязанности, составлять соответствующий рапорт и доставлять в дежурную часть территориального органа внутренних дел, для последующего привлечения к предусмотренной действующим законодательством ответственности, фиксируя при этом сведения о понятых, свидетелях, и докладывать об этом рапортом, с последующей его регистрацией в дежурной части территориального органа МВД России.

Указанные сотрудники по решению начальника территориального органа проверяют по месту жительства (пребывания) соблюдение поднадзорным лицом установленных судом обязанностей и ограничений.

5. Оперативному дежурному дежурной части территориального органа рекомендуется осуществлять проверки по оперативно-справочным учетам и (при наличии доступа) учету СОООП МВД России³ доставляемых в орган внутренних дел лиц (в целях установления поднадзорных лиц и выяснения обстоятельств соблюдения ими административных ограничений).

Анализ работы подразделений по делам несовершеннолетних показывает, что по итогам 1-го полугодия 2019 г. на 33,8% (с 74 до 99) увеличилось количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления и на 13,7% количество совершенных ими преступлений (с 95 до 108).

¹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

² Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции»).

³ «СОООП МВД России» – Сервис обеспечения охраны общественного порядка МВД России.

Наблюдается рост случаев совершения подростками общественно опасных деяний (с 33 до 37 эпизодов). В структуре преступлений, совершаемых несовершеннолетними наблюдается рост совершения тяжких преступлений на 31% (с 16 до 21); в 2,6 раза наблюдается увеличение количества неправомерных завладений транспортными средствами (с 3 до 8); на 27% увеличилось количество совершаемых краж (с 60 до 76). Количество преступлений, совершенных в состоянии опьянения, уменьшилось на 23,5% (с 17 до 13), однако наблюдается увеличение количества повторных преступлений на 35,7% (с 28 до 38). На 7,7% увеличилось количество преступлений, совершенных в составе группы (с 31 до 38). На 26% увеличилось количество преступлений, совершенных в общественных местах (с 46 до 58). На 66% возросло количество подростков, состоящих на профилактическом учете и совершивших преступления. Количество самовольных уходов несовершеннолетних немного сократилось (с 78 до 75)¹.

Причинами и условиями совершения преступлений несовершеннолетними являются: семейное неблагополучие, низкое материальное положение семей, недостаточное правовое воспитание в семьях и школах².

Причиной увеличения случаев совершения несовершеннолетним повторных преступлений является чувство безнаказанности, так из 88 рассмотренных судами дел 40 подростков привлечены к уголовной ответственности, а 48 подростков освобождены от уголовной ответственности³.

Исходя из практики судебных органов арест несовершеннолетних, даже, если они совершают серийные и тяжкие преступления не применяется.

Судебная практика сложилась таким образом, что при вынесении приговоров в отношении несовершеннолетних подсудимых не в полной мере учитывается: личность виновного, отягчающие и смягчающие обстоятельства, характер и степень общественной опасности совершенного противоправного деяния, влияние самого наказания на исправление несовершеннолетнего. Существуют ситуации, когда судом принимается решение к условному осуждению несовершеннолетнего и при этом, не устанавливаются определенные обязанности для осуждаемого, что в дальнейшем не способствует в полной мере исправлению несовершеннолетнего в перспективе⁴.

Должного влияния на несовершеннолетнего мера воспитательного характера, как и условная мера не оказывает, так как он ее воспринимает как полное освобождение от уголовной ответственности и исправление данного лица не происходит.

Одной из основных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетнего и окружающую его среду, является помещение подростка в специальные воспитательные учреждения закрытого типа. Данная мера позволит несовершеннолетнему получить образование, профессию и осознать содеянное. В 2019 году в специальные воспитательные учреждения закрытого типа помещено 2 подростка (в 2018 году – 1).

Многие авторы, как отечественные, так и зарубежные, выявили и изучили причины противоправного поведения несовершеннолетних. Данных причин множество и основной из них является психологическая особенность несовершеннолетних правонарушителей. Совершение ими правонарушений, связано с малым жизненным опытом, отсутствием устойчивых положительных ориентаций и попаданием подростка в сложную жизненную ситуацию. Таким образом, несовершеннолетние совершают чаще различные правонарушения и преступления, чем взрослые граждане.

Таким образом, можно отметить, что совершению подростками противоправных действий способствуют: разрушение системы духовных, материальных, социальных потребностей; снижение ощущения контроля над собой и своим поведением; изменение ценностей, образов морали, традиций.

¹ Аналитический обзор деятельности УМВД России по Белгородской области за 2019 год. С. 10.

² Федеральный закон Российской Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

³ Аналитический обзор деятельности УМВД России по Белгородской области за 2019 год. С. 12.

⁴ Обобщение практик рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних за 2019 год. С. 9.

Подростки совершают различные противоправные действия в связи с тем, что у них не сформированы волевая сфера, нравственные ценности, наличие деформации в ценностно-мотивационной, эмоционально-волевой и личностной сферах [5, с. 176].

Главные причины совершения несовершеннолетними противоправных действий обычно подразделяют на микросоциальные и макро-социальные.

К социальной группе микрофакторов относятся: правовая культура, отрицательное влияние семьи, склонность к девиантному поведению.

Ко второй группе макросоциальных факторов относятся: низкий уровень жизни, неразвитость системы организации досуговой деятельности; распределение материальных ценностей среди членов общества (группами), несовершенство учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях; внедрение в молодежную среду девиантных стереотипов поведения в обществе, несовершенство системы организации трудоустройства подростков [2, с. 411; 9, с. 30].

Зарубежные исследователи разделили причины правонарушений несовершеннолетних на три группы:

- личностные причины (уровень воспитания и образования; генетическая предрасположенность к асоциальному поведению; черта характера);
- межличностные причины (морально-психологический климат в семье; отношения со сверстниками; влияние окружения);
- социальные причины (доступность наркотиков, алкогольной продукции; проживание в криминальном районе; бедность; безработица).

Несовершеннолетние выдвигают протест против взрослых в силу своего развития, имеют неустойчивую психику, стремление к объединению в различные неформальные группы, где их будут понимать и поддержат в любой ситуации, но при этом, они нуждаются в заботе. Всех подростков объединяет одно – их общие подростковые психологические особенности.

Как показывает практика, большая часть несовершеннолетних правонарушителей являются безнадзорными или беспризорными. Поэтому одним из способов борьбы с административными правонарушениями, совершаемыми несовершеннолетними (подростками) является профилактика безнадзорности и беспризорности.

К задачам по профилактике безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних и обеспечения ее эффективного взаимодействия между различными органами и организациями, следует отнести:

- согласованность действий всех звеньев системы, использование современных форм ресоциализации несовершеннолетних;
- совершенствование деятельности различных специалистов и ведомств, направленных на реабилитацию несовершеннолетних, поиск современных подходов в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- совершенствование работы учреждений социального обслуживания семьи и детей.

В настоящее время существует множество недостатков и нерешенных проблем, указывающих на то, что необходимо совершенствовать комплекс нормативных правовых документов, регламентирующих деятельность ПДН, несмотря на обширный перечень организационных и практических мероприятий по профилактике правонарушений несовершеннолетних [6, с. 146; 7, с. 287]. Необходимо стремиться к минимизации администрирования и формализма, которые снижают уровень управленческого решения и влияния на подчиненные территориальные органы на районном и городском уровнях.

Негативно отражается на эффективности профилактики безнадзорности несовершеннолетних низкое качество оказания методической и практической помощи территориальным органам МВД России, непосредственно влияющее на эффективность профилактики безнадзорности несовершеннолетних на районном и городском уровнях.

Подводя итог, следует отметить, что на эффективность работы участкового уполномоченного полиции и инспектора по делам несовершеннолетних по предупреждению правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, оказывают влияние следующие условия:

- своевременность проведения профилактических мероприятий;
- дифференцированность и упреждаемость субъекта воздействия;

- последовательность применения современных психологических средств на сознание подростка, комплексность (применение различных способов и методов воздействия на несовершеннолетнего; взаимодействие с образовательными, научными и культурными учреждениями, правоохранительными органами).

Литература

1. *Гришаков А.Г.* Особенности профилактического обхода административного участка, осуществляемого участковым уполномоченным полиции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1 (34). С. 187–193.
2. *Головенко К.П.* Профилактическая деятельность участкового инспектора полиции как юридико-психологическая научная проблема // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 410–412.
3. *Репьев А.Г. Имамова В.Р.* Профилактика и предупреждение участковым уполномоченным полиции правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1 (36). С. 96–98.
4. *Поликарпова Е.В.* О некоторых вопросах осуществления профилактики преступлений и административных деликтов участковым уполномоченным полиции в отношении лиц ранее судимых // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 207–210.
5. *Строева О.А.* Государственная политика в сфере профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Modern Science. 2020. № 11-4. С. 174–178.
6. *Суворова О.А.* Некоторые аспекты деятельности участкового уполномоченного полиции по предупреждению преступлений и административных правонарушений / В кн.: Актуальные вопросы административной деятельности полиции. Сборник научных трудов. М., 2019.
7. *Тарасов А.Ю.* Совершенствование профилактической работы участкового уполномоченного полиции // Теория и практика современной науки. 2019. № 3 (45). С. 285–290.
8. *Мотрович И.Д.* Семейно-бытовое насилие: современное состояние и место участкового уполномоченного полиции в его противодействии // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 64-76.
9. *Павлова Е.В.* Организация деятельности участкового уполномоченного полиции по осуществлению профилактической работы с правонарушителями в сфере семейно-бытовых отношений // В сборнике: LVI Международные научные чтения. 2019. С. 29–32.
10. *Фаткуллин Б.Х.* Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в быту // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2016. № 19-5. С. 76–80.

Bezugly Eduard Alexandrovich, Candidate of Economics, Associate Professor of the Management and Administrative Activities Department of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia (71, Gorkyj St., Belgorod, 308024, Russian Federation). E-mail: eduardbezugly@mail.ru

Tkachenko Vladimir Vasilyevich, Candidate of Economics, Senior Lecture of the Management and Administrative Activities Department of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia (71, Gorkyj St., Belgorod, 308024, Russian Federation). E-mail: tkachenkovlad@yandex.ru

Shumskiy Viktor Vasilyevich, Senior Lecture of the Management and Administrative Activities Department of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia (71, Gorkyj St., Belgorod, 308024, Russian Federation). E-mail: viktor.shumskiy.68@mail.ru.

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF PREVENTIVE ACTIVITIES OF POLICE COMMISSIONERS AND INSPECTORS ON AFFAIRS OF MINORS IN ADMINISTRATIVE AREA (ON THE EXAMPLE OF THE BELGOROD REGION)

Abstract

In this article, the authors consider the main activities of the district police commissioner and the inspector of juvenile affairs, aimed at preventing juvenile delinquency. The main shortcomings of the work of a police officer with regard to the activities of administrative supervision, individual preventive work are considered. The main reasons that encourage minors to commit offenses are considered.

The main problem of prevention of juvenile delinquency is the interaction of various authorities at the district, city and regional levels and the provision of methodological and practical assistance. The authors give recommendations for improving and effective interaction between various authorities and agencies for the prevention of neglect and juvenile delinquency.

Keywords: *the police, the district Commissioner, the inspector on Affairs of minors, the administrative area, prophylaxis, prevention, juvenile, offence.*

References

1. Grishakov A.G. Osobennosti profilakticheskogo obhoda administrativnogo uchastka, osushchestvlyаемого uchastkovым upolnomochennym policii // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1 (34). P. 187–193.
2. Golovenko K.P. Profilakticheskaya deyatel'nost' uchastkovogo inspektora policii kak yuridiko-psihologicheskaya nauchnaya problema // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. № 10. P. 410–412.
3. Rep'ev A.G. Imamova V.R. Profilaktika i preduprezhdenie uchastkovым upolnomochennym policii pravonarushenij, sovershaemyh v sfere semejno-bytovyh otnoshenij // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1 (36). P. 96–98.
4. Polikarpova E.V. O nekotoryh voprosah osushchestvleniya profilaktiki prestuplenij i administrativnyh deliktov uchastkovым upolnomochennym policii v otnoshenii lic ranee sudimyh // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2020. № 1. P. 207–210.
5. Stroeva O.A. Gosudarstvennaya politika v sfere profilaktiki pravonarushenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi // Modern Science. 2020. № 11-4. P. 174–178.
6. Suvorova O.A. Nekotorye aspekty deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii po preduprezhdeniyu prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij / V kn.: Aktual'nye voprosy administrativnoj deyatel'nosti policii. Sbornik nauchnyh trudov. M., 2019.
7. Tarasov A.YU. Sovershenstvovanie profilakticheskoy raboty uchastkovogo upolnomochennogo policii // Teoriya i praktika sovremennoj nauki. 2019. № 3 (45). P. 285–290.
8. Motrovich I.D. Semejno-bytovoje nasilie: sovremennoe sostoyanie i mesto uchastkovogo upolnomochennogo policii v ego protivodejstvii // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 1. P. 64-76.
9. Pavlova E.V. Organizaciya deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii po osushchestvleniyu profilakticheskoy raboty s pravonarushitelyami v sfere semejno-bytovyh otnoshenij // V sbornike: LVI Mezhdunarodnye nauchnye chteniya. 2019. P. 29–32.
10. Fatkullin B.H. Deyatel'nost' uchastkovogo upolnomochennogo policii po profilaktike pravonarushenij v bytu // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. 2016. № 19-5. P. 76–80.

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПОДДЕРЖКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ УДОБРЕНИЯ

- Большакова
Валентина
Михайловна** кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46).
E-mail: valentinabolshakova@rambler.ru
- Аношин
Антон
Александрович** аспирант юридического факультета, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46); зам. начальника аналитического отдела Департамента защиты и поощрения капиталовложений Министерства экономического развития РФ
E-mail: anoshinaa@economy.gov.ru
- Каверин
Дмитрий
Викторович** студент направления «Регионоведение России», Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 84).
E-mail: kaver_time@mail.ru

Аннотация

В исследовании приводится сформированная законодательная база в сфере поддержки предприятий, которая основывается на конституционных принципах. В обзоре подчеркивается первостепенное значение Конституции Российской Федерации как основы формирования экономической политики государства. Нормативные правовые акты, указанные в исследовании, образуют систему мер поддержки промышленных предприятий. В работе демонстрируется динамика развития промышленности в секторе производства минеральных удобрений, указываются основные компании, образующие отрасль. На наш взгляд, анализ экономического развития отрасли и отдельных компаний может показать один из возможных эффектов от реализации мер государственной поддержки промышленных предприятий. Цель работы заключается в актуализации принципов Конституции Российской Федерации в обзоре мер государственной поддержки промышленности и выявлении их влияния на предприятия, производящие минеральные удобрения. В качестве методов были использованы элементы анализа нормативной правовой системы Российской Федерации, формализации инструментов поддержки предприятий и конкретизации их на практике применения промышленными предприятиями, использован также метод экономического анализа посредством приведения статистических данных. В ходе работы подчеркивается важность многофакторного анализа для исследования мер поддержки со стороны государства предприятиям, что подразумевает узконаправленный характер работы и нацеленность исследователей на дальнейшее изучение проблематики.

Ключевые слова: Конституция, нормативно-правовая система, крупный бизнес, экономическая политика, российская промышленность, инструменты поддержки, производство минеральных удобрений.

Одним из инструментов экономического развития государства является реализация мер поддержки промышленных предприятий. Стимулирование развития промышленности приносит взаимовыгодный эффект для большинства экономических субъектов. Промышленные предприятия, получившие поддержку от государства, ожидают увеличения прибыли, государство посредством предоставления поддержки предполагает рост налоговых поступлений в бюджеты федерации, граждане получают новые рабочие места в процессе

создания новых мощностей на производстве и так далее. Это направление предполагается в процессе реализации экономической политики государства и требует создания взаимосвязанной экосистемы.

Экономическая политика государства представляет собой выполнение комплекса мер, направленных на достижение стратегических и национальных целей государства в экономике, осуществляемых органами власти, посредством исполнения нормативных правовых актов [1–2]. Высшей юридической силой обладает Конституция Российской Федерации, где закреплены основополагающие государственные принципы. В этой связи наиболее актуальным является продемонстрировать роль Конституции Российской Федерации в формировании предпосылок поддержки народного хозяйства.

Формализованные положения в Конституции Российской Федерации содержат правовые начала осуществления экономической политики государства в отношении экономических субъектов. Исходя из текста Конституции, мы отмечаем четыре статьи, относящиеся к вопросам экономического развития государства¹:

- Статья 8;
- Статья 34;
- Статья 75.1;
- и подпункт е³ Статьи 114.

В статьях 8, 34 и 75.1 можно заметить, что в Российской Федерации установлены принципы свободной экономической деятельности и принцип права на ведение предпринимательской деятельности, что соответствует рыночной экономике, а также провозглашаются условия для устойчивого роста. В свою очередь, данные статьи предполагают основание для формирования экономической политики государства, а также декларируют постулаты экономического устройства.

Для нас как исследователей мер поддержки более интересен подпункт е³ Статьи 114, где определяется, что Правительство Российской Федерации содействует развитию предпринимательства и частной инициативы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что органом, формирующим экономическую политику государства по вопросам поддержки предпринимательства, является именно Правительство Российской Федерации.

Стоит отметить, что Статья 75.1 и подпункт е³ Статьи 114 были имплементированы посредством вступления в силу Закона Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ. В этом отношении, можно предположить, что вопрос об актуализации природы предмета экономического развития подразумевает долгосрочной ориентир, который ранее требовал закрепления в Конституции.

Из вышеизложенного имеет смысл утверждать, что в Конституции Российской Федерации заложен механизм реализации мер поддержки предприятий и секторов экономики, хотя в тексте прямой отсылки к этому нет [3]. В частности, это подтверждают статьи, в которых определены экономические детерминации, а также отмечается роль Правительства Российской Федерации в реализации экономической политики. Как принято в юридической практике, конкретные меры и векторы поддержки экономических субъектов находятся в нормативных правовых актах нижестоящих Конституции.

В рамках реализации экономической политики Российской Федерации стоит акцентировать внимание на два положения, отраженные в Указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года²». Конкретно в пункте 13 говорится о достижении и о решении задач в сфере развития малого и среднего предпринимательства и поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы. В соответствии с этим пунктом говорится, например, о модернизации системы поддержки экспортеров, являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, увеличение доли таких экспортеров в общем объеме сырьевого экспорта не менее чем до 10 %.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

² Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

Помимо этого, в пункте 14 Указа прописывается необходимость развития международной кооперации и экспорта. В этом пункте одной из задач является создания гибкой линейки финансовых инструментов поддержки экспорта.

Также в рамках Указа Президента Российской Федерации № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года¹» существует национальная цель «достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство», где включены следующие показатели, представляющие для нас интерес:

- реальный рост инвестиций в основной капитал не менее 70 % по сравнению с показателем 2020 г.;

- реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70 % по сравнению с показателем 2020 г.

Представленные пункты непосредственно носят экономический характер и также включают в себя меры поддержки промышленных предприятий.

Российское законодательство в вопросе регулирования промышленной политики имеет достаточно обширную нормативную правовую базу. Комплексно вопрос промышленной политики рассмотрен в Федеральном законе № 488 от 31.12.2014 «О промышленной политике в Российской Федерации²» (далее ФЗ № 488). Ключевой закон данной сферы регламентирует отношения, возникающие между субъектами, реализующими экономическую деятельность в промышленном секторе.

Для нас представляется наиболее важным отметить Статью 9 данного закона, где говорится о стимулировании деятельности в промышленной сфере. В приведённой статье фиксируется, что меры стимулирования осуществляются путем предоставления ее субъектам финансовой, информационно-консультационной поддержки, поддержки осуществляемой ими научно-технической деятельности и инновационной деятельности, поддержки развития их кадрового потенциала, осуществляемой ими внешнеэкономической деятельности, предоставления государственных и муниципальных преференций, иных мер поддержки, определенных в правовой системе Российской Федерации.

Сущность данных положений демонстрирует конкретный перечень основных мер стимулирования развития промышленности. Всего в ФЗ № 488 отмечено 9 инструментов поддержки промышленных предприятий, которые направлены на развитие промышленного сектора и в целом роста экономики:

- финансовая поддержка субъектов деятельности в сфере промышленности;
- государственные фонды развития промышленности;
- поддержка научно-технической деятельности и инновационной деятельности при осуществлении промышленной политики;
- информационно-консультационная поддержка субъектов деятельности в сфере промышленности;
- государственная информационная система промышленности;
- поддержка субъектов деятельности в сфере промышленности в области развития кадрового потенциала;
- специальный инвестиционный контракт;
- поддержка субъектов деятельности в сфере промышленности в области внешнеэкономической деятельности;
- меры стимулирования производства промышленной продукции на территории Российской Федерации, осуществляемые при осуществлении государственных закупок.

Данный закон предполагает новый инструмент экономического развития – специальный инвестиционный контракт (СПИК), один из указанных инструментов поддержки промышленных предприятий. Специальный инвестиционный контракт особая мера стимулирования промышленной деятельности, заключенная между государством и инвестором, где инвестор обязуется реализовать инвестиционный проект, включающий в себя внедрение

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

² Федеральный закон от 31.12.2014 №488-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О промышленной политике в Российской Федерации».

или разработку новой конкурентоспособной технологии, где в свою очередь сторона Российской Федерации (федеральный центр, субъект или муниципальное образование) обязуется осуществить необходимые меры поддержки предприятия.

Вместе с этим необходимо отметить точечные инструменты поддержки промышленных предприятий, реализуемые в рамках конкретных нормативных правовых актов.

Таблица 1

Действующие инструменты поддержки предприятий

ИНСТРУМЕНТ	НПА
Соглашение о защите и поощрении капиталовложений	Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ (далее ФЗ №69)
Субсидирование части затрат по реализуемым проектам на производство и реализацию пилотных партий средств производства	Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2017 г. №634
Субсидирование части затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ	Постановление Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2019 г. № 1649
Кредитование ключевых инвестиционных проектов под льготную кредитную ставку из Фонда развития промышленности	Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2014 г. № 1388
Субсидии кредитным организациям части процентных ставок по экспортным кредитам, выданным промышленным организациям на финансирование проектов по организации производств за рубежом в экспортно-ориентированных производствах на территории Российской Федерации	Постановление Правительства Российской Федерации от 23 февраля 2019 г. № 191 (далее Постановление № 191)
Субсидии на уплаты процентов по кредитам на реализацию новых комплексных инвестиционных проектов	Постановление Правительства Российской Федерации от 3 января 2014 г. № 3
Субсидирование части затрат на транспортировку продукции	Постановление Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2017 г. № 496
Субсидии на возмещение затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным в рамках реализации инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий	Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2019 г. № 541
Субсидии российским кредитным организациям на возмещение выпадающих доходов по кредитам, выданным на приобретение специализированной техники и деревянных домов	Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2018 г. № 163
Субсидии российских кредитных организаций на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году системообразующим организациям и их дочерним обществам на пополнение оборотных средств	Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2014 г. № 582
Субсидии участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения	Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 41
Субсидии из федерального бюджета на стимулирование спроса и повышение конкурентоспособности российской промышленной продукции	Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 1908

Каждый из представленных инструментов предполагает конкретное поле действия осуществления мер поддержки как для инвестора, так и для государства. Так, в данных нормативных правовых актов предполагается:

- субсидирование промышленности;
- покрытие расходов на реализацию инфраструктурных проектов (ФЗ №69);
- стабилизация нормативных правовых актов (ФЗ №69);
- снижение административных барьеров;
- предоставление налоговых каникул;
- предоставление госгарантий;
- снижение страховых взносов;
- снижение экспортных пошлин и другие меры.

Инвестор, участвуя в одном из представленных инструментов, получает определённые преференции, обязуется выполнить заключенные в договоре инвестиционные проекты, которые в конечном итоге направлены на стимулирование экономического развития страны. Для этого необходимо привести обоснование инвестиционной деятельности организации и пройти порядок этапов заключения соглашения.

В качестве практического примера постараемся отобразить ситуацию в сфере производства минеральных удобрений в Российской Федерации. Производство минеральных удобрений как отрасль экономики была нами выбрана исходя из реализованных и планируемых инвестиционных проектов, предполагающихся в рамках реализации мер поддержки предприятий.

В Российской Федерации в рамках производства минеральных удобрений работают 31 предприятие. Среди них наиболее крупные компании: ПАО «ФосАгро», ПАО «Уралкалий», АО «ОХК «Уралхим», ПАО «Акрон», АО «МХК «ЕвроХим», ПАО «ТОАЗ», АО «НАК АЗОТ». Данные компании обеспечивают большую часть отгруженной продукции в Российской Федерации. Приблизительно две трети всей выручки в отрасли производства минеральных удобрений приходится именно на представленные компании [4, с 94].

Так производителями минеральных удобрений заявлено более 30 инвестиционных проектов по расширению и улучшению производства. Среди инвестиционных проектов 6 специальных инвестиционных контрактов (СПИК) ФЗ № 488) в сфере производства минеральных удобрений (всего СПИК с 2015–2019 годов – более 45 общих соглашений). Компании, являющиеся сторонами данных соглашений: ООО «ЕвроХим ВолгаКалий», ООО «ЕвроХим Усольский калийный комбинат», ПАО «Уралкалий», АО «Верхнекамская калийная компания» (дочернее общество ПАО «Акрон»). Общий объем соглашений более 400 млрд руб.

Помимо СПИК заключено 5 соглашений о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК (ФЗ №69) в исследуемой отрасли (всего СЗПК за 2020 – апрель 2021 года – 36 общих соглашений). Выступившими заинтересованными коммерческими предприятиями стали АО «Апатит», АО «Северо-Западная Фосфорная Компания», ООО «ЕвроХим Северо-Запад-2», ПАО «Акрон» и АО «Верхнекамская Калийная Компания» («Акрон»). Всего объем соглашений составил также более 400 млрд руб.

Также было заключено 10 корпоративных программ повышения конкурентоспособности (КППК) постановление № 191). Объем, которых составил 350 млрд руб.¹ И другие соглашения в рамках инструментов поддержки.

Приведенные примеры свидетельствуют о заинтересованности отрасли в механизме поддержки промышленности, что подтверждают объемы финансирования в производство более 1 трлн руб. Некоторые из представленных соглашений с производителями минеральных удобрений действуют с 2016 г. Считаю важным также оценить ситуацию на рынке производства минеральных удобрений в Российской Федерации.

В связи с увеличением населения планеты существует постоянный спрос на удобрения с учетом необходимости компонента в производстве аграрной продукции. Производство ми-

¹ Производители минеральных удобрений вложат свыше 1,6 триллиона рублей в агротехнологии для отечественного АПК // RG.ru. 11.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/turbopages/rg.ru/s/2021/03/11/proizvoditeli-mineralnyh-udobrenij-vlozhat-svyshe-16-trilliona-rublej-v-agrotehnologii-dlia-otchestvennogo-apk.html> (дата обращения: 27.04.2021)

неральных удобрений экспортно-ориентированная и конкурентоспособная отрасль промышленности в Российской Федерации.

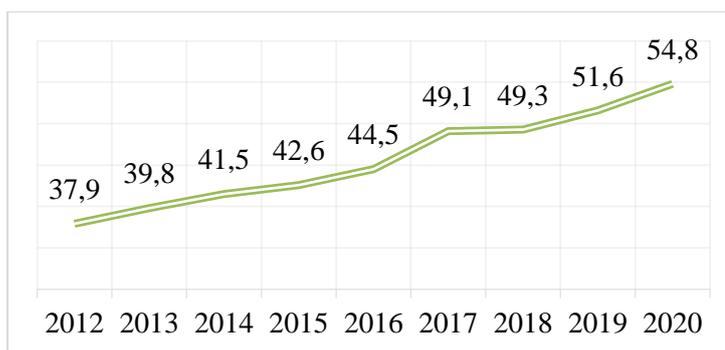

Рис. 1. Динамика производства минеральных удобрений в Российской Федерации с 2012 по 2020 гг. (в млн т)¹

Мы видим, что динамика производства минеральных удобрений растёт с 2012 года с 37,9 млн т до 54,8 млн т в 2020 г. При этом в 2020 г. производство увеличилось на 7,4 % по сравнению с предыдущим годом. За приведенный период от общего количества произведённой продукции в пределах 70 % идет на экспорт.

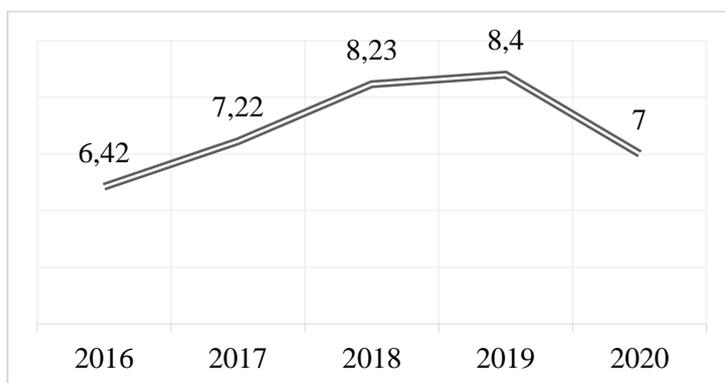

Рис. 2. Экспорт России минеральных удобрений с 2016 по 2020 гг. (в млрд долл. США)²

Динамика демонстрирует рост экспорта с 2017 по 2019 гг. Но в 2020 г. экспорт значительно снизился, это связано с ограничениями в период пандемии, а также субсидированием сельскохозяйственных производителей, которые являются основными потребителями отрасли. Всего за 2020 год на экспорт отправлено 68 % продукции, отрасль получила выручку в размере 11,7 млрд долл. США. Так, в начале 2020 года зафиксирован рекордный рост спроса на минеральные удобрения на 38,2 % внутри Российской Федерации, чем годом ранее.

Представляется важным отобразить выручку нескольких ведущих компаний, производящих минеральные удобрения, являющихся бенефициарами инвестиционных соглашений, в том числе мер поддержки. Мы уделяем внимание компаниям: ПАО «ФосАгро», ПАО «Акрон» и АО «МХК «ЕвроХим».

«ФосАгро» – крупнейшая компания в Европе, производящая фосфорные удобрения. Исходя из отчётности компании, мы видим, что с 2017 г. выручка компании уверенно растёт. В 2018 г. она смогла преодолеть отметку в более 200 млрд руб.

Выручка компании «Акрон» растёт с 2016 г., демонстрируя устойчивую динамику, даже по итогам 2020 г. С 2016 г. компания увеличила свою выручку на 33 % до 119 млрд руб.

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 27.04.2021)

² Там же.

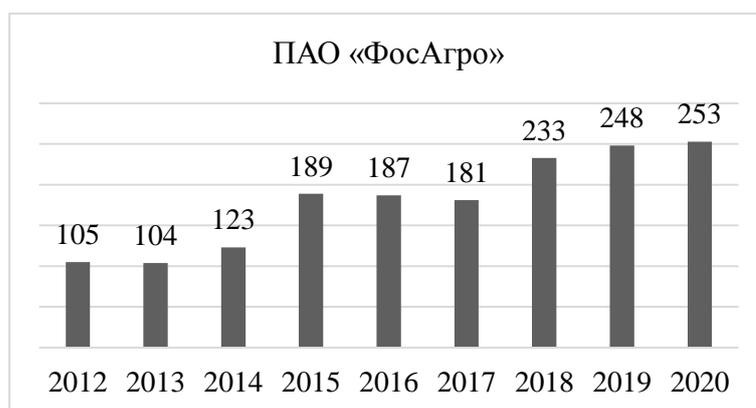

Рис. 3. Динамика выручки ПАО «ФосАгро» с 2012 по 2020 гг. (в млрд руб.)¹

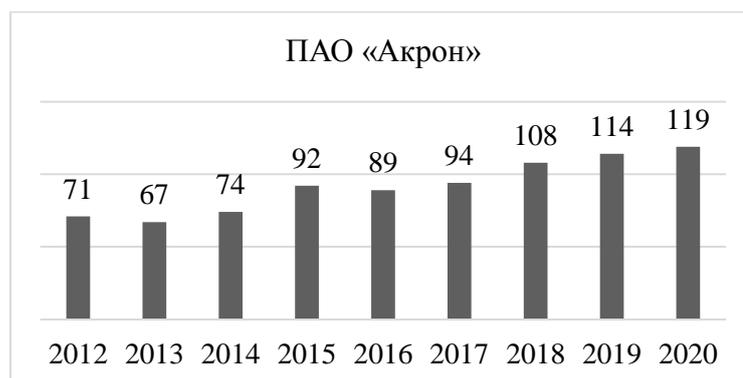

Рис. 4. Динамика выручки ПАО «Акрон» с 2012 по 2020 гг. (в млрд руб.)²

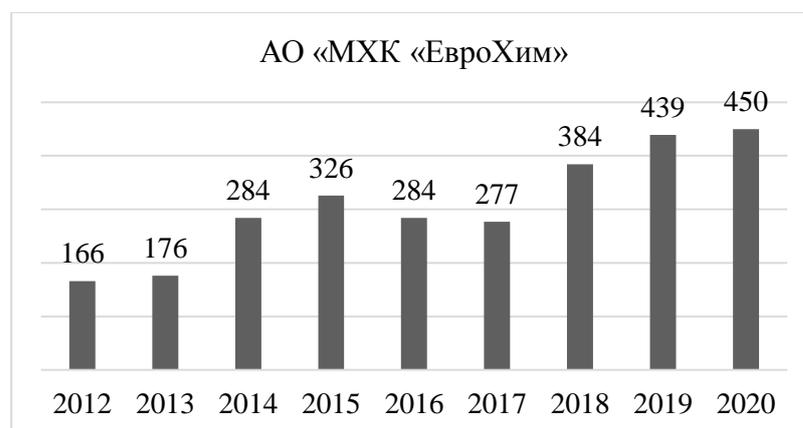

Рис. 5. Динамика выручки АО «МХК «ЕвроХим» с 2012 по 2020 гг. (в млрд руб. (расчёты сделаны по курсу доллара США на декабрь каждого года)³

Последние 3 года компания демонстрирует отличные показатели выручки: в 2017 г. компания получила выручку в размере 277 млрд руб., а в 2020 г. почти удвоила данное число.

Ситуация на рынке производства минеральных удобрений показывает устойчивую и уверенную динамику роста промышленности, что выражается в увеличении производства минеральных удобрений на протяжении нескольких лет, а также в увеличении выручки предприятий на протяжении 8 лет.

¹ Годовые отчеты и отчеты об устойчивом развитии // Официальный сайт ФосАгро [Электронный ресурс]. URL: <https://www.phosagro.ru/investors/reports/year/#accordion-2018> (дата обращения: 27.04.2021)

² Финансовая отчетность // Официальный сайт Акрон [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acron.ru/investors/financial-statements/?brand=1988&type=178&year=2018> (дата обращения: 27.04.2021)

³ Инвесторам // Официальный сайт ЕвроХим [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurochemgroup.com/ru/investors/> (дата обращения: 27.04.2021)

Безусловно, повышение потребления продуктов агропромышленного комплекса является определяющим фактором развития отрасли, а также доступность ресурсной базы для российских производителей. Но вместе с этим механизмы поддержки государства способствуют развитию сектора, а также благоприятствуют созданию конкурентоспособных преимуществ российских предприятий. Инструменты поддержки промышленных предприятий неотъемлемая часть экономической политики государства, элементы которых находят свое отражение в Конституции Российской Федерации. Именно Конституция Российской Федерации закладывает базис формирования системы мер поддержки в государстве.

На основании проведенного обзора отмечаем, что объективно оценить прямое влияние мер поддержки сектора представляется неосуществимым в силу многофакторности инспирирующих на нее групп эффектов: прямых, косвенных, внешних, внутренних, макроэкономических, отраслевых, экономических, финансовых, административных, правовых и иных. В нашем исследовании мы оценили влияние мер на один из промышленных секторов, с помощью анализа динамики производства минеральных удобрений, динамики экспорта и динамики выручки ведущих компаний. На наш взгляд, созданные меры поддержки положительно влияют на основные экономические показатели развития отрасли и отдельных предприятий, что демонстрируется в росте показателей. Предположить, насколько достаточно государство поддерживает промышленников, трудно, но исходя из заявлений представителей крупного бизнеса, можем допустить дальнейшее благоприятное развитие данного механизма¹. Это также подчеркивается участием промышленных предприятий, занимающихся производством минеральных удобрений, в основных инструментах поддержки бизнеса (СПИК, СЗПК, КППК).

Литература

1. Кузнецов В.М. Основные принципы конституционной экономики в России // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 59–62.
2. Мау В.А. Конституционная экономика и история // Законодательство и экономика. 2003. № 12. С. 21–22.
3. Ишимов И.А. Юридическая природа конституционных обязанностей государства // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №33 (214). С. 5-9.
4. Алтухов А.И., Сычев В.Г., Винничек Л.Б. Российский рынок минеральных удобрений: проблемы и возможности решения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 5. С. 91–98.

Bolshakova Valentina Mikhailovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation). E-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Anoshin Anton Alexandrovich, Post-Graduate Student of Faculty of Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation); Deputy Head of the Analytical Bureau of the Department of Investment Protection and Promotion of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. E-mail: anoshinaa@economy.gov.ru

Kaverin Dmitry Viktorovich, Student of the Direction of Regional Studies of Russia, Institute of State Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Pr. Vernadskogo, Moscow, 119606, Russian Federation). E-mail: kaver_time@mail.ru

ANALYSIS OF STATE MEASURES TO SUPPORT INDUSTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR IMPACT ON ENTERPRISES PRODUCING MINERAL FERTILIZERS

Abstract

In our study, we present the formed legislative framework in the field of enterprise support which is based on constitutional principles. The review emphasizes the primary importance of the Constitution of the Russian Federation as the basis for the formation of the state's economic policy. The regulatory legal acts specified in the study form a system of measures to support industrial enterprises. The paper

¹ Российская ассоциация производителей удобрений // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://rapu.ru/analitics/> (дата обращения: 27.04.2021)

demonstrates the dynamics of industrial development in the mineral fertilizers production sector and identifies the main companies that make up the represented industry. In our opinion, the analysis of the economic development of the industry and individual companies can show one of the possible effects of the implementation of state support measures for industrial enterprises. The purpose of our work is to actualize the principles of the Constitution of the Russian Federation to review the measures of state support for industry and to identify their impact on enterprises producing mineral fertilizers.

Keywords: Constitution, regulatory and legal system, business, economy policy, Russian industry, support tools, production of mineral fertilizers.

References

1. Altuhov A.I., Sychev V.G., Vinnichuk L.B. Rossijskij rynek mineral'nyh udobrenij: problemy i vozmozhnosti resheniya // Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. 2019. № 5. P. 91–98.
2. Ishimov I.A. YUridicheskaya priroda konstitucionnyh obyazannostej gosudarstva // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. №33 (214). P. 5-9.
3. Kuznecov V.M. Osnovnye principy konstitucionnoj ekonomiki v Rossii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2017. № 2. P. 59–62.
4. Mau V.A. Konstitucionnaya ekonomika i istoriya // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2003. № 12. P. 21–22.

УДК 342.9

DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-2-89-96

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК

Бондарева Елена Александровна аспирант кафедры административного и служебного права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: elenabnd@mail.ru

Аннотация

Экономические и политические преобразования, происходящие в России, обусловили необходимость создания системы юридических норм, регулирующих общественные отношения в сфере публичных закупок. Поскольку общественная значимость публичных закупок велика, то от качества правового регулирования зависит достижение поставленных целей и результатов в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, в сфере государственного оборонного заказа, в сфере закупок, осуществляемых отдельными видами юридических лиц, в доле уставного капитала которых более пятидесяти процентов долей принадлежит государству. Одним из юридических инструментов надежной правовой защиты является институт административной ответственности, которая, пожалуй, является основным видом ответственности за нарушение законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения публичных нужд.

Ключевые слова: публичные закупки, контрактная система, государственные закупки, государственный оборонный заказ, осуществляемые отдельными видами юридических лиц закупки, административные правонарушения, административная ответственность, индивидуализация ответственности, безальтернативность наказания.

Происходящие в России изменения в экономике и политике повлекли за собой необходимость создания системы юридических норм, регламентирующих общественные отношения в сфере публичных закупок.

Дефиниция «публичные закупки» не определена действующим российским законодательством, но попробуем дать характеристику искомому понятию, выявив ряд признаков [1, с. 77], присущих сходным социальным отношениям, регулируемым разными федеральными законами.

Согласно ст.1 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных

нужд» (далее – Закон о контрактной системе), законом регулируются правоотношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд¹. В соответствии со ст.1 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – Закон о ГОЗ), закон устанавливает правовые основы государственного регулирования отношений, связанных с формированием, особенностями размещения и выполнением государственного оборонного заказа². Нормами Федерального закона от 18 июля 2011 г. N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон о закупках) установлены общие принципы и основные требования к проведению закупочных процедур поименованными законодателем юридическими лицами.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова понятие «публичный» определено как находящийся в распоряжении общества либо устроенный для общества. В буржуазной юриспруденции: всякое право (*в противоп.* частному), где одной из сторон является государство³.

При системном анализе юридических норм Закона о контрактной системе, Закона о ГОЗ, Закона о закупках выявляется ряд общих критериев публичности закупок.

Во-первых, заказчиком всегда является государственный или муниципальный орган, либо государственная корпорация, государственное или муниципальное учреждение и так далее, которые уполномочены осуществлять свои функции от имени Российской Федерации или ее субъекта и принимать бюджетные обязательства за счет средств соответствующего бюджета.

Во-вторых, целью осуществления таких закупок является выполнение общественно значимых целей, в том числе поддержание обороноспособности страны. Это особая сфера отношений, направленная на удовлетворение государственных и муниципальных нужд через функционирование органов власти, обеспечение импортозамещения и стимулирования конкурентоспособности продукции российского производства.

В-третьих, все заказчики, производящие закупки в соответствии с вышеприведенными законами, обязаны на различных ее этапах совершать действия на официальном портале государственных закупок путем размещения установленной законом информации в Единой информационной системе (далее – ЕИС), что обеспечивает общие принципы открытости и прозрачности, обеспечения конкуренции.

И в-четвертых, правовое регулирование строится преимущественно на императивном методе, что выражается в системе подзаконных нормативно-правовых актов соответствующих министерств и ведомств, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также достаточно разветвленной системы контроля со стороны государственных органов.

Учитывая общественную значимость публичных закупок, от качества правового регулирования зависит эффективность, то есть соотношение цели и результата, действия механизма осуществления закупок. Сама же система при этом нуждается в надежной правовой защите. Одним из юридических инструментов защиты является институт административной ответственности, которая, пожалуй, является самым распространенным и наиболее часто применяющимся видом ответственности за правонарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд.

Стремления законодателя, обращенные в сторону совершенствования процесса закупок, привели к внесению многочисленных изменений в соответствующее законодательство, что в целом, с учетом стремительно происходящих жизненных и научно-технических процессов, может оцениваться положительно.

Вместе с тем, анализируя динамику развития института административной ответственности в указанной сфере, можно отметить, что законодательство, устанавливающее ответственность, «не успевает» за постоянно меняющимся законодательством, регулирующим сферу публичных закупок.

Действительно, составы правонарушений в сфере госзакупок содержатся в ст.ст. 7.29-7.32.1, 7.32.3, 7.32.5, 7.32.6, ч.11 ст.9.16, 14.49, 14.55, 14.55.1, 14.55.2, 19.4.2, ч.ч. 7, 7.1-7.2

¹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 01.04.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. – 2013. - № 14. - Ст. 1652.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 275-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О государственном оборонном заказе» // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7600.

³ Толковый словарь Д.Н. Ушакова // <https://glosum.ru>

ст. 19.5, 19.7, ст. 19.7.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ), изменения в которые вносились в разные годы, но последним годом, преимущественно, является 2016 год, в некоторых случаях июль 2019 года. В то время как за 2020 год в Закон о контрактной системе было внесено 13 изменений, в Закон о ГОЗ и Закон о закупках - по 5 изменений.

Частями 1 и 4 ст. 7.29.3 КоАП РФ действующей в настоящее время, предусмотрена санкция за включение в план закупок или план-график закупок объекта или объектов закупки, не соответствующих целям осуществления закупок, а также за нарушение срока утверждения и размещения плана закупок, плана-графика закупок, равно как и вносимых в них изменений в ЕИС¹. Однако, с 1 октября 2019г. процесс планирования закупок, на наш взгляд, улучшен законодателем и в настоящее время планирование закупок строится на основе только одного документа - плана-графика. Несмотря на изменения в законодательстве о закупках, диспозиция норм КоАП РФ в описании состава правонарушения, содержит в себе как указание на план-график, так и указание на отмененный документ – план закупок.

В качестве другого примера рассмотрим нормы права, изложенные в ч.3 ст.7.29 КоАП РФ и в ч.1 ст. 7.29.1 КоАП РФ, согласно которым административная ответственность наступает за принятие должностным лицом решения о размещении оборонного заказа путем проведения закрытых торгов без согласования с контрольным органом, а также за нарушение должностным лицом порядка определения начальной (максимальной) цены государственного контракта по гособоронзаказу путем проведения торгов². Примененная в КоАП РФ дефиниция «торги» не определена ни Законом о контрактной системе, ни Законом о ГОЗ, отсутствует в ином законодательстве, регулирующем публичные закупки. Таким образом, при квалификации правонарушения, использование не предусмотренного соответствующим законодательством термина может привести к неверному толкованию и нарушениям в правоприменении.

Предлагается привести в соответствие используемую терминологию в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации к актуальной терминологии законодательства о закупках.

Критике также подвергается законодательная техника формулирования норм по административным правонарушениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд [2, с.63], гособоронзаказа. Законодателем применено излишне повторяющееся описание диспозиции (например, ч.ч. 1-1.7 ст.7.30 КоАП РФ), «утяжеленная» излишним описанием диспозиция ст.14.49 КоАП РФ включает в себе еще и бланкетные нормы, ч. 15 ст. 7.30 также содержит в себе бланкетные нормы, ссылающиеся на постановления Правительства и федеральный закон. В диспозиции ч. 3 ст. 14.55 КоАП РФ, используется дефиниция «грубое нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу», для квалификации правонарушения законодателем также применена бланкетная норма.

По нашему мнению, использование сложных излишне повторяющихся юридических конструкций, норм права, содержащих объемную диспозицию, использование бланкетных норм для квалификации правонарушений в сфере государственных закупок, значительно усложняет правоприменение. Для того, чтобы «сложить» и прочесть норму права, необходимо обратиться к нескольким источникам права, в то время как достаточно было бы в примечании к норме привести искомое определение грубому нарушению и исключить излишнее повторение диспозиции.

Как можно увидеть из выше приведенных норм права, ответственность за правонарушения в сфере закупок наступает по нескольким статьям, предусмотренных разными главами КоАП РФ:

1. главой 7 КоАП РФ «Административные правонарушения в области охраны собственности», где родовым объектом проступка является область охраны собственности.
2. главой 9 КоАП РФ «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике», где родовым объектом правонарушений является сфера промышленности, строительства и энергетике.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 16.04.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

² Там же.

3. главой 14 КоАП РФ «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций», родовый объект - сфера предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций и главой 19 КоАП РФ «Административные правонарушения против порядка управления», родовый объект – установленный порядок управления.

Как известно, родовый объект представляет собой совокупность однородных и взаимосвязанных правоотношений. Таким образом, из приведенного выше анализа следует, что ответственность за совершенные правонарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд предусмотрена абсолютно разными главами, имеющими разные родовые объекты. В данном случае опять страдает юридическая техника. Возникают сложности в правоприменении, так как нормы «разбросаны» по всему КоАП РФ, иной раз по названию главы можно «не догадаться», что например, в главе 14 КоАП РФ «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций» могут содержаться нормы права, предусматривающие ответственность должностных лиц в сфере государственного оборонного заказа.

Как полагают исследователи В.Ф. Гапоненко, П.В. Самолысов, статьи из глав 7 и 14 КоАП РФ, содержащие меры административной ответственности за нарушение обязательных требований законодательства о государственном оборонном заказе, необходимо выделить в отдельную главу КоАП РФ, например: «Административные правонарушения в сфере государственного оборонного заказа» [3, с. 224].

Сложно не согласиться с вышеприведенным предложением.

Вместе с тем, нам видится, что с целью обеспечения обозримости, простоты и доступности нормативно-правового акта, будет правильно и более удобно выделить в отдельную главу все правонарушения в сфере публичных закупок, регулируемых не только ФЗ «О государственном оборонном заказе».

Предлагается выделить в отдельную главу однородные нормы права, устанавливающие ответственность за несоблюдение законодательства о публичных закупках, поименовав ее «Правонарушения в области публичных закупок».

Субъектами правонарушений в сфере публичных закупок, в соответствии со ст.2.4 КоАП РФ, являются должностные лица, юридические лица, операторы электронных площадок, лица, осуществляющие функции члена комиссии по осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, контрактные управляющие, работники контрактной службы, эксперты, лица, осуществляющие функции по организации и осуществлению закупок в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, в том числе члены комиссии по осуществлению закупок¹. Причем ответственность возлагается не только на должностных лиц заказчика или подрядчика (исполнителя), но и на должностных лиц уполномоченных контролирующих органов, то есть должностных лиц Федерального казначейства, Федеральной антимонопольной службы. Субъектный состав достаточно широк и казалось бы, законодателем предприняты необходимые и достаточные меры для улучшения дисциплины и повышения ответственности при закупочной деятельности [4, с. 32].

Вместе с тем, по поданным, представленным на сайте Счетной палаты Российской Федерации, в 2019 г. инспекторами Счетной палаты возбуждено 52 дела об административных правонарушениях, по результату рассмотрения которых 40 должностных и юридических лиц привлечены к административной ответственности.

В 2020 г. Счетной палатой было выявлено 779 фактов нарушений в сфере государственных и корпоративных закупок на общую сумму около 108,7 млрд руб., из них 96,3 млрд руб. составили нарушения, связанные с определением и обоснованием начальной (максимальной) цены контракта. Инспекторами Счетной палаты было возбуждено 45 дел об административных правонарушениях, по результату рассмотрения которых 39 должностных и юридических лиц было привлечено к ответственности, общая сумма наложенных административных штрафов превысила 7,6 млн.рублей. К дисциплинарной ответственности были привлечены 148 долж-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 16.04.2021) // СЗ РФ. – 2002. - № 1. - Ст. 1.

ностных лиц, в том числе в виде увольнения. В бюджетную систему России и Союзного государства возвращено 16 423,3 млн руб.¹

В соответствии с ч.3 ст.2.1. КоАП РФ, за один и то же административный проступок, к ответственности могут быть привлечены юридическое и виновное физическое лицо. Что касается юридического и должностного лиц – участников закупок, не являющегося заказчиком [5, с. 58], то при применении административного наказания в виде штрафа, а именно такое наказание является наиболее распространенным, то штраф поступит в государственную казну, таким образом, виновные лица понесут ответственность, а государственная казна пополнится. Если же штрафы уплачиваются государственными и муниципальными заказчиками, то есть, по сути, бюджетными организациями и их должностными лицами, то наложение штрафа на такое юридическое лицо превращается в перемещение денежных средств из одной государственной мощи в другую, что осложняет функционирование всей бюджетной системы и создает дополнительную нагрузку на органы казначейства.

Предлагается исключить административное наказание в виде штрафа на все юридические лица, в которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в общей сумме более пятидесяти процентов², а также на юридические лица, выполняющие функции государственного и муниципального заказчика, с одновременным усилением административной ответственности на физических лиц таких юридических лиц.

При анализе административно-деликтных норм, выявлена их безальтернативность, отсутствие индивидуализации наказания. Основным видом наказания за правонарушения в сфере государственных закупок является штраф, причем в большинстве случаев – абсолютно определенный, лишь по нескольким составам – фиксированный, то есть штраф исчисляется в виде процентов от начальной (максимальной) цены контракта [6, с. 57], причем нижний или верхний пределы штрафа определены законодателем в твердой денежной сумме; от стоимости неисполненных обязательств или от размера дополнительно израсходованных средств соответствующих бюджетов бюджетной системы РФ или цен товаров, работ, услуг, количество, объем которых уменьшены и которые явились предметом административного правонарушения (ч. 2, 4, 4.1, 6 ст. 7.30, ч. 1, 2, 5,7 ст. 7.32 КоАП РФ), предусмотрена также ответственность в виде дисквалификации должностных лиц³ (ч.7 ст.7.23, ч.2 ст.7.32.5, ст. 7.32.6 КоАП РФ).

Однако избранная законодателем методика определения соразмерности административных наказаний за подобные правонарушения не является безупречной. Аксиоматично, что одним из общих принципов любого вида юридической ответственности является соразмерность между совершенным нарушением и мерой ответственности [1, с.78].

По мнению Г.В. Вериной, применительно к преступлениям небольшой тяжести (а административные правонарушения приближены именно к этой категории) все санкции должны носить альтернативный характер [7, с. 55]. Данная проблема также освещалась в исследованиях Н.А. Морозовой, П.Н. Смолякова, Л.В. Андреевой.

Вопрос индивидуализации наказаний был отражен в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в Постановлении от 17 января 2013 г. N 1-П [8, с.112], Постановлении от 25 февраля 2014 г. N 4-П/2014, в соответствии с которыми, применение одинаковых мер ответственности за различные по степени опасности административные правонарушения без надлежащего учета характеризующих виновное в совершении административно-противоправного деяния лицо обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма и несовместимо с принципом индивидуализации ответственности за административные правонарушения⁴.

Полагаем, что при таких обстоятельствах, государственными органами, осуществляющими контроль и надзор в области государственных закупок, судам, на практике невозможно

¹ UR: <http://ach.gov.ru>

² Федеральный закон от 18 июля 2011 г. N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 01.04.2021) // СЗ РФ. – 2011. - № 30. - Ст. 4571.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 16.04.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 года N 4-П/2014 // Справочная правовая система «Гарант».

индивидуализировать наказание с учетом обстоятельств смягчающих и отягчающих административную ответственность, учесть личность виновного, наличие несовершеннолетних детей и так далее. Лишь в исключительных случаях, в соответствии с ч.2.2 ст.4.1 КоАП суды и соответствующие контролирующие органы имеют право смягчить наказание и назначить его в виде штрафа, в размере менее минимального, предусмотренного соответствующей статьей КоАП РФ, хотя чаще такая практика по административным правонарушениям в сфере закупок не применяется, ввиду отсутствия исключительных обстоятельств.

Одновременно, не стоит упускать из вида, тот факт, что уполномоченные должностные лица заказчика, работники контрактной службы, контрактные управляющие, члены комиссий по проведению закупочных процедур и так далее, являются государственными гражданскими служащими и в соответствии с ч.6 ст.38 Закона о контрактной системе, имеют высшее или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок. В соответствии с ФЗ от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», обязаны беречь государственное имущество, исполнять должностные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне, не ставить личные, имущественные и иные интересы превыше интересов службы¹, и осознавать, что, пожалуй, является более важным, что они являются частью управляющей системы, выполняющей функции в интересах всего общества. Ответственность для таких лиц за совершенные проступки должна быть более строгая, но по-нашему мнению, вместе с тем дифференцированная, учитывающая все обстоятельства.

К физическим и юридическим лицам заказчика за несоблюдение срока размещения информации и документов при проведении конкурса или аукциона не более чем на два рабочих дня, санкцией ч.1 ст.7.30 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность в виде штрафа. Размер штрафа представляет собой законодательно установленную, строго определенную сумму и составляет для должностных лиц пять тысяч рублей, для юридических – пятнадцать тысяч. Согласно ч.1.1 ст.7.30 КоАП РФ, то же самое правонарушение, но на срок более чем два рабочих дня грозит должностным лицам штрафом в тридцать тысяч рублей, юридическим – сто тысяч рублей [9, с. 135].

Частями 1.2, 1.3 статьи 7.30 КоАП РФ предусмотрено правонарушение также лицами заказчика, также за нарушение срока размещения информации и документов, но при другом способе определения поставщика - запросе котировок, запросе предложений, осуществлении закупки у единственного поставщика. При нарушении установленного срока не более чем на один рабочий день, должностные лица подвергнутся штрафу в размере трех тысяч рублей, юридические – в размере десяти тысяч, при нарушении срока более чем на один рабочий день, должностные лица оплатят штраф в размере пятнадцати тысяч рублей, а юридические должны будут заплатить пятьдесят тысяч рублей.

При этом, если речь идет о юридических лицах являющихся заказчиками, то штрафы просто переключаются из одного бюджета в другой, о чем было упомянуто выше.

В данном примере подвергается критике взаимосвязь способа определения поставщика от количества дней определенного законодателем срока. Не понятно основание, по которому законодателем при проведении конкурса и аукциона устанавливается пограничный срок два дня, а при выборе поставщика способом запроса котировок, запроса предложений, осуществления закупки у единственного поставщика – один день. Используемая законодателем формулировка «более чем два дня», «более чем один день» достаточно неопределенна, так как нарушение срока может быть на три дня и на тридцать три дня, что и в одном и в другом случае является более, чем один или два дня. Если заказчиком №1 срок нарушен на три дня, но при этом имеются объективные тому причины, а заказчиком №2 срок нарушен на тридцать три дня и объективных причин тому нет, то будет ли справедливым и соразмерным применять к должностному лицу заказчика одинаковые санкции при значительной разнице в сроках и при разных объективных обстоятельствах. Учитывая безальтернативность санкций, для административных органов и судов становится невозможным при вынесении наказания учесть все имеющиеся обстоятельства дела [10, с. 17].

¹ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 24.03.2021) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

Предлагается внести изменения в законодательство об административных правонарушениях, путем установления минимального и максимального пределов штрафа, а в некоторых случаях путем установления административной ответственности в виде штрафа, исчисленного как процент от начальной (максимальной) цены контракта, что позволит индивидуализировать административную ответственность, соблюсти главный принцип любой ответственности – соразмерность наказания совершенному деянию.

Подводя итог проведенному системному анализу административных правонарушений в сфере публичных закупок, предлагается следующее:

1. Привести в соответствие используемую терминологию в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации к терминологии законодательства о закупках.

2. Исключить использование бланкетных норм и излишне повторяющихся конструкций при построении нормы права.

3. Предлагается выделить в отдельную главу однородные нормы права, устанавливающие ответственность за несоблюдение законодательства о публичных закупках, поименовав ее «Правонарушения в области публичных закупок».

4. Предлагается не подвергать административной ответственности в виде штрафа юридические лица, которые по сути являются государственными или муниципальными, но в тоже время повысить ответственность для соответствующих физических лиц.

5. Предлагается внести изменения в законодательство об административных правонарушениях, путем установления минимального и максимального пределов штрафа, а в некоторых случаях путем установления административной ответственности в виде штрафа, исчисленного как процент от начальной (максимальной) цены контракта, что позволит индивидуализировать административную ответственность.

В условиях назревшей объективной необходимости научного переосмысления и анализа сложившейся правоприменительной практики, внесения системных изменений в законодательство об административных правонарушениях, в том числе в сфере публичных закупок, вышеприведенные предложения могут послужить базой для разработки норм права, соответствующих целям проводимой в настоящее время административной реформы – в том числе ограничению практики безальтернативных наказаний и уточнению составов административных правонарушений в сфере публичных закупок.

Литература

1. *Кожевников В.В., Лавров Ю.Б.* О соразмерности мер административной ответственности общественному вреду, причиняемому нарушениями законодательства о публичных закупках // Журнал «Вестник Омской юридической академии». 2017. N 2. С. 77–81.
2. *Амелин Р.В., Колоколов А.В., Колоколова М.Д., Липатов Э.Г., Свечникова И.В., Чаннов С.Е.* Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть первая: комментарий к главам 1-14 КоАП РФ (под общ. ред. Л.В. Чистяковой). М.: ИД «ГроссМедиа»: РОСБУХ, 2019. 2672 с.
3. *Гапоненко В.Ф., Самолысов П.В.* Системно-структурный анализ административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок // Журнал «Труды Академии управления МВД России». 2020. N 4. С. 220–231.
4. *Борисов А.Н.* Административная ответственность за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (практические рекомендации для заказчиков и участников закупок). М.: Деловой двор, 2018. 198 с.
5. *Сергеева Н.В., Храмцова В.Е.* Контрактная система: обзор применяемых мер ответственности участников // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2019. № 3. С. 56–62.
6. *Самолысов П.В.* Административная ответственность за несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере публичных закупок // Право и экономика. 2020. № 8. С. 55–60.
7. *Верина Г.В.* Новые концептуальные подходы к вопросам преступления и наказания в российской уголовно-правовой политике // Журнал российского права. 2012. N 5 (185). С. 55–59.
8. *Смоляков П.Н.* Проблемы индивидуализации наказания за преступления и административные правонарушения в сфере публичных закупок // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 112–117.

9. Морозова Н.А. Безальтернативные административные санкции // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 129–138.
 10. Стародубцева И. Ужесточение ответственности за нарушение требований к бухгалтерскому учету. Обсуждаем законопроект о внесении изменений в КоАП РФ // Финансовая газета. 2015. N 36. С. 11–18.
-

Bondareva Elena Aleksandrovna, Postgraduate Student of the Department of Administrative and Service Law, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: elenabnd@mail.ru

FEATURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

Abstract

The economic and political transformations taking place in Russia have necessitated the creation of a system of legal norms governing public relations in the field of public procurement. Since the social significance of public procurement is great, the achievement of the goals and results in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs, in the field of state defense orders, in the field of procurement carried out by certain types of legal entities, depends on the quality of legal regulation. The authorized capital of which more than fifty percent of the shares belong to the state. One of the legal instruments of reliable legal protection is the institution of administrative responsibility, which, perhaps, is the main type of responsibility for violation of legislation in the field of procurement of goods, works, services to meet public needs.

Keywords: *public procurement, contract system, government procurement, government defense order, purchases carried out by certain types of legal entities, administrative offenses, administrative responsibility, individualization of responsibility, no alternative to punishment.*

References

1. Kozhevnikov V.V., Lavrov YU.B. O sorazmernosti mer administrativnoj otvetstvennosti obshchestvennomu vreau, prichinyaemomu narusheniyami zakonodatel'stva o publicnyh zakupkah // ZHurnal «Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii». 2017. N 2. P. 77–81.
2. Amelin R.V., Kolokolov A.V., Kolokolova M.D., Lipatov E.G., Svechnikova I.V., CHannov S.E. Postatejnyj kommentarij k Kodeksu RF ob administrativnyh pravonarusheniyah. CHast' pervaya: kommentarij k glavam 1-14 KoAP RF (pod obshch. red. L.V. CHistyakovoj). M.: ID «GrossMedia»: ROSBUH, 2019. 2672 p.
3. Gaponenko V.F., Samolysov P.V. Sistemno-strukturnyj analiz administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kontraktnoj sisteme v sfere zakupok // ZHurnal «Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii». 2020. N 4. P. 220–231.
4. Borisov A.N. Administrativnaya otvetstvennost' za narusheniya v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd (prakticheskie rekomendacii dlya zakazchikov i uchastnikov zakupok). M.: Delovoj dvor, 2018. 198 p.
5. Sergeeva N.V., Hramcova V.E. Kontraktnaya sistema: obzor primenyaemyh mer otvetstvennosti uchastnikov // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.YU. Vitte. Seriya 2: YUridicheskie nauki. 2019. № 3. P. 56–62.
6. Samolysov P.V. Administrativnaya otvetstvennost' za nesoblyudenie obyazatel'nyh trebovanij zakonodatel'stva o kontraktnoj sisteme v sfere publicnyh zakupok // Pravo i ekonomika. 2020. № 8. P. 55–60.
7. Verina G.V. Novye konceptual'nye podhody k voprosam prestupleniya i nakazaniya v rossijskoj ugovovno-pravovoj politike // ZHurnal rossijskogo prava. 2012. N 5 (185). P. 55–59.
8. Smolyakov P.N. Problemy individualizacii nakazaniya za prestupleniya i administrativnye pravonarusheniya v sfere publicnyh zakupok // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 4. P. 112–117.
9. Morozova N.A. Bezal'ternativnye administrativnye sankcii // ZHurnal rossijskogo prava. 2019. № 3. P. 129–138.
10. Starodubceva I. Uzhestochenie otvetstvennosti za narushenie trebovanij k buhgalterskomu uchetu. Ob-suzhdaem zakonoproekt o vnesenii izmenenij v KoAP RF // Finansovaya gazeta. 2015. N 36. P. 11–18.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Саркисян аспирант кафедры административного и служебного права,
Арамаис Южно-Российский институт управления – филиал
Каджикович Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: aramaissarkisyan@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает проблемы применения норм административно-деликтного законодательства, поднимается вопрос о безальтернативности административной ответственности арбитражного управляющего в делах о банкротстве. Автором приводится доктринальная классификация оснований для привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности. В заключение предлагаются меры по усовершенствованию законодательства об административной ответственности арбитражных управляющих.

Ключевые слова: банкротство, неплатежеспособность, арбитражный управляющий, полномочия арбитражного управляющего, административная ответственность, кодекс об административных правонарушениях, административные правонарушения, принципы административной ответственности, развития законодательства об административной ответственности.

Развитие института административно-деликтного права имеет важное юридическое и экономическое значение. Одной из функций административного права является защита публичных интересов, причем необходимо отметить, что под публичностью понимаются не только интересы государства, но и интересы неопределенного круга лиц. Например, в деле о банкротстве КоАП РФ защищает интересы кредиторов от неправомерных действий арбитражного управляющего, а также контролирующих должника лиц. Интересы государства на указанном примере охраняются опосредованно, а именно не как публично-правового образования, а как кредитора (уполномоченного органа) в деле о банкротстве наравне с юридическими и физическими лицами.

Формализация, а также повышение ответственности арбитражных управляющих, являются одними из острых обсуждаемых проблем в научном обществе.

С каждым годом увеличивается количество дисквалификаций арбитражных управляющих^[1]:

2016	2017	2018
39	209	306

Также в теории административной ответственности поднимается проблема безальтернативности административной ответственности арбитражных управляющих за повторное правонарушение [1].

В ходе проведения настоящего исследования автором используется сравнительно-правовой метод, эмпирический и диалектический метод научного познания.

В соответствии с ч.3 ст. 14.13 КоАП РФ² неисполнение арбитражным управляющим, реестродержателем, организатором торгов, оператором электронной площадки либо руководителем временной администрации кредитной или иной финансовой организации обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния, – влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати пяти ты-

¹ <https://rosreestr.ru/site/openservice/statistika-i-analitika/statisticheskaya-otchetnost/>

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

сяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от двухсот тысяч до двухсот пятидесяти тысяч рублей.

Согласно ч. 3.1. ст. 14.13 КоАП РФ повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 3 настоящей статьи, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния, – влечет дисквалификацию должностных лиц на срок от шести месяцев до трех лет; наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от трехсот пятидесяти тысяч до одного миллиона рублей.

Объектом вышеуказанной статьи являются отношения, складывающиеся в области банкротства.

Объективная сторона – действия или бездействия, выразившиеся в неисполнении обязанности арбитражным управляющим.

Наступление ответственности не ставится во взаимосвязь с наличием или отсутствием умысла, или неосторожности.

Важным принципом административной ответственности является принцип справедливости, который выражается в трех элементах: необходимость, соразмерность и пропорциональность. По мнению автора, только достижение вышеуказанных трех элементов может способствовать высокой эффективности применения административной ответственности.

Однако необходимо рассмотреть все три элемента через призму привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности.

Необходимость контроля государственных органов за деятельностью арбитражных управляющих очевидна, возложение больших социально-экономических функций должно быть обусловлено наблюдением со стороны государства. Однако вышеуказанный аргумент можно подвергнуть критике, так как законодательство о банкротстве предусматривает возможность, причем абсолютную, кредиторов контролировать деятельность арбитражного управляющего (ст. 67 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», вместе с тем арбитражный управляющий обязан регулярно предоставлять отчет о своей деятельности в арбитражный суд (ст. 143 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Элемент соразмерности, являющийся составным в принципе справедливости, выражается в том, что административная ответственность за совершенное административное правонарушение должна быть эквивалентна. Причем, по мнению автора, соразмерность должна быть как в материально-правовых составах, так и при формальных составах административной ответственности.

Элемент пропорциональности тесно связан с элементом соразмерности и выражается в том, что преследуемая цель административно-деликтного права должна быть равно характеру защищаемых отношений.

Ч. 3. Ст. 14.13 КоАП РФ предусматривает ответственность в виде предупреждения или штрафа, то есть идея законодателя выражается в предоставлении выбора контролирующему органу, а в случае обжалования суду, какую ответственность наложить на виновное лицо. При наличии альтернативности правоприменитель может через призму принципа справедливости определить характер совершенного правонарушения, а также применить соразмерную меру ответственности. Однако часть 3 вышеуказанной статьи не предоставляет правоприменителю альтернативу для назначения меры административной ответственности, что, в свою очередь, блокирует применение правоприменителем принципа справедливости при назначении административной ответственности.

Для полного и всестороннего освещения вышеуказанной проблемы необходимо рассмотреть виды оснований, на основе которых возможна административная ответственность арбитражных управляющих.

Все основания для привлечения арбитражного управляющего к ответственности можно классифицировать по следующим признакам:

- нарушения, связанные с организацией и проведением собраний кредиторов;
- нарушения, связанные с формированием и предоставлением отчетов арбитражных управляющих;
- нарушения, связанные с порядком осуществления расчетов с кредиторами;
- нарушения, связанные с порядком информирования кредиторов и третьих лиц об осуществляемых арбитражным управляющим действиях.

- нарушения, связанные с сохранением и формированием конкурсной массы;
- нарушения, связанные с организацией и проведением торгов.

Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»¹ установлены общие права и обязанности арбитражного управляющего (ст.20.3), а также специальные правомочия временного управляющего (ст. 65 – 67), административного управляющего (ст. 83), внешнего управляющего (ст. 99), а также конкурсного управляющего (ст. 129). За невыполнение требований вышеуказанных правовых норм следует административная ответственность [2].

Все установленные законом права и обязанности арбитражного управляющего можно классифицировать по организационно-правовым основаниям:

- организационно-распорядительная функция;
- экономическая функция;
- охранительная функция.

Организационно-распорядительная функция выражается в обязанности арбитражного управляющего осуществлять контроль за деятельностью должника, формировать конкурсную массу, принимать управленческие решения, способствующие соблюдению баланса интересов между должником и кредиторами и т.д.

Экономическая функция выражается в осуществлении финансово-аналитических задач арбитражного управляющего, одним из основных таких задач является проведение финансового анализа должника, осуществление финансового планирования при проведении процедуры банкротства, а также при реализации имущества должника.

Охранительную функцию можно разделить на две группы:

- охрана и недопущение нарушения прав и законных интересов кредиторов, должника и общества (ст. 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»);
- охрана имущества должника (ст. 67, 99, 129 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Отдельным является вопрос о формировании конкурсной массы путем оспаривания сделок. В соответствии с Законом о банкротстве, оспаривание сделок является правом арбитражного управляющего, однако института оспоримых сделок в процедурах банкротства является основным инструментом формирования конкурсной массы, указанное право коррелируется с обязанностью арбитражного управляющего по формированию конкурсной массой [3–4].

Состав административной ответственности не позволяет использовать квалифицирующий признак при применении санкции как размер причиненного вреда, а также сам факт нанесения вреда, так как состав административного правонарушения является формальным.

По мнению автора, недопустима корреляция формальности административной санкции с материальной ответственностью, предусмотренной Законом о банкротстве, так как это создает правовую неопределенность при реализации правоприменения. Правовая конструкция ответственности арбитражного управляющего создает ситуацию, при которой суд, рассматривающий дело о банкротстве при наличии нарушения, которое не влечет существенного нарушения прав лиц, участвующих в деле, влечет безусловную административную ответственность. Придание диспозиции в деликтной норме бланкетного характера становится неприемлемым при существенном увеличении системы регулирующих норм, к которым отсылает состав административно-деликтного права.

Автором предлагаются следующие предложения по совершенствованию административной ответственности арбитражных управляющих:

1. Введение в ч.3.1 ст. 14.13 КоАП РФ альтернативных мер ответственности: предупреждение и штраф. Правоприменитель при наличии предупреждения как меры ответственности сможет применять ее за повторное правонарушение арбитражного управляющего не большой тяжести, например, за несвоевременную публикацию сведений, установленных в ст. 28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Применение штрафа за повторное правонарушение также способствует принципу справедливости путем анализа контролирующим органом действий (бездействий) виновного лица.

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. № 209-210, 02.11.2002.

2. Введение дифференцированного подхода не только в санкции ч. 3 и 3.1 КоАП РФ, но и в диспозиции указанных норм. Так, например, отсылка к конкретным нормам законодательства о банкротстве при наличии альтернативных мер административной ответственности способствует ликвидации правовой неопределенности при назначении административного наказания.

Вышеуказанные меры направлены на развитие не только административно-деликтного права, но и на развитие законодательства о банкротстве, недопущение злоупотребления прав по отношению к арбитражным управляющим, на которых законодательство возлагает большое количество не только прав и обязанностей, но и ответственности, а также развитие правовой определенности при назначении административного наказания, что поможет арбитражным управляющим исполнять свои обязанности разумно и добросовестно, и понимать, что за совершение какого административного проступка может наступить какая ответственность.

Литература

1. Кузнецов М.А. К вопросу об административно-правовой ответственности арбитражных управляющих // Юрист. 2016. № 2. С. 27–31.
2. Ефимова В.В. Роль арбитражного управляющего в процедуре банкротства // Право и экономика. 2004. №12. С. 22–27.
3. Пахаруков А.А. Телеологические аспекты института несостоятельности (банкротства) // Академический юридический журнал. 2006. № 2. С. 32–37.
4. Семеусов В.А., Пахаруков А.А. Цель правового регулирования института банкротства // Научные труды. Российская академия юридических наук. М., 2003. Вып. 3. Т. 1.

Sarkisyan Aramais Kadzhikovich, Postgraduate Student of the Department of Administrative and Service Law, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: aramaissarkisyan@mail.ru

CURRENT PROBLEMS OF BRINGING THE ARBITRATION MANAGER TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Abstract

In the article the author considers the problems of application of the norms of administrative-tort legislation, raises the question of the lack of alternative to the administrative responsibility of the arbitration Manager in bankruptcy cases. The author proposes a doctrinal classification of the grounds for bringing the arbitration administrator to administrative responsibility. In conclusion, the author proposes measures to improve the legislation on administrative responsibility of arbitration managers.

Keywords: *bankruptcy, insolvency, arbitration manager, powers of the arbitration manager, administrative responsibility, code of administrative offenses, administrative offenses, principles of administrative responsibility, development of legislation on administrative responsibility.*

References

1. Kuznecov M.A. K voprosu ob administrativno-pravovoj otvetstvennosti arbitrazhnyh upravlyayushchih // YUrist. 2016. № 2. P. 27–31.
2. Efimova V.V. Rol' arbitrazhnogo upravlyayushchego v procedure bankrotstva // Pravo i ekonomika. 2004. №12. P. 22–27.
3. Paharukov A.A. Teleologicheskie aspekty instituta nesostoyatel'nosti (bankrotstva) // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2006. № 2. P. 32–37.
4. Semeusov V.A., Paharukov A.A. Cel' pravovogo regulirovaniya instituta bankrotstva // Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya yuridicheskikh nauk. M., 2003. Vyp. 3. T. 1.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ИРАКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аль-Таие аспирант кафедры финансового права юридического факультета,
Моатез Салам Южный федеральный университет
Мохаммед Али (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88).
E-mail: moataz.legal_russia@yahoo.com

Аннотация

В статье рассматриваются нормативно-правовые основы государственной политики России и Ирака в сфере образования в свете проводимых административных реформ. Обосновывается необходимость модернизации образовательных отношений путем создания эффективной системы управления сферой образования в обеих странах, подчеркивается необходимость изучения опыта российского законодателя в целях совершенствования правовой основы государственной политики Ирака в сфере образования. Проводится анализ источников российского образовательного права, определяется роль федеральных и региональных органов власти в нормативно-правовом регулировании образовательной сферы. Исследуется природа и значение актов органов местного самоуправления в сфере российского образования. Освещаются вопросы правового регулирования образовательных отношений в Ираке, рассматриваются основные положения федеральных законов в сфере образования, определяются виды административных решений профильных министерств. Проводится сравнительный анализ источников российского и иракского законодательства в сфере образования. Определяется роль российского Закона об образовании как системообразующего акта, объединившего все правовые институты в образовательной сфере. Обосновываются необходимость проведения систематизации действующих нормативных актов Ирака и целесообразность объединения правовых норм в сфере образования в едином законодательном акте.

Ключевые слова: государственная политика, образовательные отношения, система управления сферой образования, административная реформа, доступность и качество образования, федеральное и региональное законодательство, профильный специализированный акт, акты органов местного самоуправления, систематизация и кодификация законодательства, административные решения.

В современном мире образование является приоритетной сферой общественной жизни и выступает важнейшей функцией государственной политики. Как сложный феномен современный уровень образования должен соответствовать запросам населения, инновационным критериям, а также учитывать требования глобальной конкуренции. При этом необходимость модернизации образования предполагает не только поиск путей совершенствования организации процесса образования, но и создания эффективной системы управления сферой образования.

В настоящее время в российской системе управления образованием проведена коренная реформа в соответствии с Указом Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти»¹. Министерство образования и науки РФ преобразовано в Министерство просвещения РФ и Министерство науки и высшего образования РФ.

Россию и Ирак связывает длительное сотрудничество в различных областях, в том числе и в образовательной сфере. Документы об образовании, выданные в России и Ираке, имеют равную юридическую силу на территориях обеих стран в соответствии с Договором о взаимном оказании правовой помощи между СССР и Иракской Республикой 1973 г.² В настоящее время около 1,5 тысяч иракских граждан получают образование в России [1, с. 8].

¹ Указ Президента РФ от 15.05.2018 № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 21. Ст. 2981.

² Договор о взаимном оказании правовой помощи между СССР и Иракской Республикой (подписан в г. Москве 22.06.1973) // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи.- М.: СПАРК, 1996. С. 230-239.

В Ираке также действуют два министерства – Министерство образования, осуществляющее контроль за дошкольным и общим образованием, и Министерство высшего образования и научных исследований, в подведомственности которого находится система высшего образования.

Коренные преобразования в Ираке в политической и экономической сферах, отмена международных санкций и экономической блокады изменили курс социальной политики государства и обусловили необходимость реформирования всей системы образования Ирака, государственных и муниципальных образовательных структур. В рамках проводимой административной реформы в сфере образования государственные органы в лице специализированных министерств Ирака разработали свою политику в области образования, направленную на обеспечение доступности и качества образования, устранение дискриминации в сфере образования [2, с. 39]. В то же время все усилия, предпринимаемые правительственными и неправительственными организациями, не достигли своих результатов, что также обусловило необходимость создания в Ираке эффективной системы управления сферой образования. В связи с чем считаем вполне позитивным и целесообразным изучение опыта российского законодательства в целях совершенствования правовой основы государственной политики Ирака в сфере образования.

В российской научной доктрине обсуждалась идея кодификации всего массива нормативных правовых актов, регулирующих сферу образования, в связи с чем было разработано два проекта кодекса об образовании. Однако в результате был принят Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ (далее – Закон об образовании), которому характерны многие признаки кодификационного акта: инкорпорация правовых норм нескольких актов в один акт; прекращение действия ряда законодательных актов; включение в объединенный акт новых норм [3, с. 19]. Российский Закон об образовании возложил систему права в образовательной сфере, учел накопленный опыт нормативной регламентации образовательных отношений за последние два десятилетия [4, с. 8], закрепил основы управления сферой образования и был направлен на решение накопившихся проблем в системе образования.

Вопросы образования и науки относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, в связи с чем образовательные отношения регламентируются нормами федерального и регионального законодательства. На региональном уровне к моменту принятия Закона об образовании уже было сформировано законодательство субъектов Российской Федерации в сфере образовательных отношений, которое в большинстве своем было принято в соответствии с требованиями федерального законодательства. Однако принятие на федеральном уровне Закона об образовании безусловно повлекло изменения в региональных нормативных актах. Унификации законодательства в регионах способствовали рекомендации Минобрнауки РФ по приведению регионального законодательства в соответствие с положениями нового Закона об образовании.

В Законе об образовании определены цели и задачи правового регулирования соответствующей сферы отношений, закреплено верховное положение Конституции РФ среди источников образовательного права. Конституционные основы образовательной сферы определены в ст. 43 Конституции РФ, закрепляющей право каждого на образование, гарантии общедоступности и бесплатности дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, право бесплатное получение высшего образования на конкурсной основе. Устанавливая федеральные государственные образовательные стандарты, Россия поддерживает различные формы образования и самообразования. Конституционные основы образовательных отношений закреплены в ст. 72, относящей общие вопросы воспитания, образования, науки к совместному ведению России и ее субъектов, и в ст. 114, относящей к компетенции Правительства РФ обеспечение единой социально ориентированной государственной политики в области науки и образования.

Российские федеральные законы в сфере образования регулируют либо непосредственно образовательные отношения, либо содержат отдельные положения, касающиеся

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

образовательной сферы (профильные и непрофильные законы [5, с. 22]). Источниками образовательного права согласно ст. 4 Закона об образовании являются также подзаконные нормативные правовые акты, что требует определения четких критериев их соответствия положениям Закона об образовании. С этой целью законодательством предусмотрена обязательность соответствия Закону об образовании не только подзаконных актов, но и федеральных законов, нормативных правовых актов региональных органов и органов местного самоуправления, регулирующие отношения в сфере образования (ч. 4 ст. 4 Закона об образовании). В случае возникновения противоречий между указанными нормативными правовыми актами и Законом об образовании приоритет отдается соответственно профильному специализированному акту – Закону об образовании.

Нормотворческие полномочия Президента России по определению основных направлений госполитики в сфере науки и образования реализуются в форме указов и распоряжений. Правительство РФ наделено широкой компетенцией в области науки и образования и реализует свои полномочия по государственному управлению в указанной сфере путем принятия постановлений и распоряжений. Так, Постановлением Правительства РФ от 28.07.2018 № 885 утверждено Положение о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки¹. Созданный в структуре Аппарата Правительства РФ Департамент науки, высоких технологий и образования обеспечивает деятельность Правительства РФ по вопросам, входящим в сферу его ведения, и взаимодействует с соответствующими федеральными органами исполнительной власти, с другими госорганами и учреждениями².

Основной массив нормативных правовых актов в сфере образования составляют приказы федеральных органов исполнительной власти. В настоящее время Положениями о Министерстве просвещения РФ (Минпросвещения России) и Министерстве науки и высшего образования РФ (Минобрнауки России)³ определен целый ряд направлений в сфере образования, по которым Министерства принимают нормативные правовые акты в рамках своей компетенции. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) также осуществляет правотворческие полномочия в своей сфере деятельности.

Однако Минобрнауки, Минпросвещения и Рособрнадзор России хотя и занимают центральное место в системе органов, осуществляющих госуправление в сфере образования, но не являются единственными федеральными органами исполнительной власти, наделенными полномочиями по нормативно-правовому регулированию в сфере образования (ч. 4 ст. 89 Закона об образовании). Наряду со специализированными федеральными органами подзаконные нормативные акты могут принимать также федеральные органы власти, имеющие в своем ведении образовательные учреждения (например, Приказ МВД России от 15.06.2015 № 682⁴ и др.).

В число источников образовательного права наряду с федеральными нормативными актами входят также законы субъектов России, которые должны соответствовать Закону

¹ Постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 885 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (Часть II). Ст. 5344.

² Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 23. Ст. 2313.

³ Постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 884 «Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (Часть II). Ст. 5343; Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 26. Ст. 3851.

⁴ Приказ МВД России от 15.06.2015 № 682 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности в федеральных государственных образовательных организациях со специальным наименованием «суворовское военное училище», находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации, и приема в указанные образовательные организации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 42.

об образовании и не могут ограничивать права, снижать уровень предоставления гарантий участникам образовательных отношений по сравнению с федеральным законодательством. Закон об образовании закрепил компетенцию региональных органов власти в сфере образования, а также полномочия Российского государства, делегированные региональным органам власти. Следует отметить, что региональное законодательство об образовании в настоящее время активно обновляется, в регионах идет процесс приведения законодательства субъектов РФ об образовании в соответствие с положениями федерального законодательства. Так, в Ростовской области в 2013 году был принят Областной закон Ростовской области от 14.11.2013 № 26-ЗС «Об образовании в Ростовской области»¹.

Как вполне обоснованно отмечает Н.В. Путило, российское образовательное законодательство не рассматривает акты муниципальных органов в качестве нормативных правовых актов, определяя их как правовые, а не нормативные акты [3, с. 23]. Так, в ч. 1 ст. 4 Закона об образовании четко очерчен круг источников, регулирующих образовательные отношения, среди которых акты органов местного самоуправления вообще не указаны. При этом в ч. 4 и ч. 5 ст. 4 Закона об образовании, предусматривающим принцип приоритета Закона об образовании среди источников образовательного права и необходимость соответствия его положениям норм других нормативных актов в сфере образования, акты муниципального уровня упоминаются как правовые.

Следует отметить, что органы местного самоуправления (например, районный или городской отдел образования) принимают огромное количество нормативных правовых актов (постановлений, приказов) по самым различным вопросам образовательной деятельности, касающиеся получения общего и профессионального образования, присмотра и ухода за детьми, организация питания учащихся и т.д. Так, например, вопросы предоставления бесплатного питания обучающимся в муниципальных общеобразовательных учреждениях города Ростова-на-Дону регулируются Постановлением Администрации города Ростова-на-Дону от 10.04.2013 № 375 «Об утверждении Порядка предоставления бесплатного питания обучающимся в муниципальных общеобразовательных учреждениях города Ростова-на-Дону»².

Таким образом, акты муниципальных органов в сфере образования по своим характерным признакам во многом соответствуют особенностям нормативно-правовых актов и выходят за рамки правореализационной деятельности. Содержащиеся в них положения имеют не рекомендательное, а обязательное значение, влекут обязанность следовать этим им, обязательны для исполнения на всей территории муниципального образования. В этой связи считаем целесообразным включить в перечень источников образовательных отношений акты муниципальных органов, в частности дополнить ч. 1 ст. 4 Закона об образовании словосочетанием «нормативными правовыми актами органов местного самоуправления». Соответственно в ч. 4 и ч. 5 ст. 4 Закона об образовании дополнить словосочетание «правовых актов органов местного самоуправления» словом «нормативных».

Важнейшей новеллой Закона об образовании являются положения о локальных нормативных актах образовательных организаций, содержащих нормы, регулирующие образовательные отношения. Локальные нормативные акты в форме уставов, положений, стандартов и т.д. имеют важное значение для участников образовательных отношений, так как закрепляют основные вопросы осуществления образовательной деятельности. Ими устанавливаются правила приема, перевода и отчисления обучающихся, режим учебных занятий, формы промежуточной аттестации обучающихся и т.д.

В Конституции Ирака 2005 г. закреплено конституционное право всех детей на воспитание, получение образования и заботу со стороны родителей (ст. 29). Конституционному праву на образование посвящена статья 34 Конституции Ирака. Образование провозглашено в качестве основополагающего фактора развития общества и права, гарантированного государством. Конституция Ирака содержит ряд гарантий этого права. В то же время, гарантируя

¹ Областной закон Ростовской области от 14.11.2013 № 26-ЗС «Об образовании в Ростовской области» // Наше время. 2013. 21 ноября. № 628-633.

² Постановление Администрации г. Ростова н/Д от 10.04.2013 № 375 «Об утверждении Порядка предоставления бесплатного питания обучающимся в муниципальных общеобразовательных учреждениях города Ростова-на-Дону» // Ростов официальный. 2013. 17 апреля. № 16.

право на бесплатное образование на всех его уровнях, обязательным условием реализации конституционного права на образование является изучение религии. В ст. 2 Конституции Ирака ислам провозглашен не только официальной религией, но и основным источником законодательства. Ни один закон не может быть принят, если он противоречит нормам ислама. Как вполне справедливо отмечает Ал Кхафаджи Мохаммед Абдуладхим Нимах, указание на нормы ислама в конституциях арабских государств свидетельствует, с одной стороны, о приверженности традиционным ценностям, а с другой – способствует развитию дискриминации в сфере образования по религиозному признаку [6, с. 63].

Образовательные отношения в Ираке регулируются рядом федеральных законов, а также административными решениями Министерства образования Ирака и Министерства высшего образования и научных исследований Ирака.

Закон Ирака «Об обязательном образовании» № 118 от 1976 г. (в редакции 1987 г.)¹ регулирует вопросы начального школьного образования, определяет компетенцию министерства образования, управлений и департаментов образований, местной администрации, а также регламентирует источники финансирования начального обязательного образования.

В Законе «О системе средней школы» № 2 1977 г.² урегулированы вопросы организации образовательного процесса по программам средней школы, регламентирована система управления в средней школе, определены полномочия руководства средней школы и министерства образования. Ст. 4 Закона «О системе средней школы» возлагает ответственность за реализацию образовательной политики на уровне среднего образования на Министерство образования, которое разрабатывает и утверждает школьные программы, учебники, требования к методам оценки знаний и экзаменам.

Закон «О Министерстве образования Ирака» № 22 2011 г.³ регламентирует организационно-правовую структуру и деятельность Министерства образования, подотчетных ему учебных заведений. В данном Законе отражена система контроля Министерства за дошкольным образованием, а также начальным, средним общим и средним подготовительным уровнями образования. Министр, являясь верховным чиновником министерства, издает инструкции, внутренние правила, решения и распоряжения во всем, что связано с выполнением функций министерства, решением административных, финансовых и технических вопросов в рамках Закона «О Министерстве образования Ирака».

Закон «О Министерстве высшего образования и научных исследований» № 40 1988 г.⁴ регулирует организационно-правовые основы деятельности Министерства высшего образования и научных исследований Ирака, определяет систему высшего образования, порядок осуществления образовательной и научной деятельности техническими институтами и университетами. Следует отметить, что деятельность государственных высших образовательных учреждений регламентируется Законом «О Министерстве высшего образования и научных исследований», особенности правового статуса частных образовательных организаций высшего образования – Законом «О частном высшем образовании» № 25 от 2016 г.⁵

Министерство высшего образования и научных исследований в рамках Закона № 40 издает постановления и инструкции, например, инструкцию по дисциплинам студентов⁶.

¹ قانون التعليم الالزامي رقم (118) لسنة 1976 (المعدل). المنشور في الوقائع العراقية. العدد 3183 في 04\01\1988.

Закон «Об обязательном образовании» № 118 от 1976 г. // Иракская правда. 1988. 4 января. № 3183.

² نظام المدارس الثانوية رقم 2 لسنة 1977 (المعدل). المنشور في الوقائع العراقية. العدد 2568 في 24\01\1977.

Закон «О системе средней школы» № 2 1977 г. // Иракская правда. 24 января 1977. № 2568.

³ قانون وزارة التربية العراقية رقم (22) لسنة 2011. المنشور في الوقائع العراقية. العدد 4209 في 19 ايلول 2011 م.

Закон «О Министерстве образования Ирака» № 22 2011 г. // Иракская правда. 2011. 19 сентября. № 4209.

⁴ قانون وزارة التعليم العالي والبحث العلمي رقم (40) لسنة 1988. المنشور في الوقائع العراقية. العدد 3196 في 4 ابريل 1988 م.

Закон «О Министерстве высшего образования и научных исследований» № 40 1988 г. // Иракская правда. 1988. 4 апрель. № 3196.

⁵ 19/9/2016. العراقية الوقائع. 2016 لسنة (25) رقم الاهلي العالي ال تعديل قانون

Закон «О частном высшем образовании» № 25 от 2016 года // Иракские Правда. 2016. 19 сентября. № 4416.

⁶ . المنشور في الوقائع العراقية. بالعدد (4034) 12019. تعليمات انضباط الطلبة في مؤسسات وزارة التعليم العالي والبحث العلمي (160) لسنة 2019 في 02/22.

Инструкция по дисциплинам студентов в учреждениях Министерства высшего образования и научных исследований № 160 2019 г. // Иракская правда. 22.02.2019. № 4034.

Министр высшего образования и научных исследований как высшее должностное лицо в Министерстве издает решения, приказы и инструкции, связанные с задачами и полномочиями Министерства, со всеми техническими, финансовыми, административными и организационными вопросами.

Система образования в Ираке имеет свою специфику и уникальность. В настоящий период, несмотря на политические и социально-экономические трудности, система образования постоянно модернизируется под влиянием глобализации. При этом, как отмечают исследователи, идея сохранения национальной самобытности в Ираке является стержнем государственных образовательных стратегий [7, с. 61].

Поведенное исследование особенностей правовой регламентации образовательных правоотношений в России и Ираке позволило прийти к следующим выводам.

Принятие российского Закона об образовании связано с систематизацией огромного нормативно-правового массива и повлекло за собой значительные изменения в системе законодательства Российской Федерации об образовании. Хотя в итоге кодекс в сфере российского образования принят не был, однако проведенная систематизация нормативного материала позволяет говорить о специальной кодификации в Законе об образовании, которая выражается объединении всех правовых институтов в образовательной сфере. В результате такой специальной кодификации федеральный уровень образовательного законодательства возгласил в качестве системообразующего Закон об образовании.

В настоящее время субъектами Российской Федерации проведена работа по приведению регионального образовательного законодательства в соответствие с Законом об образовании. В то же время нормативные акты органов местного самоуправления не рассматриваются законодателем в качестве источников образовательного законодательства, хотя достаточно распространены и играют большую роль в образовательных правоотношениях.

В Ираке отсутствует единый федеральный закон, аналогичный по своей форме и содержанию российскому Закону об образовании. Весь нормативный материал в сфере иракского образования содержится в различных законах, постановлениях, приказах и инструкциях двух министерств. Следует констатировать, что иракский законодатель не закрепил ни в одном нормативном акте в сфере образования юридические гарантии системности и непротиворечивости образовательного законодательства, не зафиксировал принцип разрешения правовых коллизий в рамках образовательного законодательства. В этой связи считаем необходимым провести систематизацию действующих нормативных актов Ирака, переработать и объединить весь массив правовых норм в данной сфере в едином Законе об образовании Ирака или принять новый кодификационный акт.

Литература

1. Деманова С.В. Образование в Республике Ирак: правовые и социальные аспекты // Тенденции развития образования и науки. 2017. № 29 (1). С. 8–13.
2. سعود هلال الحربي. السياسة التعليمية مفاهيم وخبرات. الرياض ٢٠١٧. ص ١٤٣.
Сауд Хилаль Аль-Харби. Образовательная политика Ирака: концепции и опыт. - Эр-Рияд, 2017. 143 с.
3. Образовательное законодательство России. Новая веха развития: монография / Под ред. Н.В. Путило, Н.С. Волковой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015. 480 с.
4. Кирилловых А.А. Новое образовательное законодательство: базовые правовые институты и новации // Адвокат. 2013. № 2. С. 5–19.
5. Образование: закон и гражданин / Под ред. А.Н. Козырина. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. 17. 176 с.
6. Ал Кхафаджи Мохаммед Абдуладхим Нимах. Право на образование в региональных международных актах и конституциях арабских государств // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 62–64.
7. Хабибуллин А.А., Хабибуллин А., Фахрутдинова А.В. Система образования в вузах Ирака // Казанский вестник молодых ученых. 2018. Т. 2. № 2 (5). С. 58–63.

Al-Taiyeh Moatez Salam Mohammed Ali, Postgraduate Student of the Department of Financial Law of the Faculty of Law, Southern Federal University (88, Maxim Gorky St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: moataz.legal_russia@yahoo.com

**LEGAL BASES OF STATE POLICY IN THE FIELD OF EDUCATION IN RUSSIA AND IRAQ:
COMPARATIVE ANALYSIS**

Abstract

The article examines the regulatory and legal framework of the state policy of Russia and Iraq in the field of education in the light of the ongoing administrative reforms. The article substantiates the need to modernize educational relations by creating an effective education management system in both countries, and emphasizes the need to study the experience of the Russian legislator in order to improve the legal framework of the state policy of Iraq in the field of education. The author analyzes the sources of Russian educational law, determines the role of federal and regional authorities in the legal regulation of the educational sphere. The article examines the nature and significance of acts of local self-government bodies in the sphere of Russian education. The issues of legal regulation of educational relations in Iraq are highlighted, the main provisions of federal laws in the field of education are considered, and the types of administrative decisions of relevant ministries are determined. A comparative analysis of the sources of Russian and Iraqi legislation in the field of education is carried out. The role of the Russian Law on Education as a system-forming act that unites all legal institutions in the educational sphere is determined. The article substantiates the need to systematize the existing legal acts of Iraq and the expediency of combining legal norms in the field of education in a single legislative act.

Keywords: *state policy, educational relations, education management system, administrative reform, access and quality of education, federal and regional legislation, specialized specialized act, acts of local self-government bodies, systematization and codification of legislation, administrative decisions.*

References

1. Demanova S.V. Obrazovanie v Respublike Irak: pravovye i social'nye aspekty // Tendencii razvitiya obrazovaniya i nauki. 2017. № 29 (1). P. 8–13.
2. Saud Hilal' Al'-Harbi. Obrazovatel'naya politika Iraka: koncepcii i opyt. - Er-Riyad, 2017. 143 p.
3. Obrazovatel'noe zakonodatel'stvo Rossii. Novaya vekha razvitiya: monografiya / Pod red. N.V. Putilo, N.S. Volkovoj. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, YUrisprudenciya, 2015. 480 p.
4. Kirillovyh A.A. Novoe obrazovatel'noe zakonodatel'stvo: bazovye pravovye instituty i novacii // Advokat. 2013. № 2. P. 5–19.
5. Obrazovanie: zakon i grazhdanin / Pod red. A.N. Kozyrina. M.: Redakciya «Rossijskoj gazety», 2015. Vyp. 17. 176 p.
6. Al Kkhafadzhi Mohammed Abduladhim Nimah. Pravo na obrazovanie v regional'nyh mezhdunarodnyh aktah i konstituciyah arabskih gosudarstv // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2019. № 4. P. 62–64.
7. Habibullin A.A., Habibullin A., Fahrutdinova A.V. Sistema obrazovaniya v vuzah Iraka // Kazanskij vestnik molodyh uchenykh. 2018. T. 2. № 2 (5). P. 58–63.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК РОССИИ В ПЕРИОД С 1990-Х ГОДОВ

Новикова Анастасия аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1).
Анатольевна E-mail: nowikowa.anastasija111@yandex.ru

Аннотация

В работе проведен историко-правовой анализ развития и становления правового обеспечения деятельности библиотек в России с учетом особенностей, связанных с организационно-правовой деятельностью библиотек в постсоветский период с 1990-х годов.

Ключевые слова: *историко-правовой опыт, библиотеки России, правовое обеспечение, государство, право, нормативно-правовые акты, законы.*

Актуальность представленной статьи направлена на изучение становления правового обеспечения, а именно нормативно-правовых актов, которые регулируют деятельность библиотек России в период с 1990-х годов.

Цель данного исследования заключается в проведении историко-правового анализа развития организационно правовой деятельности библиотек России в постсоветский период.

В современном мире данная тема исследования остаётся наиболее актуальной, поскольку затрагивает такие аспекты, которые на сегодняшний день глубоко не изучены. Они касаются обеспечения нормативно-правовой базой библиотек России как объектов культуры, согласно существующей специфике особенностей данной деятельности. Отметим, что за сохранность объектов культурного наследия, а также организационное обеспечение соответствующей литературой населения отвечает непосредственно государство.

После распада СССР началось новое строительство современного демократического общества, произошла отмена применения методологии марксизма-ленинизма и коммунистической идеологии, что непосредственно отразилось на самом государственно правовом регулировании деятельности библиотек России. Демократическая идеология, провозглашенная в стране, была направлена на замену марксистско-ленинской идеологии, всё это отразилось на истории библиотечной деятельности в России.

Исторический опыт становления и развития деятельности библиотек в России был зафиксирован в качестве Постановления Правительства № 554 от 05.08.1992 г., где было установлено временное правовое регулирование в отношении деятельности Российской национальной библиотеки, расположенной в г. Санкт-Петербурге¹.

В данном постановлении указано, что Российская национальная библиотека является значимым объектом национального наследия, основная цель которого направлена на развитие желаний и стремления к изучению гражданами культуры и науки.

Верховный Совет Российской Федерации принял «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9.10.1992 г. №3612-1², по которым государство со своей стороны имеет обязанности в сфере культуры касаясь предоставления бюджетного финансирования, предоставления льгот и охраны прав работников в сфере культуры, а также решения многих вопросов, связанных с приватизацией собственности, ликвидацией учреждений культуры.

Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9.10.1992 г. №3612-1 на сегодняшний день имеет новую редакцию. В качестве примера можно привести ст. 37 раздела VII Закона Российской Федерации «Основы законодательства

¹ Постановление Правительства от 05.08.1992 №554 «Об утверждении Временного положения о Российской национальной библиотеке»//URL: <https://base.garant.ru/6311918/> (дата обращения 23.11.2020)

² Основы законодательства Российской Федерации о культуре утв. ВС РФ 09.10.1992г., № 3612-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. Издательство «Юридическая литература». 19.11.1992. № 46. С. 2615.

Российской Федерации о культуре» от 9.10.1992 г. №3612-1 в ред. от 01.04.2020 г. – «Полномочия федеральных органов государственной власти в области культуры»¹. Произошла замена понятия «компетенция» на «полномочия», были полностью отменены следующие позиции, а именно: «установление налоговых льгот, стимулирующих сохранение и развитие культуры, и минимума бюджетного финансирования государственных и муниципальных организаций культуры; прямое финансирование организаций культуры, находящихся в федеральном ведении; регулирование правил осуществления валютных операций в области культуры; создание, реорганизация и ликвидация государственных организаций культуры федерального подчинения; социальных гарантий, норм и льгот материального обеспечения работников культуры». В Постановлении Совета Министров – Правительства РФ № 740 от 2 августа 1993 г. «Об утверждении Положения о Российской государственной библиотеке»² говорится, что государство со своей стороны выступает гарантом по соблюдению и охране фондов Российской государственной библиотеки; находящиеся в ведении земельные участки, здания относятся к федеральному значению, а деятельность библиотеки направлена на обеспечение бесплатного и свободного доступа граждан к соответствующей литературе, формирование у граждан желания к изучению культуры, науки, что безусловно способствует в дальнейшем повышению уровня развития культуры нации в нашей стране.

В дальнейшем был издан Федеральный закон «О библиотечном деле» от 29.12.1994 г. № 78³, действие которого было направлено на деятельность, связанную с образованием библиотек в России, культурой и наукой.

В качестве примера можно рассмотреть ст. 3 Федерального закона от 29.12.1994 г. № 78 «Сфера действия настоящего Федерального закона», где говорится о том, что действие настоящего Федерального закона направлено на библиотеки, финансируемые полностью или частично за счёт средств из федерального бюджета, средств бюджетов субъектов РФ и средств местных бюджетов, а также действие Федерального закона распространяется на все библиотеки, независимо от формы собственности⁴. Если сравнить к примеру, с действующей редакцией Федерального закона от 29.12.1994 г. № 78, то на сегодняшний день данная статья утратила силу.

В ст. 5 Федерального закона от 29.12.1994 г. № 78 «О библиотечном деле» закреплены права граждан на библиотечное обслуживание⁵, где прописано, что на всей территории РФ любой гражданин, а также юридическое лицо имеют право на бесплатное обслуживание в библиотеках нашей страны независимо от их вероисповедания, политических и общественных убеждений.

Отсюда следует, что основная цель государства в организационно-правовом регулировании деятельности библиотек России была направлена на комплектование, хранение и предоставление общего доступа к фондам библиотек России по всей территории, относящейся к её ведению, а также международное сотрудничество с зарубежными библиотеками, учреждениями и юридическими лицами.

В 1993 году Российская государственная библиотека со своей стороны активно принимала участие в международном сотрудничестве по программам ИФЛА, ЮНЭСКО, ИСО по передаче из библиотечного фонда редких копий, относящихся к книжным памятникам. Это такие, как «Архангельское Евангелие 1902 г., Мариинское Евангелие глаголическое письмо XI в., Евангелие Хитрово XIV в.»⁶.

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре утв. ВС РФ 09.10.1992г., № 3612-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. Издательство «Юридическая литература». 19.11.1992. № 46. С. 2615.

² Постановление Совета Министров – Правительства РФ № 740 от 2 августа 1993 г., «Об утверждении Положения о Российской государственной библиотеке»//URL: <https://base.garant.ru/6303915/>(дата обращения 20.11.2020).

³ Федеральный закон № 78-ФЗ от 29.12.1994г., «О библиотечном деле» // Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство «Юридическая литература». 02.01.1995. № 1. С. 2.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Culturelink // Газета «Обозрение культуры», Типография Самарского Дома печати, № 1(8)/94. С. 32.

В настоящее время Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская государственная библиотека» активно сотрудничает с музеями, например, 07 августа 2020 г. заключила договор с Частным учреждением культуры «Музей современного искусства «ГАРАЖ»», предметом которого является предоставление во временное пользование для проведения выставки с 31 августа по 20 февраля 2021 г.¹ документов из фондов библиотеки, а именно: «Северный Ледовитый океан и Карское море с Новой Землею 1910 г.»; «Борисов А.А. В стране холода и смерти. 1909 г.» (для экспонирования на выставке «2-я Триеннале российского современного искусства «Красивая ночь всех людей»). Местом проведения выставки стали выставочные залы частного учреждения культуры «Музей современного искусства «ГАРАЖ»».

Принятый Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» закрепил сферу действия в ст. 2², касаясь всех общественных объединений, кроме объединений, связанных с религиозной деятельностью, а в действующей редакции в настоящее время вторая часть утратила силу, в которой было сказано, что в отношении организаций и структурных подразделений, филиалов, а также иностранных объединений распространяется действие настоящего Федерального закона.

История становления основ законодательства о культуре уходит в далёкие 90-е годы, где Верховным Советом РСФСР были приняты основы законодательства о культуре, но спустя пару дней не были в последующем подписаны со стороны президента Бориса Николаевича Ельцина, который со своей стороны ссылался на то, что Верховный Совет не имеет права принимать данные решения на основании того, что такой ранее практики не было³. В связи с чем председателем Верховного Совета РСФСР Русланом Имрановичем Хасбулатовым было озвучено положение, согласно которому было подтверждено право принимать основы законодательства о культуре со стороны Верховного Совета РСФСР, поскольку основы законодательства о культуре не являются законом.

Значимую роль в деятельности библиотек России занимает Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая от 05.08.2000г., № 117 (ред. от 29.12.2020г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021 г.)). Важно отметить тот факт, что в п. 3 ч.2 ст. 164 «Налоговые ставки»⁴ указано, что налог формируется в размере 10-ти процентов, где представленная ставка распространяется на деятельность библиотек России в области книжных товаров.

Был также принят Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44 (ред. от 30.12.2020 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021г.), в котором в ч.1 ст. 1 гл. 1 «Сфера применения настоящего Федерального закона»⁵ прописано, что с помощью конкурентных процедур, цель которых – уменьшение коррупции в нашей стране, связанной с освоением бюджетных и внебюджетных средств, данный Федеральный закон обеспечивает деятельность, связанную с непрерывной и качественной работой органов государственной власти, а также субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

Приведем в качестве примера контракт, который размещён 31.07.2020 г., № 006/01/0046 от 27.07.2020г., № ИКЗ: 201770409756077040100101280017112243 в единой информационной системе в сфере закупок, предметом которого является разработка проектной документации

¹ Выставка 2-я Триеннале Российского современного искусства «Красивая ночь всех людей» //URL: <https://garagemca.org/ru/exhibitions> (дата обращения 10.02.2021)

² Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» закрепил сферу действия в ст. 2 // Собрание законодательства Российской Федерации. 22.05.1995. № 21. С. 1930.

³ Культура под охраной закона // «Обозрение К», РППО:«Росбланкиздат». Самара, ноябрь 1992 г. № 2608. С. 1.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации часть вторая от 05.08.2000г., № 117 (ред. от 29.12.2020г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021г.), п. 3 ч. 2 ст. 164 «налоговые ставки // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/35cc6698564adc4507baa31c9cfdbb4f2516d068/ (дата обращения: 11.01.2021г.)

⁵ Федеральный Закон от 05.04.2013г., № 44 «о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» ч.1 ст. 1 гл. 1 «сфера применения настоящего федерального закона» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 07.01.2021 г.)

для выполнения ремонтно-реставрационных работ, приспособления для современного использования объекта культурного наследия регионального значения «Библиотека имени В.И. Ленина, 1928-1941 гг., арх. Щуко В.А., Гельфрейх В.Г.», расположенного по адресу: г. Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5, стр. 5¹. Здесь мы видим, что у федерального бюджетного учреждения «Российская государственная библиотека» возникли отношения, связанные с объектом, который относится к культурному наследию в виде недвижимого объекта, относящегося к историческому памятнику культуры. Отметим, что ответственность за эксплуатацию зданий и предоставление охраны, связанной с историческими памятниками культуры, которые относятся к объектам культурного наследия, со стороны государства является единственным, главным и ключевым аспектом в работе органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в соответствии с ст.ст.ст.ст. 3, 4, 6, 45 Федерального закона от 25.06.2002 г., № 73 (ред. от 29.12.2020г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»².

Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» п. 4 ст. 1 «Цели регулирования настоящего Федерального закона и отношения, регулируемые настоящим Федеральным законом»³ наделяет бюджетные организации правом принимать участие с помощью электронной цифровой платформы в виде единой информационной системы в закупках товаров, работ, услуг для дальнейшего обеспечения своей деятельности.

Федеральный закон от 29.12.1994 г. № 77 (ред. от 08.06.2020 г.) «Об обязательном экземпляре документов» в п. 2 ст. 17 «Обязанности организаций, централизованно получающих и распределяющих обязательный экземпляр»⁴ зафиксировал обязательства, которые относятся к ведению библиотек субъектов Российской Федерации и книжных палат, связанные с реализацией, поставкой документов, относящихся к обязательному экземпляру в ведении субъектов Российской Федерации, где со своей стороны органы государственной власти субъектов Российской Федерации отвечают за контроль по реализации и поставке соответствующих документов, входящих в состав обязательного экземпляра.

Федеральное библиотечное законодательство и библиотечное законодательство субъектов Федерации должно взаимодополнять друг друга [3, с. 9].

В Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131 (ред. от 29.12.2020г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в п. 1.1. ст. 10 «Территории муниципальных образований»⁵ прописано, что муниципальные учреждения, которые относятся к федеральному значению, наделены правом реализовывать на всей территории Российской Федерации свою деятельность в соответствии с законами субъектов Российской Федерации.

¹ Единая информационная система в сфере закупок // <https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/document-info.html?reestrNumber=1770409756020000116> (дата обращения: 15.01.2021)

² Федеральный закон от 25.06.2002г., № 73 (ред. от 29.12.2020г.) ст. - ст. 3, 4, 6, 45 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 19.01.2021г.)

³ Федеральный закон от 18.07.2011г., № 223 (ред. от 22.12.2020г., с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2021г.), «о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» п. 4 ст. 1 «Цели регулирования настоящего федерального закона и отношения, регулируемые настоящим федеральным законом» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/7ebde198084b87c82df00e99d34872c74b0229b7/ (дата обращения: 07.01.2021г.)

⁴ Федеральный закон от 29.12.1994г. №77 (ред. от 08.06.2020) «Об обязательном экземпляре документов» п. 2 ст. 17 «Обязанности организаций, централизованно получающих и распределяющих обязательный экземпляр» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5437/cb4bf3d4271ed3a22f8342c497ef48870c980364/ (дата обращения: 11.01.2021г.)

⁵ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131 (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» п. 1.1. ст. 10 «Территории муниципальных образований» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/402092b4172fffa9aee33eb7d0a154185fa05c5d/ (дата обращения: 07.01.2021)

В Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131 (ред. от 29.12.2020г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в ст. 16 гл. 3 «Вопросы местного значения муниципального, городского округа»¹ в п. 16 зафиксированы реализация библиотечной деятельности и предоставление услуг гражданам, а также формирование и предоставление охраны фондов в муниципальных и городских образований; в п. 17 прописано, что граждане имеют право на организацию и предоставление им культурного досуга со стороны органов местного самоуправления; в п. 18 указано, что главные аспекты в работе деятельности органов местного самоуправления заключаются в соблюдении правил использования памятников истории культуры и охраны объектов культурного наследия, которые находятся на балансе в фондах в ведении муниципальных органов государственной власти.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что основная задача организационно правовой деятельности библиотек России направлена на обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам [4, с. 57].

К нормативно-правовым актам, регулирующим деятельность библиотек России, относятся: Конституция Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, нормативно правовые акты субъектов Российской Федерации.

Применяется Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», если встает вопрос, связанный с охраной объектов культурного наследия, а также Градостроительный Кодекс Российской Федерации, Гражданский Кодекс Российской Федерации, Земельный Кодекс Российской Федерации, Уголовный Кодекс Российской Федерации, Кодекс об Административных правонарушениях Российской Федерации.

К одному из наиболее значимых федеральных законов можно отнести также принятый от 26 мая 1996 г. № 54 «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». В качестве примера можно привести договор №2011/2019 от 20 ноября 2019 г. между федеральным государственным бюджетным учреждением культуры «Всероссийское музейное объединение» «Государственная Третьяковская галерея» и федеральным бюджетным учреждением «Российская государственная библиотека», где предметом данного договора выступает оказание Галереи услуг по предоставлению из фондов библиотеки экспонатов для выставки «НЕНАВСЕГДА. 1968-1985»².

В 1992 г. были приняты мероприятия со стороны государства по сохранению объектов культурного наследия по разработке и принятию Федеральной программы «Сохранение и развитие культуры и искусства в Российской Федерации» [5, с. 15], цель которой заключалась в охране объектов культурного наследия со стороны государства, а также в совершенствовании рыночных операций в области культуры и искусства в Российской Федерации.

В настоящее время согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»³ были утверждены основные направления поддержки со стороны государства для эффективного развития и внедрения в жизнь поставленных задач и целей. В связи с чем президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам был утвержден национальный проект «Культура» и подписан протокол № 16 от 24.12.2018 г.⁴

¹ Федеральный закон от 06.10.2003г. № 131 (ред. от 29.12.2020г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» пп. 16, 17, 18 ст. 16 гл. 3 «Вопросы местного значения муниципального, городского округа» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/f0cefce0e845309261e82ed31a42579f64eebbfc/ (дата обращения: 07.01.2021г.)

² Выставка «НЕНАВСЕГДА. 1968-1985» // <https://www.tretyakovgallery.ru/exhibitions/nenavsegda-1968-1985/> (дата обращения: 22.03.2021г.)

³ Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 26.03.2021г.)

⁴ Паспорт национального проекта "Культура" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)) // <https://base.garant.ru/72185936/> (дата обращения: 26.03.2021г.)

Национальный проект «Культура» состоит из трех блоков, которые заключаются в следующем, а именно: «Федеральная программа «Культурная среда» – направлена на улучшение качества услуг в области культурных центров и их развития, где спектр действия затрагивает все субъекты, которые находятся в составе Российской Федерации; Федеральная программа «Творческие люди» – затрагивает аспекты существующего провала в развитии таких вопросов, как национальные традиции, патриотизм, на основании чего и была создана поддержка со стороны государства, направленная на некоммерческие общественные организации, деятельность которых связана с предоставлением услуг в виде культурных учреждений; Федеральная программа «Цифровая культура» – отвечает за качество и внедрение в сферу культуры цифровизации.

Главная задача, которая стоит перед государством, это охрана объектов культурного наследия, которые относятся как к движимым объектам, так и к недвижимым. Их сохранение требует глубоких технических, юридических и других знаний [6, с. 15].

Исторический опыт становления и развития определения такого понятия, как «книжные памятники», впервые появился в России 3.06.2009 г. № 119 в виде Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 29.12.1994 г. № 78 «О библиотечном деле»¹, где были выделено из общего понятия «Памятники истории и культуры».

Вместе с этим была разработана отдельная статья 16.1 «Книжные памятники» в Федеральном законе от 29.12.1994 г. № 78 «О библиотечном деле»², в которой прописана форма регистрации книжных памятников, её порядок, и дано определение, что относится к книжным памятникам.

Важно также отметить действие Федерального закона от 22.10.2004 г. № 125 (ред. от 08.12.2020 г.) «Об архивном деле в Российской Федерации», который регламентирует работу, связанную с архивной деятельностью. В качестве примера можно привести ч. 1 ст. 24 «Доступ к архивным документам»³, где в первоначальной редакции было прописано, что читатель имеет право на беспрепятственный доступ к поиску архивных документов, где данный доступ осуществляется с помощью справочно-поисковых средств, а в действующей редакции отсутствуют данные поисковые средства.

Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 г. № 54⁴ регулирует деятельность, связанную с регистрацией в государственном каталоге музейных предметов.

В Российской государственной библиотеке хранятся издания XX в., имеющие отношение к военно-историческому исследованию по теме «Опыт психологической лаборатории при Академии Генерального штаба РККА», в связи с чем 09.02.2021 г.⁵ была организована экспозиция результатов научной работы академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, а также основных источников, лежащих в основе этих исследований, имеющих непосредственное отношение к указанной теме и отсутствующих в библиотечном хранилище академии. На основании этого в последующем был заключен договор между Федеральным государственным учреждением «Российская государственная библиотека» и Федеральным государственным казенным военно-образовательным учреждением высшего образования «Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации», где

¹ Федеральный закон от 03.06.2009 г., № 119 «О внесении изменений в Федеральный закон от 29.12.1994 г., № 78 «О библиотечном деле» // https://base.garant.ru/195706/#block_7 (дата обращения: 26.03.2021 г.)

² Федеральный закон от 29.12.1994 г. № 78 «О библиотечном деле» (с изменениями и дополнениями), ст. 16.1. «Книжные памятники» // <https://base.garant.ru/103585/4937220ae6cef91cd7865edfe9b471d0/> (дата обращения: 26.03.2021 г.)

³ Федеральный закон от 22.10.2004 г. № 125 (ред. от 08.12.2020 г.) «Об архивном деле в Российской Федерации», ч. 1 ст. 24 «Доступ к архивным документам» // <https://base.garant.ru/12137300/7b14d2c2dfc862f67bd2c3471bf87b3f/> (дата обращения: 29.03.2021 г.)

⁴ Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 г. № 54 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения: 29.03.2021 г.)

⁵ Выставка «Организационно-мобилизационный сбор руководящего состава Вооруженных Сил Российской Федерации» // <https://vagsh.mil.ru/Media> (дата обращения: 31.03.2021 г.)

предметом настоящего договора было безвозмездное предоставление на срок проведения выставки следующих экспонатов: «Опыт психологической работы в военной академии РККА // СССР. Военная академия РККА. М., 1925»; «Брусилловский Л.Я. Землетрясение в Крыму и невропсихический травматизм. М.: Издательство Наркомздрава РСФСР, 1928 и т.д.».

Разумеется, организационно-правовая деятельность библиотек России затрагивает культурно-просветительные аспекты, которые выражаются в виде выставок, в том числе договоров и соглашений по предоставлению на безвозмездной основе различных документов и источников из библиотечных фондов для образовательного просвещения населения.

Проведя сравнительно правовой анализ истории становления правового обеспечения деятельности библиотек России с 1990-х годов, мы видим, что постепенно улучшалась и становилась более обширнее библиотечная сфера, а также были разработаны различные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность библиотек России, которые направлены на эффективное развитие в эпоху цифровизации информационно-технической базы библиотек и их фондов.

Организационное воздействие, направленное на реализацию принципа интеграции в процессе формирования фонда, относится к факторам развития фондов [7, с. 19].

В связи с тем, что в мире библиотечная область является информационным средством, на основании этого более остро со своей стороны она воспринимает все изменения, которые затрагивают деятельность библиотек в глобальном информационном масштабе.

Библиотека выступает как институт по предоставлению первых источников, которые относятся к книжным памятникам, а также отвечает за отбор объектов культурного наследия, их учёт и хранение.

В условиях действующей обстановки на территории Российской Федерации, а также в мировом сообществе по распространению новой коронавирусной инфекции, свои коррективы в деятельность библиотек России внесла цифровизация, а именно получила внедрение практика работы библиотек в онлайн режиме с удаленным доступом со стороны пользователей, что на сегодняшний день является востребованным и имеет перспективы для дальнейшего развития.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день данная тема исследования является актуальной, поскольку существует ряд проблем, действие которых негативно сказывается на организационно-правовом регулировании деятельности библиотек России. Это касается отсутствия необходимого финансирования со стороны органов государственной власти для надлежащей эксплуатации находящихся на балансе у библиотечных фондов объектов культурного наследия, а также для качественного обеспечения нужд деятельности библиотек России. Ответственность за охрану объектов культурного наследия несёт непосредственно государство для того, чтобы сохранить историю для будущих поколений.

Литература

1. *Фирсов В.Р.* Регулирование деятельности библиотек на основе законодательства в области библиотечного дела. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. СПб., 2000. 32 с.
2. *Дуда В.В.* Информационное обеспечение процесса реализации основ государственной культурной политики // Культурное наследие России Учредители: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. М., 2015. С. 57–59.
3. *Сомова М.С.* Политика Российской Федерации в области художественной культуры в 1992–2000 годы: особенности, основные направления пути реализации Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011. 25 с.
4. *Столяров Ю.Н.* Как сохранить библиотечный фонд: секреты старого книгохранителя. Учебно-методическое пособие. 2-е изд., дораб., и доп. М.: Издательство ИПО Профиздат, Издательство МГУКИ, 2001. 256 с.
5. *Лакизо И.Г.* Развитие фондов академических библиотек России в условиях трансформации информационного пространства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. СПб., 2019. 24 с.

Novikova Anastasia Anatolyevna, Postgraduate student of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) (2, building 1, Azovskaya Str., Moscow, 117638, Russian Federation). E-mail: nowikowa.anastasija111@yandex.ru

**FEATURES OF LEGAL SUPPORT FOR THE ACTIVITIES
OF LIBRARIES OF RUSSIA SINCE 1990**

Abstract

This work provides a historical and legal analysis of the development and formation of the first-class support for the activities of Libraries of Russia, taking into account the peculiarities of libraries of Russia related to organizational legal activities in the post-Soviet period since 1990.

Keywords: *historical and legal experience, libraries of Russia, legal support, state, law, normative legal acts, laws.*

References

1. Firsov V.R. Regulirovanie deyatel'nosti bibliotek na osnove zakonodatel'stva v oblasti bibliotchnogo dela. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora pedagogicheskikh nauk. SPb., 2000. 32 p.
2. Duda V.V. Informacionnoe obespechenie processa realizacii osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki // Kul'turnoe nasledie Rossii Uchrediteli: Rossijskij nauchno-issledovatel'skij institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya im. D.S. Lihacheva. M., 2015. P. 57–59.
3. Somova M.S. Politika Rossijskoj Federacii v oblasti hudozhestvennoj kul'tury v 1992-2000 gody: osobennosti, osnovnye napravleniya puti realizacii Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. M., 2011. 25 p.
4. Stolyarov YU.N. Kak sohranit' bibliotchnyj fond: sekrety starogo knigohranitelya. Uchebno-metodicheskoe posobie. 2-e izd., dorab., i dop. M.: Izdatel'stvo IPO Profizdat, Izdatel'stvo MGUKI, 2001. 256 p.
5. Lakizo I.G. Razvitie fondov akademicheskikh bibliotek Rossii v usloviyah transformacii informacionnogo prostranstva. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. SPb., 2019. 24 p.

НОВЕЛЛЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ МОДИФИКАЦИИ НОРМ VI РАЗДЕЛА ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ ГК РФ

Волова Заслуженный работник высшей школы РФ,
Лариса доктор юридических наук, профессор кафедры международного
Ивановна права, Южный федеральный университет
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88).
E-mail: volova-li@yandex.ru

Аннотация

В данной статье автором рассматриваются важные проблемные вопросы, касающиеся новых правил коллизионного регулирования трансграничных обязательственных отношений. В ней исследуются результаты реформы статей 2009–2018 VI раздела третьей части ГК РФ, регламентирующих трансграничные обязательственные правоотношения. Дана авторская оценка новелл, внесенных в российское законодательство на основе учета опыта зарубежных стран и судебной практики. Показаны преимущества теории «решающего исполнения», «близкого права», а также новых подходов к разграничению сфер обязательственного и вещного статута при регулировании перехода права собственности по трансграничным сделкам.

Ключевые слова: реформа договорного права, договорный статут, теория характерного исполнения, принцип автономии воли сторон, принцип наиболее тесной связи.

Российский законодатель в процессе модификации статей ГК РФ на основе Федерального закона «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» № 260-ФЗ от 30 сентября 2013 г. внес целый ряд новелл и серьезных поправок к нормам, регламентирующим трансграничные договорные отношения.

Положительным итогом реформирования стало определение в специальной статье 1215 ГК РФ сферы действия обязательственного статута, ранее не устанавливаемого в законодательстве. Восполняя пробел, имевший место в договорном праве, эта статья включила перечень вопросов, определяющих сферу действия права, подлежащего применению к договору: толкование договора, определение прав и обязанностей сторон договора, исполнение договора, последствия неисполнения или ненадлежащего его исполнения, прекращение договора, последствия его недействительности.

Но главное достижение состоит в том, что в статье уточнены положения, касающиеся конкуренции вещного и обязательственного статута и действие её распространяется только на отношения, по которым правила о применимом праве предусмотрены в ст. ст. 1210-1214 и ст.1216 ГК РФ.

Как следует из этого, право, избранное сторонами или определенное судьей для регулирования договорных отношений, не будет охватывать своим действием все без исключения аспекты, касающиеся данного договора. Особое значение имеет новый п. 2 ст. 1215 ГК РФ, предусматривающий, что сфера действия обязательственного статута не затрагивает применение специальных коллизионных норм, которые по отдельным вопросам могут предусматривать применение права другой страны.

Рамками обязательственного статута не охватывается регулирование вопросов правоспособности и дееспособности сторон по договору, добровольного представительства, а также формы и содержания доверенности на совершение договора, которые решаются

на основании избранного сторонами права с использованием установленных законодательством коллизионных привязок.

В рассматриваемом пункте приведен неисчерпывающий перечень других видов статутов: личный статут юридического лица (п. 2 ст. 1202 ГК РФ); вещный статут (новая ст. 1205.1); статут добровольного представительства (п. 5 ст. 1217.1), определяющих право, подлежащее применению не к договорам, а к иным конкурирующим отношениям.

Неурегулированными в ГК РФ остались вопросы о применимом праве к заключению договора, к признанию существования самого договора, к установлению недействительности договора, тем самым законодатель оставил их решение на усмотрение суда.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что большинство судей и арбитров применяют к решению вопросов заключения договоров право, применимое к самому договору. Такое решение следует признать правильным, оно полностью соответствует п. 1 ст. 11 Регламента ЕС 2008 г. (Рим I), в котором говорится, что в тех случаях, когда представители сторон в момент заключения контракта находятся в одной и той же стране, договор считается заключенным в надлежащей форме, если в отношении его оформления соблюдены требования права, применимого к существу самого договора. Такой подход в основном поддерживается российскими учеными, очень четко его отразил проф. Канашевский В.А., подтвердив, что право, применимое к договору должно применяться и к вопросам его заключения [1, с. 401].

Следует коснуться еще одного важного аспекта рассматриваемой проблемы. Так, в соответствии со ст. 1215 ГК РФ обязательственным статутом регулируются лишь последствия недействительности договора, а не основания его недействительности, из чего следует, что право, применимое к признанию сделки недействительной, не может определяться обязательственным статутом, а должно устанавливаться специальными нормами, предусматривающими основания для признания сделок недействительными [2, с. 70-72].

В случае применения российского права для признания сделки недействительной вследствие порока воли какой-либо стороны должны применяться соответствующие статьи ГК РФ (ст. 170, ст. 178).

Вопрос о том, обладал ли субъект сделки правоспособностью на ее заключение, решается его личным статутом. На практике сделки чаще всего признаются недействительными именно потому, что какая-либо ее сторона в момент заключения договора не обладала правоспособностью либо дееспособностью на совершение такого действия. Признание судом сделки недействительной вследствие несоблюдения формы чаще всего осуществляется по праву страны места заключения сделки.

В ситуации признания сделки недействительной в связи с пороком ее содержания применимое право определяется обязательственным статутом, но при соблюдении императивных норм права той страны, с которой данное правоотношение наиболее тесно связано. Поскольку в российском законодательстве перечень вопросов, регулируемых обязательственным статутом, остается открытым, проф. Розенберг М.Г. предлагает включить в обязательственный статут положение об определении момента перехода риска случайной гибели или случайного повреждения имущества правом, подлежащим применению к договору [3, с. 17]. Включение этого пункта привело бы к большей определенности правового регулирования конкурирующих аспектов обязательственного и вещного статутов.

Еще один вопрос решается по-разному в различных юрисдикциях. Страны европейской правовой системы включают институт исковой давности в сферу регулирования обязательственного статута, в отличие от этого страны англо-американской правовой системы поступают иначе, поскольку институт исковой давности включается в их законодательстве не в систему обязательственного права, а в систему процессуального права.

В развитие российского договорного права применительно к обязательственному статусу в ГК РФ были добавлены нормы о праве, подлежащем применению к договорам в отношении недвижимого имущества, к потребительским договорам, к договорам в отношении прав на объекты интеллектуальной собственности.

Одобрение специалистов вызывает обновление законодателем норм ГК РФ, позволившим разрешать особо сложные и по разному трактуемые вопросы, часто встречающиеся в практике действия трансграничных договорных отношений, так в новой редакции статья 1216 ГК РФ дает возможность установить право, применимое к уступке требования по праву, подлежащему применению к самому договору (*lex causae*).

Легальное закрепление коллизионной привязки – «закон, относящийся ко всему правоотношению» (*lex causae*) к определению права по регулированию ряда трансграничных договорных отношений стало положительным итогом реформирования ГК РФ.

Подтверждением этому является содержание статьи 1218 ГК РФ, согласно которому основания взимания, порядок исчисления и размер процентов по денежным обязательствам определяются по праву страны, подлежащему применению к соответствующему обязательству, что позволяет, по нашему мнению, обеспечить единый подход к регулированию всего комплекса договорных отношений.

Достижение определенности правового регулирования в ходе реформы было достигнуто в том числе и потому, что разработчики кодекса использовали в ходе ее осуществления подходы и формулировки Римской конвенции ЕС «О праве, применимом к договорным обязательствам» (Рим I) 1980 г., Регламента ЕС № 593 «О праве, применимом к контрактным обязательствам» 2008 г. (Рим I) и Гаагских принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах 2015 г.¹

Представляя собой модельный правовой акт, Гаагские принципы подтвердили признанную специалистами разных стран тенденцию в сфере правового регулирования трансграничных договорных отношений, отличающуюся значительной активизацией использования принципа автономии воли сторон субъектами коммерческих отношений разных стран [4, с. 972-973; 5, с. 235-236].

Высоко оценивая демократический характер коллизионного принципа автономии воли сторон, Комиссия ООН по праву международной торговли рекомендовала судебным органам использовать в своей практике данный документ для целей толкования норм международного договорного права². Для увеличения случаев применения принципа автономии воли сторон особую значимость представляет ст. 2 (4) Гаагских принципов 2015 г., в соответствии с которой при выборе сторонами применимого права к договору не требуется наличия какой-либо связи между избранным правом и сторонами или избранным правом и договором.

Из указанных актов, пользующихся поддержкой государств Россией, была воспринята и реализована весьма удачная модель коллизионного регулирования трансграничных договорных отношений сторон, основанная на использовании теории наиболее «близкого права», под которым для большинства договоров признается право, избранное сторонами и право стороны, чье исполнение имеет решающее значение для содержания договора.

Приоритетными целями внесения поправок в ГК РФ являлись значительное увеличение оснований для применения коллизионного принципа автономии воли сторон, расширение круга отношений, напрямую регулируемых новыми общими и специальными, коллизионными нормами, что ограничивает необходимость обращения судов и арбитражей к применению права на основе коллизионного принципа наиболее тесной связи.

Кроме включения новых норм в процессе модификации ГК РФ была произведена коррекция формулировок ряда норм не только для достижения большей их определенности при регулировании трансграничных договорных отношений, но и для улучшения юридической техники изложения их содержания.

¹ *Magnus U., Mankowsky P.* (eds). Rome I Regulation (European Commentaries on Private International Law Series)/ Sellier European Law Publishers, 2013.; Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts, approved on 19.03.2015. Дата обращения 05.09.2020 <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf>.

² (Report of the United Nations Commission on International Trade Law (Forty-eight session: 29 June – 16 July 2015). Vienna: United Nations, 2015. Дата обращения: 5 сентября 2020. https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/17).

Содержащая ряд новелл статья 1210 ГК РФ предоставляет сторонам возможность самим определять применимое к договору право в соответствии с закрепленной в ней подробной регламентацией механизма выбора сторонами такого права. Стороны договора не только при его заключении, но и в последующем вправе выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору.

Особую важность для сторон имеет норма о том, что выбор сторонами подлежащего применению права, сделанный после заключения договора, приобретает обратную силу и считается юридически действительным. Последовательность применения коллизионных принципов такова: коллизионное правило решающего исполнения используется лишь в том случае, если стороны не выбрали право к договору.

Необходимо при этом согласиться с теми авторами, которые полагают, что выбор сторонами договора права того государства, которое ограничивает рамки его применения определенным периодом времени, не допустим. [6, р. 51-52]

Именно поэтому большинство авторов считают, что нельзя исключать в будущем возможность изменения сторонами избранного права и это правильный подход. [7, р. 63] В плане либерализации принципа автономии воли сторон предусмотрено также именуемое некоторыми авторами «деление договора», означающее, что его стороны вправе выбрать право не только ко всему договору, но и к его составным частям (п. 4 ст. 1210 ГК РФ). Специалистами в области МЧП данная ситуация квалифицируется также как расщепление договорного статута.

Чаще всего случаи выбора сторонами применимого права к отдельным частям договоров встречаются в практике исполнения договора подряда на территориях разных стран. Норма о возможности выбора участниками договорных отношений права для отдельных частей договора содержится во многих национальных кодификационных актах в области МЧП. При этом должно соблюдаться правило, требующее от сторон конкретизировать, к какой части договора применяется то или иное избранное право, а второе правило предписывает, чтобы избранные сторонами договора правопорядки были юридически совместимыми друг с другом. По этому поводу Верховный суд РФ указал, что выбор права к различным частям договора допустим при условии, что применение различных правовых систем не порождает непреодолимых противоречий и не влечет признания договора или его части недействительными или незаключенными¹.

Суды чаще всего сталкиваются с расщеплением договорного статута при разрешении споров, связанных с концессионными договорами, с договорами строительного подряда и с договорами финансирования проектов.

Следует иметь в виду и учитывать, что при одновременном применении к частям договора права нескольких государств увеличивается риск появления трудностей в регулировании отношений сторон из-за несоответствия правовых норм разных государств, что может повлечь за собой непризнание судом законности соглашения о выборе сторонами именно этих правовых систем для данного договора.

В рамках договорного статута для практики применения норм о трансграничных договорах особое значение имеет новая формулировка статьи 1209 ГК РФ, содержащая весьма либеральные правила, в соответствии с которыми теперь право, подлежащее применению к форме трансграничных сделок может определяться и общей и специальными нормами, при этом согласно общей норме право, применимое к форме такой сделки, может быть установлено правом, применимым к существу правоотношения, т.е. к самой сделке (*lex causae*).

После модификации особое значение придается специальным коллизионным нормам, так именно ими теперь регулируется и определение права, подлежащего применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестной конкуренции и вследствие неосновательного обогащения.

¹ П. 29 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О применении норм МЧП судами РФ» от 09.07.2019 № 24.

В качестве признанной общей коллизионной нормы по регулированию трансграничных договорных отношений в ГК РФ была закреплена коллизионная привязка – «закон страны продавца», широко используемая в странах европейской правовой системы (ст. 1211 ГК РФ).

Принципиальное значение имеет то, что данная коллизионная норма расщепляется (разделяется) на 18 специальных коллизионных привязок, ввиду значительной изолированности рамок их применения, каждая из них определяет право, применимое к конкретному виду договора. Полагаем, что по указанной причине договорный статут в будущем будет расщепляться еще в большей степени [8, с. 4].

Для правоприменителей важен факт, что нормы об использовании конкретных коллизионных привязок к разным видам договоров имеют сугубо диспозитивный характер и подлежат применению только в случае, если стороны не выбрали соответствующее право. Законодательное закрепление четких коллизионных привязок к каждому конкретному трансграничному договору должно повысить качество правоприменения и тем самым несколько ограничить использование судами коллизионного принципа наиболее тесной связи, правоотношения с правовой системой страны.

Отказ суда от применения коллизионных правил, содержащихся в п.п. 1-8 ст. 1211 ГК РФ должен стать достаточно редким случаем и при условии, что судья (арбитр) в своем решении даст обоснование того, что из закона, условий или существа договора следует, что договорное правоотношение более тесно связано с правом другой страны. Этот вывод должен быть обоснован и подтвержден убедительными фактами.

Введенные в статью 1211 ГК РФ коллизионные привязки основаны на широко используемой в праве ЕС теории характерного исполнения, согласно которой подлежит применению право страны, в которой находится место жительства или основное место деятельности стороны, осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора на момент его заключения.

Тем более, что в ГК РФ внесены изменения, уточняющие критерии для определения судам права страны, с которой определенные договоры имеют наиболее тесную связь, так, например, наиболее тесно связанной с договором коммерческой концессии признается страна, на территории которой пользователю разрешено использовать комплекс исключительных прав, принадлежащих правообладателю.

Облегчит работу судьи также, признание в ГК РФ конкретного правила, согласно которому действие принципа наиболее тесной связи распространяется на обязательства, возникающие из односторонних сделок (ст. 1217 ГК РФ), в этом случае им будет взято во внимание место жительства или основное место деятельности стороны, принимающей на себя обязательства по односторонней сделке. Эти критерии некоторыми авторами именуется презумпциями наиболее тесной связи с конкретным государством, право которого должно применяться.

В силу особенностей предмета сделки специального коллизионного регулирования потребовали договоры в отношении недвижимого имущества, суть которого состоит в том, что при отсутствии соглашения о выборе сторонами права действует правило, согласно которому к договору применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан, а таким правом в данном случае признается право страны, на территории которой данное недвижимое имущество находится.

Можно сделать вывод о том, что введение принципа применения права той страны, с которой то или иное отношение наиболее тесно связано, является ярким примером утверждения в МЧП гибких принципов определения применимого права. Следует согласиться с Е.В. Кабатовой в том, что принцип наиболее тесной связи выступает скорее как общий принцип, а не как результат применения коллизионной нормы, ибо здесь отсутствует указание на конкретную правовую систему, которая должна быть определена судом или арбитражем при рассмотрении конкретного спора. Ею акцент делается на том, что нахождение тесной связи представляет собой не результат применения конкретной нормы, а итог использования общего принципа [8, с. 8-9].

Такой вывод данного автора очень важен в связи с тем, что сейчас специалисты в области международного частного права обсуждают вопрос о системе принципов этой отрасли права и выявляют различные мнения по этой проблеме. Для ожидаемой комплексной кодификации норм международного частного права это требуется в первую очередь. Следует иметь в виду, что поскольку место жительства или основное место деятельности стороны, осуществляющей характерное исполнение, определяется на момент заключения договора, то, если в последующем данное место изменится, это не должно повлиять на применимое к договору право [9, с. 125-126].

Такой подход желательно применять и при толковании других норм ст. 1211 ГК РФ, в которых используются привязки к месту жительства или основному месту деятельности стороны по договору, поскольку он обусловлен намерением законодателя не допустить последующего изменения договорного статута, так как это может быть неприемлемо для какой-либо стороны договора.

Для правоприменителя имеет значение тот факт, что использование закрепленного в п. 9 ст. 1211 ГК РФ правила наиболее тесной связи отменяет действие коллизионного принципа характерного исполнения. Согласно нормам права действие закона наиболее тесной связи не распространяется на договоры с участием потребителя и договоры о создании юридического лица с участием иностранных лиц.

В заключение необходимо сформулировать выводы.

Правовое регулирование трансграничных договорных отношений занимает весьма важное место в международном частном праве, что обусловлено активизацией коммерческого оборота с участием иностранных лиц.

После модификации российское право позволяет обеспечить более полное и свободное волеизъявление сторон договора по выбору применимого права, что будет содействовать исполнению ими договорных обязательств и справедливому для них разрешению спорных проблем. По нашему мнению, совершенствованию процесса регулирования трансграничных договорных отношений способствовало бы включение в перечень направлений действия права, подлежащего применению к трансграничным договорам пунктов, касающихся заключения договора, существования договора и недействительности договора ввиду того, что в настоящее время в статье 1215 ГК РФ они отсутствуют.

Все вышеизложенное подтверждает, что Россия подготовилась к комплексной полномасштабной кодификации норм международного частного права.

Литература

1. *Канашевский В.А.* Международное частное право. Учебник. Четвертое издание. М.: Международные отношения, 2019. 1059 с.
2. *Бардина М.П.* Некоторые аспекты проблемы недействительности внешнеэкономических сделок (отсутствие правоспособности и превышение полномочий) // Международное частное право:... Сб. статей / Под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. М., 2000. 125 с.
3. *Розенберг М.Г.* Международный договор и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда. М.: Статут, 1998. 211 с.
4. *Новикова Т.В.* Договор международной купли-продажи товаров: Принцип автономии воли сторон в документах Гаагской конференции по международному частному праву // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 11(4). С. 972–992.
5. *Симатова Е.Л.* Проект Гаагских принципов выбора права в международных коммерческих договорах как отражение тенденции расширения сферы действия принципа автономии воли сторон в международном частном праве / Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе. Под ред. Александра В. Герасимова, Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. 260 с.
6. *Frick J.G.* Arbitration and Complex International Contracts. Kluwer Law Int'l. The Hague, 2001, 260 p.
7. *Nygh P.* Autonomy in International Contracts. Oxford; Clarendon Press. 1999. 250 p.

8. *Кабатова Е.В.* Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве / Богуславский М.М., Светланов А.Г. (ред.). Международное частное право: современная практика: сб. статей. М., 2000. 175 с.
9. *Weintraub R.* Commentary on the Conflict of Laws. 3rd ed. N.Y., 1986. 375 p.

Volova Larisa Ivanovna, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law, Southern Federal University (88, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: volova-li@yandex.ru

NOVELTIES OF CONFLICT-OF-LAWS REGULATION OF CROSS-BORDER CONTRACTUAL RELATIONS AFTER THE MODIFICATION OF THE NORMS OF SECTION VI OF THE THIRD PART OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

In this article, the author considers important problematic issues related to the new rules of conflict-of-laws regulation of cross-border contractual relations. It examines the results of the reform of articles 2009-2018 of the VI section of the third part of the Civil Code of the Russian Federation regulating cross-border legal relations of obligations. The author's assessment of the novelties introduced into the Russian legislation on the basis of the experience of foreign countries and judicial practice is given. The advantages of the theory of "decisive execution", "close law", as well as new approaches to the differentiation of the spheres of the statutes of obligations and property in the regulation of the transfer of property rights in cross-border transactions are shown.

Keywords: *reform of contract law, treaty statute, theory of characteristic execution, the principle of autonomy of the will of the parties, the principle of the closest connection.*

References

1. Kanashevskij V.A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Uchebnik. CHetvertoe izdanie. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. 1059 p.
2. Bardina M.P. Nekotorye aspekty problemy nedejstvitel'nosti vneshneekonomicheskikh sdelok (otsutstvie pravospособnosti i prevyshenie polnomochij) // Mezhdunarodnoe chastnoe pravo:... Sb. statej / Pod red. M.M. Boguslavskogo i A.G. Svetlanova. M., 2000. 125 p.
3. Rozenberg M.G. Mezhdunarodnyj dogovor i inostrannoe pravo v praktike Mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazhnogo suda. M.: Statut, 1998. 211 p.
4. Novikova T.V. Dogovor mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov: Princip avtonomii voli storon v dokumentah Gaagskoj konferencii po mezhdunarodnomu chastnomu pravu // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 11(4). P. 972–992.
5. Simatova E.L. Proekt Gaagskih principov vybora prava v mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorah kak otrazhenie tendencii rasshireniya sfery dejstviya principa avtonomii voli storon v mezhdunarodnom chastnom prave / Aktual'nye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i processa na sovremennom etape. Pod red. Aleksandra V. Gerasimova, Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2015. 260 p.
6. Frick J.G. Arbitration and Complex International Contracts. Kluuber Law Int'l. The Hague, 2001, 260 p.
7. Nygh P. Autonomy in International Contracts. Oxford; Clarendon Press.1999. 250 p.
8. Kabatova E.V. Izmenenie roli kollizionnogo metoda v mezhdunarodnom chastnom prave / Boguslavskij M.M., Svetlanov A.G. (red.). Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennaya praktika: sb. statej. M., 2000. 175 p.
9. Weintraub R. Commentary on the Conflict of Laws. 3rd ed. N.Y., 1986. 375 p.

ИСТОКИ ПРИЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ АВТОНОМИИ ВОЛИ КАК ПРИНЦИПА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Новикова Татьяна Васильевна кандидат юридических наук, доцент, декан факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет), доцент кафедры международного права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (350002, Россия, г. Краснодар, ул. им. Леваневского, 187/1).
E-mail: tnovikova@inbox.ru

Аннотация

В статье устанавливается, что советское коллизионное право (на базе ГПК РСФСР 1923 г.) демонстрирует преемственность дореволюционных подходов (закрепляя по сути идентичную коллизионную норму в процессуальном кодифицированном акте), признает автономию воли в международных договорах и арбитражной правоприменительной практике, хотя и исключительно во внешнеторговых отношениях. Обосновывается вывод, что признание автономии воли сторон внешнеторговых отношений даже в тот период, когда отечественное внутригосударственное право не допускает свободы договора, свидетельствует о самостоятельном характере возможности сторон частноправовых отношений с иностранным элементом избирать применимое материальное право и имманентном характере такой возможности, обусловленном природой самих отношений и их существованием в условиях коллизии порядков нескольких государств.

Ключевые слова: автономия воли, *lex voluntatis*, обязательственный статут, выбор применимого права, иммунитет государства, договорные правоотношения международного характера, внешнеторговый контракт, советская внешняя торговля, советское международное частное право.

Автономия воли, позволяющая сторонам частноправовых отношений международного характера – в условиях коллизии порядков нескольких государств – избрать применимое материальное право, составляет интереснейший правовой феномен. Эволюция данного принципа свидетельствует о его неуклонном развитии как в части предоставляемых сторонам возможностей (последующий выбор права, депеаж и др.), так и в части перечня правоотношений, в которых автономия воли получает свое распространение: от договорных в первый период развития до – в определенных пределах – деликтных, семейных и др. в современных условиях.

Настоящее исследование призвано восполнить пробел научного знания, существующий в области эволюции автономии воли сторон договорных правоотношений международного характера в советском международном частном праве. Историко-правовой анализ в данной области призван продемонстрировать, что автономия воли составляет правовую возможность, имманентно присущую субъектам частноправовых отношений международного характера. В условиях нацеленности международного частного права на опосредование отношений, осложненных иностранным элементом, автономия воли признается даже в те периоды, в которые в отечественном внутригосударственном праве отсутствует свобода договора.

В законодательстве советского периода заслуживает внимания ст. 7 Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР (далее – ГПК РСФСР), которая устанавливает: «При рассмотрении судом договоров и актов, совершенных за границей, принимаются во внимание законы, действующие в месте совершения договора или акта, если самые договоры или акты разрешены на основании законов и соглашений РСФСР с тем государством, в пределах которого они совершены»¹.

¹ Гражданский Процессуальный Кодекс РСФСР, введен в действие Постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478.

Изложенная норма отличается поразительным сходством с действовавшим в дореволюционный период положением ст. 707 Устава гражданского судопроизводства¹: она также закреплена в процессуальном кодифицированном акте (в данном случае – в его основных положениях – гл. I части первой), фиксирует привязку к закону места совершения сделки (принцип *lex loci contractus*) и не предусматривает права сторон самостоятельно избрать применимое к их отношениям материальное право. При этом в сложных условиях формирования советской правовой системы данная статья оперирует выражением «принимаются во внимание», что по общему признанию специалистов позволяет суду с учетом обстоятельств конкретного дела отказаться от применения иностранного закона, применив вместо него, в первую очередь, советский или даже иной, наиболее «привязанный» закон [1, с. 184-185]².

Что же касается автономии воли сторон обязательственных правоотношений международного характера, то первоначально советская юридическая литература высказывается в этом отношении весьма негативно. Так, И. С. Перетерский отмечает, что «у нас автономии сторон, в буржуазном смысле этого слова, не существует», и далее конкретизирует, что «в новой доктрине за сторонами это право (выбора применимого закона – Т. Н.) признается лишь в пределах законодательства места заключения договора» [2, с. 101-102], то есть по сути в рамках инкорпорации.

Более того, отдельные примеры учета воли сторон частноправовых отношений международного характера в правоприменительной практике также подвергаются критике. Например, представляет интерес фрагмент определения Верховного Суда УССР от 27 февраля 1928 г., в котором отмечается необходимость «остановиться на выяснении того, можно ли полагать, что истец, нанимаясь на иностранный пароход, тем самым согласился на все условия труда, установленные коллективным договором между пароходоладельцем и английским профсоюзом моряков»³. Комментируя данное определение, В. М. Корецкий подчеркивает, что Верховный Суд не дает прямого решения вопроса о том, на основании каких законов следует разрешить дело по существу, однако приведенный фрагмент указывает, по мнению автора, на «применение принципа автономии воли сторон» [3, с. 299]⁴.

В то же время, по мнению С. И. Раевича, «с приданием решающего значения соглашению или намерению сторон вряд ли можно согласиться, и здесь Верховный Суд УССР, вероятно, допустил необоснованный либерализм» [4, с. 170]. Однако, далее по тексту нетрудно заметить, что, именуя ориентировку на «волю» сторон «типично буржуазной установкой», ученый фактически критикует лишь те случаи, в которых соглашения *expressis verbis* не имеется и суд решает вопрос о применимом праве «по предполагаемой “воле” сторон» [4, с. 170].

¹ Указанная статья устанавливает: «Договоры и акты, совершенные за границу, обсуждаются на основании законов того государства, в пределах коего они совершены, и признаются действительными, если только заключающаяся в них сделка не противна общественному порядку и не воспрещается законами Империи» (Уставъ Гражданскаго Судопроизводства (изданіе 1892 г.) // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи / Составили Н. П. Балкановъ, С. С. Войтъ, В. Э. Герценбергъ, подъ редакціею и съ примѣчаніями И. Д. Мордухай-Болтовскаго. С.-Петербургъ: Русское Книжное Товарищество «Дѣятель», 1912. Томъ XVI. С. 113-324.).

² Примечательно, что гражданские процессуальные кодексы не всех республик в анализируемый период содержат формулировку «принимаются во внимание». Так, ст. 7 Гражданского процессуального кодекса Белорусской Советской Социалистической Республики устанавливает: «При разрешении споров, возникающих из договоров и актов, совершенных за границей, суд должен руководствоваться законами, действовавшими в месте и во время их совершения...» (Гражданский процессуальный кодекс БССР, введен в действие Постановлением III сессии ЦИК БССР от 26 июля 1923 г. // СУ БССР. 1923. № 13-14. Ст. 116).

³ Определение Верховного Суда УССР от 27 февраля 1928 г. по делу № 1476-28 г. («Каким судом и на основании каких законов разрешаются трудовые конфликты между владельцами иностранного парохода и работниками экипажа» // Вестник советской юстиции. 1928. № 7 (113). С. 224). Тем не менее, следует признать, что в качестве базового правила Верховный Суд УССР со ссылкой на ст. 7 ГПК указал, что «вообще договорные отношения регулируются законами того места, где договор заключен; но в зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть применен и закон того места, где договор осуществляется».

⁴ С. Б. Крылов также рассматривает анализируемый тезис как «признание принципа автономии воли сторон» [1, с. 186-187].

Кроме того, в этом случае важно учитывать особые идеологические условия существования советской юриспруденции. Так, в той же работе по вопросу коллизий в области обязательственного права в целом С.И. Раевич цитирует резолюцию пленума ЦК ВКП(б), согласно которой внешние хозяйственные связи СССР «представляют продолжение в экономической форме борьбы за самостоятельность ... советской системы в обстановке капиталистического окружения» [4, с. 169], а в другой работе по вопросу более общего характера рассматривает «международное частное право как орудие подготовки интервенции против СССР» [5, с. 189-197].

Вместе с тем, с течением времени отдельные авторы начинают занимать более сдержанную позицию по отношению к идее об автономии воли. В частности, Л.А. Лунц, освещая основные начала советского коллизионного права в 1946 г., указывает, что используемый буржуазной практикой «принцип договорной автономии» по существу не дает «критерия для разрешения коллизий и на практике приводит к значительной свободе судейского усмотрения», допуская однако, что советские сделки по внешней торговле могут быть подчинены иностранному праву, если таковое *expressis verbis* предусмотрено конкретной сделкой [6, с. 38]¹. При этом он же, уже в 1957 г. подводя некоторые итоги развития советской доктрины международного частного права, прямо заявляет, что «в советской доктрине и практике ... получил признание и применение ряд общих для многих стран начал международного частного права», в числе которых ученый называет и «закон, избранный участниками сделки» [7, с. 38].

Такая трансформация взглядов советской правовой науки в условиях того, что редакция положения ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. оставалась неизменной на протяжении всего анализируемого периода, была отчасти вызвана советской юридической практикой. При этом особое значение имели также онтологические факторы правообразования², характеризующие весь советский строй и в области обязательственных правоотношений ярко проявившиеся в государственной монополии внешней торговли.

Поскольку советские сделки по внешней торговле заключаются преимущественно торгпредствами и внешнеторговыми объединениями, правовой режим таких сделок характеризуется рядом специфических особенностей. Во-первых, первоначально внешнеторговые сделки заключаются за границей торгпредствами, которые являются государственными органами и в силу этого претендуют на иммунитет государства, включающий как судебный иммунитет, так и иммунитет от применения иностранного законодательства.

Примечательно, что в этот период положение об иммунитете государства от применения иностранного законодательства еще рассматривается как незыблемое. Так, в 1929 г. Постоянная палата международного правосудия в решениях по делам об оплате по различным сербским займам, выпущенным во Франции, и об оплате золотом по бразильским федеральным займам, выпущенным во Франции, выдвинуло идентичный тезис – суверенное государство «не может предполагаться подчинившим содержание своего долга и действительность принятых в его отношении обязательств какому-либо праву кроме собственного»³. И хотя в 1937 г., когда Палата Лордов в деле о займе, выпущенном Правительством Великобритании в США, постановила со ссылкой на намерение сторон о применении права США и подчеркнула, что общие коллизионные принципы применяются на равных основаниях к сделкам, стороной которых является государство, намечается отчетливая тенденция к отказу от иммунитета сделок государства, советская юридическая наука занимает в данном отношении строго консервативную

¹ В данной работе Л.А. Лунц подчеркивает, что по общему правилу «значительная часть сделок по внешней торговле заключается в СССР и подчинена действию советского права»; и даже признавая в качестве исключения возможность избрания применимого права сторонами сделки, автор указывает, что «презумпция – всегда в пользу применения советского права» [6, с. 38].

² Значимость онтологических факторов через призму исторических начал частного права, составляющих «“первоначала” права, его “первоистоки”, “порождающую стихию”, “порождающие силы”», убедительно обоснована Н.П. Асланян [8, с. 33; 9, с. 11].

³ Case concerning the Payment of Various Serbian Loans issued in France, Permanent Court of International Justice, Judgement No. 14 of 12 July 1929 // Publications of the Permanent Court of International Justice. Series A. Nos. 20/21. P. 42; Case concerning the Payment in Gold of Brazilian Federal Loans issued in France, Permanent Court of International Justice, Judgement No. 15 of 12 July 1929 // Publications of the Permanent Court of International Justice. Series A. Nos. 20/21. P. 121.

позицию¹. В частности, Л.А. Лунц прямо заявляет: «Мы по-прежнему исходим из того, что Советскому государству и его органам принадлежат все виды иммунитетов» [10, с. 229]².

Во-вторых, поскольку иммунитет торгпредств как органов государства ставит контрагентов по их внешнеторговым сделкам в рисковое положение, связанное как с вопросами юрисдикции, так и с вопросами применимого права, в данный период «в целях обеспечения экономического сотрудничества с иностранными государствами» СССР заключает ряд международных договоров, содержащих изъятия из принципа об иммунитете иностранного государства [10, с. 229].

С правовой точки зрения указанные изъятия характеризуются двумя важными особенностями. Во-первых, они рассматриваются как исключение, «которое добровольное сделано ... в целях облегчения ведения операций по внешней торговле» и которое в силу строго ограничительного толкования не может отменять общего правила об иммунитете иностранного государства [11, с. 121]. Во-вторых, такие изъятия по общему признанию специалистов носят диспозитивный характер, то есть «действуют ... постольку, поскольку иное не предусмотрено в отдельных контрактах» [10, с. 231]³.

При этом особенно важно, что возможность предусмотреть иное в контракте признается за сторонами даже в тех случаях, когда о ней не упоминается в положениях международного договора. Так, п. 6 ст. 5 Временного торгового соглашения между СССР и Великобританией от 16 февраля 1934 г. предусматривает: «Всякие вопросы, могущие возникнуть в отношении любой сделки, заключенной в Соединенном Королевстве..., будут разрешаться судами Соединенного Королевства соответственно с законами последнего»⁴. Касательно этой нормы Л. А. Лунц прямо заявляет: «Не подлежит сомнению, что торгпредство СССР в Лондоне может заключить договор с британской фирмой на условиях подчинения ... советской юрисдикции и советским законам» [10, с. 231-232].

Заслуживает внимания мотивация допустимости отступления от положения международного договора по соглашению сторон. В частности, И.С. Перетерский и С.Б. Крылов рассматривают автономию воли как принцип буржуазного права, а установленную международным договором отсылку к иностранному (буржуазному) праву как отсылку не только к материальным, но и к его коллизионным нормам, включая, следовательно, и допускаемую буржуазными правовыми порядками автономию воли [11, с. 121]. В этом отношении авторы пишут: «Торгпредство, несомненно, не может быть лишено тех правомочий, которые предоставляются законом страны пребывания торгпредства лицам, заключающим сделки в данной стране» [11, с. 121].

Напротив, Л. А. Лунц обоснованно рассматривает само положение международного договора как диспозитивное, а о договорной автономии пишет как о начале, из которого «все без исключения государства исходят в своем коллизионном праве» [10, с. 231]. Полагаем, что И. С. Перетерский и С. Б. Крылов создают в этом случае искусственную конструкцию отсылки к коллизионным нормам иностранного государства в силу нежелания признавать тот факт, что советское государство исходит в своей внешней торговле из «буржуазного» принципа автономии воли, в то время как фактически именно это и происходит.

Последующая практика заключения анализируемых международных договоров убедительно демонстрирует, что положения, подчиняющие советские торговые сделки юрисдикции

¹ Rex v. International Trustee for the Protection of Bondholders Aktiengesellschaft, United Kingdom House of Lords of 15 March 1937 // Annual Digest and Reports of Public International Law Cases 1935-1937. International Law Reports. Vol. 8. Reprinted ed. Cambridge: Grotius Publications Ltd. P. 13-16. Примечательно, что в этом деле Палата Лордов также заявила: «Не существовало правила, что в данном случае (когда стороной сделки является суверенное государство – Т. Н.) должен следовать вывод о том, что собственное право государства подлежит применению».

² При этом в отношении указанной позиции Палаты Лордов и ряда аналогичных дел ученый пишет: «Нет оснований считать, что судебная практика ряда капиталистических стран, направленная на отказ от коллизионных принципов, вытекающих из начала независимости государств, в чем либо колеблет действие этих начал» [10, с. 229].

³ Того же мнения по существу, но несколько с другой аргументацией придерживаются И.С. Перетерский и С.Б. Крылов [11, с. 121].

⁴ Временное торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией от 16 февраля 1934 г. (г. Лондон) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1934. Отд. II. № 15. Ст. 1367.

иностранных судов и иностранному законодательству, по общему правилу дополняются указанием на возможность предусмотреть иное в условиях конкретной сделки. Например, ст. 2 Приложения к Торговому договору между СССР и Китаем от 16 июня 1939 г. «О правовом положении Торгового Представительства СССР в Китайской Республике» устанавливает, что «все торговые сделки, заключенные или гарантированные Торговым Представительством СССР в Китае на территории Китайской Республики, подчиняются китайскому законодательству и подлежат компетенции китайских судов, если только законы Китайской Республики или условия в отдельных сделках не предусматривают иного»¹.

Аналогичные по содержанию формулировки содержатся в приложениях о правовом положении торговых представительств СССР к договорам о торговле и мореплавании, которые были заключены СССР с рядом стран: Данией (1946 г.)², Венгерской Республикой (1947 г.)³, Чехословацкой Республикой (1947 г.)⁴, Итальянской Республикой (1948 г.)⁵ и др.

Наконец, следует указать, что с 1935 г., когда Наркомвнешторгу было разрешено «предоставлять входящим в его систему ... объединениям заключать ... внешнеторговые сделки с иностранными фирмами как на территории СССР, так и за границей»⁶, было фактически перенесено в СССР место заключения большинства советских сделок по внешней торговле [11, с. 115-116].

При рассмотрении споров, вытекающих из таких сделок, советскими судами к ним в силу ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. (или аналогичной нормы ГПК иных республик) должно применяться советское право как право места совершения сделки. В этом отношении И.С. Перетерский и С.Б. Крылов, допуская возможность включения во внешнеторговую сделку оговорки о применении советского права, справедливо уточняют, что в случае заключения сделки в СССР такая оговорка «лишь констатирует существующее положение», так как и при ее отсутствии «применение ... советского права представляется бесспорным» [11, с. 119-120]. При этом Л.А. Лунц идет дальше и допускает даже для заключенных в СССР сделок избрание иностранного закона или иностранной юрисдикции [10, с. 227]⁷.

В завершение анализа автономии воли в советском международном частном праве данного периода следует указать, что наиболее успешную реализацию она получила в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии, которая была создана в 1932 г. при Всесоюзной торговой палате «для разрешения в порядке арбитражного разбирательства споров, возникающих из сделок по внешней торговле»⁸.

В частности, Л.А. Лунц, освещая коллизионные принципы договорных обязательств в сфере внешней торговли, в первую очередь, указывает, что ВТАК руководствуется «выраженной

¹ Торговый Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой от 16 июня 1939 г. (г. Москва) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 16.

² Ст. 6 Приложения (Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Данией от 17 августа 1946 г. (г. Москва) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XII).

³ Ст. 5 Приложения (Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Республикой от 15 июля 1947 г. (г. Москва) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XIII. С. 324).

⁴ Ст. 4 Приложения (Договор о торговле и судоходстве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой от 11 декабря 1947 г. (г. Москва) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1949. № 9).

⁵ Ст. 4 Приложения (Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой от 11 декабря 1948 г. (г. Москва) // СПС «Гарант»).

⁶ Постановление СНК СССР от 27 июля 1935 г. № 1598 «О разрешении объединениям Народного Комиссариата Внешней Торговли заключать внешнеторговые сделки с иностранными фирмами на территории Союза ССР и за границей» // СЗ СССР. 1935. № 44. Ст. 367.

⁷ В этой связи автор заявляет: «“Автономия воли” в выборе закона и подсудности у нас безусловно признается для сделок внешней торговли, заключаемых внешнеторговыми объединениями, поскольку выбором иностранного закона не нарушаются какие-либо запретительные нормы советского права» [10, с. 227].

⁸ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 17 июня 1932 г. «О внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате» // СЗ СССР. 1932. № 48. Ст. 281. Рассматривая решения ВТАК, следует, тем не менее, учитывать, что они выносятся по конкретным делам и не создают прецедентов, как это было отмечено ВТАК в 1968 г. в деле по иску польского общества «Полимекс» к В/О «Запчастьэкспорт» [12, с. 17].

в договоре волей сторон в отношении подлежащих применению законов и обычаев (*lex voluntatis*)» [10, с. 232].

Наиболее цитируемым в данном отношении является решение ВТАК, вынесенное в 1938 г. по иску В/О «Союзглезэкспорт» к египетской фирме «Легета», в котором «применение норм советского гражданского права ... было предусмотрено в арбитражном соглашении сторон» [13, с. 37]¹. В качестве еще одного примера, в котором ВТАК опиралась на принцип автономии воли, Н.Г. Вилкова приводит решение, вынесенное в 1954 г. по иску бельгийского общества «Инкомар» к В/О «Разноэкспорт» [14, с. 97-98]. Хотя данное дело, бесспорно, примечательно тем, что соглашение сторон о применении советского права было достигнуто сторонами не при заключении сделки, а в процессе разбирательства спора и при этом в форме заявлений обеих сторон в адрес ВТАК, тем не менее, следует учитывать, что местом заключения сделки была Москва [16, с. 7] и, следовательно, в данном деле даже при отсутствии соглашения сторон подлежало применению советское право (на основании установленного ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р. принципа *lex loci contractus*).

В 1961 г., к концу анализируемого периода развития советского коллизионного права, Д.Ф. Рамзайцев указывает, что в силу отсутствия закрепления автономии воли в советском праве ВТАК основывается на международно-правовом обычае, на основании которого следует признавать право сторон внешнеэкономической сделки на выбор применимого материального права [17, с. 53]. В свою очередь, Д.М. Генкин, являющийся в этот период председателем ВТАК, излагает уже весьма разработанный подход ВТАК к реализации автономии воли сторонами внешнеэкономических сделок, который включает их право «путем соглашения по своему усмотрению ... подчинить свои взаимные обязательства любому правопорядку», вне зависимости от места рассмотрения спора, с учетом действия иных коллизионных статутов и без ущемления норм публичного порядка [18, с. 6].

Таким образом, в анализируемый период развития отечественного международного частного права, несмотря на отсутствие предписаний об автономии воли сторон обязательственных правоотношений в ст. 7 ГПК Р.С.Ф.С.Р., право на выбор применимого законодательства получало свое развитие в правоприменительной, в первую очередь, арбитражной, практике по сделкам в сфере внешней торговли. Изложенное в совокупности с существенными онтологическими факторами правообразования этого периода, выразившимися не только в государственной монополии внешнеэкономической деятельности, но и в целом в административно-командных методах организации народного хозяйства, позволяет согласиться с выдвинутым М.П. Бардиной тезисом о том, что «в отечественном международном частном праве принцип автономии воли сторон имеет значительно более долгую историю, чем принцип свободы сторон в гражданском праве» [19, с. 435]².

По итогам проведенного исследования необходимо заключить, что автономия воли сторон договорных правоотношений с иностранным элементом (в истоках советского международного частного права – исключительно в области внешней торговли) признавалась правоприменительной практикой даже в тех случаях, когда она не была закреплена законодательно. Способность сторон договора с иностранным элементом определять в нем применимое материальное право рассматривалась как имплицитно присущая им правовая возможность даже в тот период, когда отечественное право не признавало свободу договора как таковую. Последнее обстоятельство имеет существенное научное значение в том смысле, что автономия воли представляет собой самостоятельный правовой принцип, на котором базируется регулирование частноправовых отношений международного характера и ни в коей мере не может быть выведена из свойственного национальному (материальному) гражданскому праву принципа свободы договора.

¹ Приведенное решение цитируется как в советской, так и в современной литературе [10, с. 232; 14, с. 97; 15, с. 19-20].

² При этом М. П. Бардина обоснованно отмечает, что «такая “опережающая” диспозитивность в предоставлении сторонам свободы выбрать применимое право к внешнеэкономическим сделкам во многом была обусловлена тем, что она распространялась на сделки, выходящие за пределы страны..., где происходило соприкосновение с международным рынком, на котором господствовали принцип свободы договора, принцип автономии воли сторон» [19, с. 436].

Литература

1. Крылов С.Б. Международное частное право: пособие к лекциям. М.: Прибой, 1930. 328 с.
2. Перетерский И.С. Очерки международного частного права Р.С.Ф.С.Р. М.: Государственное издательство, 1924. 141 с.
3. Корецкий В.М. К вопросу о разрешении трудовых конфликтов, возникающих на иностранных торговых судах // Вестник советской юстиции. 1928. № 10 (116). С. 299-303.
4. Раевич С.И. Международное частное право / Под ред. Е. Пашуканиса. М.: Государственное издательство, 1934. 272 с.
5. Раевич С.И. Международное частное право как орудие подготовки интервенции против СССР // Советское государство. 1932. № 4. С. 189-197.
6. Лунц Л.А. Основные начала советского коллизионного права // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925-1945): тезисы докладов. М.: Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР, 1946. С. 37-39.
7. Лунц Л.А. Некоторые итоги развития советской доктрины международного частного права // Межвузовское научное совещание «Сорок лет советского государства и права и развитие правовой науки»: тезисы докладов. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1957. С. 36-39.
8. Асланян Н.П. Основные начала российского частного права. Иркутск: Издательство ИГЭА, 2001. 270 с.
9. Асланян Н.П. Основные начала российского частного права: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 365 с.
10. Лунц Л.А. Международное частное право: учебник. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1949. 368 с.
11. Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право: учебник. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. 208 с.
12. Рамзайцев Д.Ф. Вопросы международного частного права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии // Секция права Торгово-промышленной палаты СССР: сборник информационных материалов. Вып. 26 М., 1973. С. 6-34.
13. Рамзайцев Д.Ф. Внешнеторговый арбитраж в СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. 144 с.
14. Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2002. 511 с.
15. Малкин О.Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 180 с.
16. Рамзайцев Д.Ф. Применение норм права в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сборник информационных материалов. Вып. II. М., 1955. С. 3-15.
17. Рамзайцев Д.Ф. Договор купли-продажи во внешней торговле СССР. М.: Внешторгиздат, 1961. 184 с.
18. Генкин Д.М. О работе внешнеторговой арбитражной комиссии при всесоюзной торговой палате за 1957-1959 гг. // Секция права Всесоюзной торговой палаты: сборник информационных материалов. Вып. XI / Под ред. Д. М. Генкина, К. К. Бахтова. М., 1961. С. 3-13.
19. Современное международное частное право в России и Евросоюзе / Под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013. 656 с.

Novikova Tatiana Vasilyevna, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty for Training of Specialists for Judicial System (Faculty of Law), Associate Professor of the Department of International Law, Russian State University of Justice, North Caucasian branch (187/1, Levnevskogo St., Krasnodar, 350002, Russian Federation). E-mail: tnovikova@inbox.ru

ORIGINS OF ACKNOWLEDGEMENT BY NATIVE LEGISLATION OF AUTONOMY OF WILL AS PRINCIPLE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Abstract

The article indicates that Soviet Conflict of Laws (on the basis of 1923 Civil Procedural Code of R.S.F.S.R.) demonstrates continuity of pre-revolutionary approaches (stipulating the same in essence conflict of laws rule by procedural codified act), recognizes autonomy of will in international treaties

and arbitral law enforcement practice, although exclusively for foreign trade relations. The conclusion is grounded that acknowledgement of autonomy of will for parties of foreign trade relations even at the times, when native national law does not accept the freedom of contract, is the evidence of independent character of ability of parties to civil legal relations with foreign element to choose applicable substantive law and immanent character of such ability conditioned by nature of the relations and its existence in the framework of conflict of several states' legal orders.

Keywords: *autonomy of will, lex voluntatis, law applicable to obligation, choice of applicable law, immunity of state, contractual legal relations of international character, foreign trade contract, soviet foreign trade, soviet private international law.*

References

1. Krylov S.B. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: posobie k lekciyam. M.: Priboj, 1930. 328 p.
2. Pereterskij I.S. Oчерki mezhdunarodnogo chastnogo prava R.S.F.S.R. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 141 p.
3. Koreckij V.M. K voprosu o razreshenii trudovyh konfliktov, vznikayushchih na inostrannyh torgovykh sudah // Vestnik sovetskoj yusticii. 1928. № 10 (116). P. 299-303.
4. Raevich S.I. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo / Pod red. E. Pashukanisa. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1934. 272 p.
5. Raevich S.I. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo kak orudie podgotovki intervencii protiv SSSR // Sovetskoe gosudarstvo. 1932. № 4. P. 189-197.
6. Lunc L.A. Osnovnye nachala sovetskogo kollizionnogo prava // Nauchnaya sessiya, posvyashchennaya 20-letiyu sushchestvovaniya Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk (1925-1945): tezisy dokladov. M.: Vsesoyuznyj institut yuridicheskikh nauk Ministerstva yusticii SSSR, 1946. P. 37-39.
7. Lunc L.A. Nekotorye itogi razvitiya sovetskoj doktriny mezhdunarodnogo chastnogo prava // Mezhvuzovskoe nauchnoe soveshchanie «Sorok let sovetskogo gosudarstva i prava i razvitie pravovoj nauki»: tezisy dokladov. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1957. P. 36-39.
8. Aslanyan N.P. Osnovnye nachala rossijskogo chastnogo prava. Irkutsk: Izdatel'stvo IGEA, 2001. 270 p.
9. Aslanyan N.P. Osnovnye nachala rossijskogo chastnogo prava: Diss. ... d-ra yurid. nauk. M., 2001. 365 p.
10. Lunc L.A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. M.: YUridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yusticii SSSR, 1949. 368 p.
11. Pereterskij I.S., Krylov S.B. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. M.: YUridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1940. 208 p.
12. Ramzajcev D.F. Voprosy mezhdunarodnogo chastnogo prava v praktike Vneshnetorgovoj arbitrazhnoj komissii // Sekciya prava Torgovo-promyshlennoj palaty SSSR: sbornik informacionnyh materialov. Vyp. 26 M., 1973. P. 6-34.
13. Ramzajcev D.F. Vneshnetorgovyj arbitrazh v SSSR. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1952. 144 p.
14. Vilkova N.G. Dogovornoe pravo v mezhdunarodnom oborote. M.: Statut, 2002. 511 p.
15. Malkin O.YU. Avtonomiya voli vo vneshneekonomicheskikh sdelkah: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. 180 p.
16. Ramzajcev D.F. Primenenie norm prava v praktike Vneshnetorgovoj arbitrazhnoj komissii // Sekciya prava Vsesoyuznoj torgovoj palaty: sbornik informacionnyh materialov. Vyp. II. M., 1955. P. 3-15.
17. Ramzajcev D.F. Dogovor kupli-prodazhi vo vneshnej torgovle SSSR. M.: Vneshtorgizdat, 1961. 184 p.
18. Genkin D.M. O rabote vneshnetorgovoj arbitrazhnoj komissii pri vsesoyuznoj torgovoj palate za 1957-1959 gg. // Sekciya prava Vsesoyuznoj torgovoj palaty: sbornik informacionnyh materialov. Vyp. XI / Pod red. D. M. Genkina, K. K. Bahtova. M., 1961. P. 3-13.
19. Sovremennoe mezhdunarodnoe chastnoe pravo v Rossii i Evrosoyuze / Pod red. M. M. Boguslavskogo, A. G. Lisicya-Svetlanova, A. Trunka. M.: Norma, 2013. 656 p.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Шатковская
Татьяна
Владимировна** доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); профессор кафедры гражданского права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69). E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com
- Гончаров
Евгений
Иванович** кандидат юридических наук, доцент, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия/ Советская, 2/32). E-mail: ei06@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме использования современных информационных технологий в судебной системе Российской Федерации. Авторами проработаны вопросы введения электронного документооборота в судопроизводство. На основе анализа действующего российского законодательства определено понятие электронного судопроизводства, сделан вывод о возможности использования электронных документов в процессе вынесения решения суда. Авторами даны предложения по упрощению обращения граждан в суды посредством направления электронных заявлений и приложений.

Ключевые слова: электронное судопроизводство, судебная система, суды общей юрисдикции, арбитражный суд, электронное правосудие, электронное заявление, информационные технологии.

Информатизация и цифровизация как основные тренды современного государственного развития не обошли стороной и судебную систему Российской Федерации (далее РФ). Вследствие принятия и последовательной реализации Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы»¹ отправление правосудия в РФ приобретает цифровой формат. Данная тенденция актуализирует научную проработку вопросов применения электронного документооборота в деятельности судов. Целью такого исследования считаем выявление роли и возможностей использования информационных технологий для максимального обеспечения принятия справедливого решения по заявлениям граждан, обратившихся за защитой к органам правосудия.

В системе юрисдикционной защиты РФ суды остаются наиболее эффективными инструментами обеспечения законных интересов субъектов права. Неслучайно граждане зачастую обращаются за защитой нарушенных или оспариваемых прав именно в суды. В правовом государстве суды выполняют функцию общественного арбитра во всех сферах жизнедеятельности граждан и хозяйствующих субъектов, вовлеченных в гражданско-правовые отношения.

Высокая социальная значимость судебной защиты объясняется тем, что она обеспечивает незыблемость общественного строя государства, охрану законности и правопорядка,

¹ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 29.12.2020) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

а также гарантирует сохранение единого экономического пространства и свободу предпринимательской деятельности граждан. Посредством эффективной судебной защиты создается благоприятная атмосфера для инвестиций в экономику Российского государства.

Все вышеизложенное доказывает, что совершенствование и поддержание судебной системы на должном уровне, внедрение в нее современных информационных технологий, позволяющих активно использовать электронную систему судопроизводства, является важной задачей государства.

Цифровизация и внедрение современных информационных технологий в область судебной защиты прав и законных интересов граждан, обеспечит качественное улучшение работы судебной системы Российской Федерации.

Использование информационных технологий в деятельности судов позволит не только сократить процессуальные сроки рассмотрения дел и споров, но и значительно уменьшить количество нарушений в этой сфере. Это позволит достичь более удобного и быстрого доступа граждан к механизму судебной защиты прав и повысит качество работы аппарата судов общей и арбитражной юрисдикции.

Понятие «электронное судопроизводство» прочно вошло в научный юридический оборот. В широком значении оно включает комплекс информационно-телекоммуникационных систем или сервисов, позволяющих размещать судебные акты, вести электронный документооборот посредством приема электронных заявлений со стороны граждан и организаций, предоставлять доступ для ознакомления с материалами электронных дел [4, с. 66].

Тем самым, обмен электронной информацией расширяет возможности взаимодействия органов правосудия и участников судебного процесса.

В более узком понимании «электронное судопроизводство» сводится к возможности органов правосудия и иных субъектов процессуальных отношений принимать непосредственное участие в подаче документов в электронном виде, осуществление судопроизводства через систему видеоконференции.

Полагаем, что электронные формы осуществления правосудия помогут искоренить проблемы, многие годы негативно влияющие на качество правосудия, а именно исполнение процессуальных сроков, обеспечение граждан правом на информацию в сфере осуществления правосудия. В будущем это позволит судам отправлять правосудие в более сокращенные сроки и эффективнее реализовывать стадию исполнения судебных решений.

В 2013 г. принят регламент, позволяющий судам, перейти на обмен информацией в электронном виде. Данным регламентом предусматривается единый порядок осуществления деятельности по сканированию судебных актов и документов, подлежащих размещению в программной среде, под названием ГАС «Правосудие»¹.

Реализация данного регламента помогла сформировать электронное хранилище судебных актов в единой базе и банк судебных решений. Кроме того, граждане получили возможность удобного и быстрого доступа к решениям судов. Электронный вид документа гарантирует лучшую сохранность и долговечность хранения.

Начиная с 1 января 2017 года, в арбитражных судах и федеральных судах общей юрисдикции введен порядок подачи документов в электронном виде посредством формирования электронного заявления, искового заявления, жалобы, которые подписываются электронной цифровой подписью и размещаются на официальном сайте в сети Интернет².

Процедура подачи электронного иска осуществляется через доступ в личный кабинет на интернет-портале ГАС «Правосудие», который могут получить физические лица, имеющие

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 03.07.2013 № 132 (ред. от 28.08.2019) «Об утверждении Временного регламента перевода документов федеральных судов общей юрисдикции в электронный вид» // Бюллетень актов по судебной системе. № 11. 2013.

² Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 27.08.2019) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. № 2. 2017; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018) «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. № 2. 2017.

учетную запись на портале государственных услуг или с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи [2, с. 9].

В связи с этим Верховным Судом РФ была проведена работа по выработке разъяснений к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ по поводу порядка использования электронного документооборота в системе судов общей и арбитражной юрисдикции¹.

В случае принятия обращения граждан к производству, суд размещает данную информацию, в том числе сведения о времени и месте судебного разбирательства на сайте в сети Интернет. Доказательством размещения подобной информации служит отчет автоматизированной системы в сети Интернет, а также в бумажном виде скан официальной страницы суда, расположившей информацию о принятии дела к производству или иного процессуального действия. Соответственно, бумажная распечатка страницы помещается в материалы дела.

Для граждан также стал доступным сервис на сайтах судов. Он позволяет оперативно ознакомиться с движением дела, установлением даты, времени, места судебного заседания, а также с принятым судом решением.

Как верно отмечено в литературе, стремительный прогресс в цифровых технологиях системы правосудия, одновременно требует не только технического переоснащения, но и формирования нового уровня знаний, как со стороны суда, так и граждан [1, с. 12]. Кроме того, правоприменительным органам и гражданам необходимо переосмыслить то, с чем они будут работать, так как электронный документ технически сложен для понимания особенно для граждан престарелого возраста [3, с. 20].

Несмотря на ряд плюсов системы электронного документооборота в судебной системе, присутствуют и ряд сложностей. Так, при направлении электронных документов возникает необходимость в идентификации данных личности, направившей данную информацию. Надежным способом идентификации в таком случае служит использование заявителем электронной цифровой подписи.

Следовательно, для надежности отправления электронного обращения потребуется цифровая подпись отправителя. Однако до настоящего времени, в большинстве случаев по незнанию или по недоверию использование цифровой подписи отправителями слабо применяется. Эта проблема усугубляется сложностью конструкции действующего законодательства о цифровой подписи и отсутствием единого удостоверяющего центра, в котором все заинтересованные лица могли бы получить данную подпись.

Отдельные положения Гражданского процессуального кодекса РФ (далее ГПК РФ) все еще содержат положения о том, что решение суда может изготавливаться в форме электронного документа, но не в обязательном порядке. Так, в ст. 130 ГПК РФ², в случае выдачи судебного приказа, изготовление его в электронном виде возможно лишь по просьбе заявителя, но сам порядок выдачи еще предусматривает опубликование его в бумажном виде с заверением печатью суда. Так, ч. 2 указанной статьи говорит о возможности направления исполнительного листа судебному приставу-исполнителю в электронном виде, но по-прежнему предусматривается и форма на бумажном носителе с гербовой печатью.

Кажется очевидным, что поставленные цели повышения оперативности движения информации в системе правосудия должны перевести его на качественно новый уровень, но законодатель не спешит убирать нормы о выдаче судами документов на бумажном носителе.

В Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее АПК РФ) этот вопрос решен однозначно. Так, в ст. 169 АПК РФ³ предусмотрено изложение решения в форме электронного документа и лишь только по техническим причинам в том или ином арбитражном суде решение может быть изложено на бумажном носителе. Иной подход предусмотрен законодателем в ст. 197 ГПК РФ. Согласно данной статье, решение суда по-прежнему излагается в письменном виде, и лишь указана возможность на изготовление решения в электронном виде.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2018.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. № 220. 20.11.2002.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. № 137. 27.07.2002.

Кроме того, согласно ст. 214 ГПК РФ копии решения суда выдаются управомоченным лицам в пятидневный срок. Создание электронной копии решения суда возможно только с согласия лиц участвующих в деле или их доверенных лиц.

Таким образом, правовое регулирование процедуры изготовления судебных актов в судах общей и арбитражной юрисдикции и выдачи их заинтересованным лицам весьма противоречиво.

Подобное упоминание о возможности электронной формы говорит о неэффективности и/или отсутствии технической обеспеченности работы судов общей юрисдикции в отличие от арбитражных судов, где электронный документооборот налажен в полной мере [5, с. 233].

При этом во всех случаях изготовления судебных актов в электронном виде в процессуальном законодательстве прописывается обязанность судов дополнительно изготавливать экземпляр решения на бумажном носителе.

Необходимо установить единообразие в процессуальном законодательстве для судов общей и арбитражной юрисдикции по вопросам электронного документооборота судебных актов и иных документов. И лишь после этого суды общей юрисдикции вынуждены будут перейти на сложившийся в практике электронный документооборот, что повлечет и техническое переоснащение судов.

Таким образом, приходим к выводу, что развитие электронного документооборота в российском правосудии – это неременная составляющая успеха реформирования судебной системы России. Суды смогут решить ряд проблем и повысить качество и оперативность осуществления судопроизводства. Электронные технологии, безусловно, упрощают доступ к правосудию и способствуют реализации его незыблемых принципов – диспозитивности, состязательности и доступности.

На данный момент оперативно необходимо решить вопрос технического оснащения электронного судопроизводства. Согласно федеральному конституционному закону о судебной системе РФ¹ эта задача возложена на Судебный департамент при Верховном Суде РФ, но ее решение затягивается. Кроме того, законодатель не разработал единой регуляторной базы электронного документооборота судов общей юрисдикции. Все это препятствует формированию в России электронного правосудия и затрудняет реализацию прав граждан на обращение в суд с использованием информационных технологий.

Литература

1. *Алексеев А.А.* Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С. 12–16.
2. *Балашов А.Н., Ефремова Н.Г.* Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 8–12.
3. *Гончаров Е.И.* Актуальные проблемы ведения электронного документооборота в Российской Федерации / В сб.: Наука и технологии: стратегия развития Сборник научных статей. Под общей редакцией В.А. Козловой, И.В. Кожан. Ростов-на-Дону, 2019. С. 20-24.
4. *Гусева Т.А., Соловьева А.Ю.* Электронное судопроизводство // Право и экономика. 2015. № 6. С. 66–71.
5. *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.

Shatkovskaya Tatiana Vladimirovna, Ph.D. (Doctor of Juridical Science), Professor of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Professor, Department of Civil Law, Rostov state economic university (RINH) (69, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Goncharov Evgeniy Ivanovich, Candidate of Law, Associate Professor, Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (2/32, 9-ya Liniya street / Sovetskaya, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation). E-mail: ei06@bk.ru

¹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. № 3. 06.01.1997.

ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract

The article is devoted to the problem of using modern information technologies in the judicial system of the Russian Federation. The authors have worked out the issues of introducing electronic document management into legal proceedings. Based on the analysis of the current Russian legislation, the concept of electronic legal proceedings was determined, and a conclusion was made about the possibility of using electronic documents in the process of making a court decision. The authors made proposals to simplify citizens appeal to the courts by sending electronic applications and applications.

Keywords: *electronic court proceedings, judicial system, courts of general jurisdiction, arbitration court, electronic justice, electronic application, information technologies.*

References

1. Alekseev A.A. Elektronnoe sudoproizvodstvo v rossijskom grazhdanskom processe // Arbitrazhnyj i grazhdanskiy process. 2016. № 2. P. 12–16.
2. Balashov A.N., Efremova N.G. Razvitie elektronnyh tekhnologij v grazhdanskom sudoproizvodstve // Arbitrazhnyj i grazhdanskiy process. 2016. № 8. P. 8–12.
3. Goncharov E.I. Aktual'nye problemy vedeniya elektronnoho dokumentooborota v Rossijskoj Federacii / V sb.: Nauka i tekhnologii: strategiya razvitiya Sbornik nauchnyh statej. Pod obshchej redakciej V.A. Kozlovoj, I.V. Kozhan. Rostov-na-Donu, 2019. P. 20-24.
4. Guseva T.A., Solov'eva A.YU. Elektronnoe sudoproizvodstvo // Pravo i ekonomika. 2015. № 6. P. 66–71.
5. Reshetnikova I.V. Razmyshlyaya o sudoproizvodstve: Izbrannoe. M.: Statut, 2019. 510 p.

УДК 34

DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-2-135-139

ПРИНЦИП ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СУДА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Мерзеханов аспирант, юридический факультет,
Саид Южный федеральный университет
Фахрудинович (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42).
E-mail: lawyer_msf@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется правовая природа принципа активности суда в российском административном судопроизводстве. Производится анализ причин и предпосылок возникновения такого принципа. Состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда рассматривается в контексте с родственным гражданским процессуальным принципом состязательности сторон. Дается оценка взаимозависимости возможности обеспечения состязательности и равноправия сторон в административном судопроизводстве с активной ролью суда при рассмотрении административного спора. Рассматриваются формы и виды проявления принципа активности суда в административном судопроизводстве.

Ключевые слова: *административное судопроизводство, принцип состязательности сторон, активность суда, принципы судопроизводства, гарантии прав участников судопроизводства, принцип равноправия сторон в административном судопроизводстве, конституционное регулирование судопроизводства, доказательства и доказывание, нормоконтроль.*

Конституция провозгласила принцип состязательности как основополагающий принцип всех форм судопроизводства в Российской Федерации. Данное положение находит свое отражение во всех отраслевых процессуальных кодексах, которые в свою очередь придают конституционному принципу состязательности институциональные черты относительно тому виду процесса, в котором последний получает свое закрепление.

Юридическая природа принципа состязательности подразумевает возложение инициативных полномочий в рамках рассмотрения спора в суде исключительно на стороны –

участников процесса, признавая за судом лишь пассивное участие, ограничивающиеся в контроле за соблюдением правил судопроизводства, оказании содействия сторонам – участникам процесса в реализации их инициативных полномочий.

С принятием Кодекса административного судопроизводства отраслевое закрепление принципа состязательности приобрело новые черты. Так, пункт 7 статьи 6 КАС РФ гласит, что принципом административного судопроизводства является состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда. Таким образом, КАС РФ впервые на законодательном уровне вносит понятие «активности суда» в один ряд с реализацией конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в процессе.

Размышляя о причинах появления понятия «активность суда» в контексте закрепления принципа состязательности в административном судопроизводстве, возникает мысль о предпосылках, связанных с особым субъектным составом такого вида судопроизводства. Речь идет о том, что сторонами в административном судопроизводстве выступают, с одной стороны – граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, российские, иностранные и международные юридические лица, общественные объединения и религиозные организации и т.д., и органы публичной власти, должностные лица с другой (ч.3 ст.38 КАС РФ). Очевидно, что наличие государственно-властных полномочий у одной из сторон – участников административного судопроизводства ставит под сомнение адекватную реализацию принципа состязательности и равноправия сторон. Об этом говорит и значительное число публикаций по данной тематике, в которых принцип «активности суда» в административном судопроизводстве окупается «более сложным процессуальным положением властвующего субъекта» [1], «требованием определенного смещения целевой направленности судопроизводства с частного интереса заявителя в сторону обеспечения законности и правопорядка в соответствующей сфере общественной жизни» [2].

Вопросу определения активности суда как самостоятельного принципа административного судопроизводства уделялось внимание в ряде публикаций. Так, А.В. Глодина настаивает на обособленности активности суда как основополагающего начала административного судопроизводства от принципов состязательности и равноправия по причине его контрадикторности последним [3]. Об активности суда как принципе административного судопроизводства указывается также в работах Н.А. Бурашниковой, посвященных механизмам защиты избирательных прав [4], И.Д. Августиной [5] и др.

Действительно, реализовываясь во множестве специальных процессуальных норм, правило руководства судом всеми стадиями административного судопроизводства позволяет нам утверждать, что КАС РФ выводит данное правило в разряд принципов.

Кроме того, дифферентное наименование принципа состязательности и равноправия сторон – классического принципа российского процессуального законодательства – в КАС РФ также свидетельствует, что активность суда выведена за рамки состязательности и равноправия и представляет собой самостоятельный принцип административного судопроизводства.

Закрепленный в пункте 7 статьи 6 КАС РФ принцип состязательности и равноправия сторон при активной роли суда находит свое отражение во многих положениях, определяющих правила административного судопроизводства, но в первую очередь в правилах доказывания.

Так, часть 2 статьи 62 КАС РФ делает исключения из общего правила распределения бремени доказывания в сторону «обвинительной» стороны – участника судопроизводства, возлагая обязанность по доказыванию законности оспариваемых нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями на соответствующие орган, организацию и должностное лицо, что несомненно входит в противоречие с состязательностью в ее безотносительном смысле.

В обоснование изложенного выше положения КАС РФ о доказывании можно немного расширить приведенное суждение о необходимости уравнивания органов публичной власти с противоположной стороной административного судопроизводства, не обладающей государственно-властными полномочиями, в сторону презюмации отсутствия у граждан либо

организаций и общественных объединений возможности обеспечения своей правовой позиции при рассмотрении административного спора адекватным квалифицированным юридическим сопровождением. Здесь, с оговорками, можно провести аналогию с конституционным правом на защиту, предоставляемому субъекту уголовного преследования, выраженную в гарантии на получение квалифицированной юридической помощи в лице профессионального адвоката. О корреляции уголовного и административного процессов с позиции положения сторон в таковых говорится в различных трудах, посвященных в том числе и принципу состязательности и равноправия сторон при активной роли суда в административном судопроизводстве [6].

При рассмотрении административных споров о об оспаривании нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия), соответственно принятых или совершенных органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами и организациями, наделенными отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностными лицами, государственными или муниципальными служащими, а также по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации также проявляется принцип активности суда в возможности у последнего выходить за требования, изложенные в административном иске, а также за пределы возражений, заявленных на таковой (ч. 3 ст. 62 КАС РФ).

Положение о возможности выхода за пределы административных исковых требований и возражений участников административного судопроизводства продиктовано наличием наряду с основной – разрешение дела по существу – функцией суда в административном судопроизводстве, функцией административно-судебного нормоконтроля, выраженной в проверке судом норм права на основаниях КАС РФ.

Автономность суда от воли сторон в административном судопроизводстве закреплена и в правилах истребования доказательств по административному делу. Суд вправе истребовать доказательства по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе (ч. 1 ст. 63 КАС РФ). Однако приведенные выше примеры проявления активности суда в отличие от возможности истребования доказательств судом по собственной инициативе ставились в зависимость от категории административного спора, тогда как норма статьи 63 КАС РФ не содержит каких-либо оговорок, ограничивающих возможность суда самостоятельно истребовать доказательства по административному делу.

Неоднозначное понимание активности суда как принципа, граничащего с конституционным принципом состязательности и равноправия сторон в юридической литературе, связано еще и с тем, что текст Конституции не содержит упоминания о таковой ни в нормах защищенной главы второй о правах и свободах личности, ни в положениях о порядке организации и деятельности судебной власти в Российской Федерации, что, возможно, служит причиной противопоставления возможности суда на инициативное поведение в рамках рассмотрения административного спора с правовой природой состязательности, в том числе и восприятием ее самой конституционной материей.

При этом ряд авторов утверждают, что активная роль суда в административном судопроизводстве не является примером легального отступления от конституционного требования состязательности и равноправия сторон судебного процесса по той причине, что в основе такой активности лежат объективные обстоятельства, predeterminedенные характером публично-правовых отношений.

Принимая во внимание то обстоятельство, что административное судопроизводство, приобретшее в 2015 году самостоятельный нормативный источник в виде Кодекса административного судопроизводства, до этого момента являлось формой гражданского судопроизводства, подчинялось общим принципам такового. Отсюда можно судить о том, что ранее действовавший для административного судопроизводства принцип состязательности, изложенный статье 12 ГПК РФ, исключал какое-либо упоминание на активность суда при рассмотрении и разрешении дел, вытекающих из публичных правоотношений.

Многие авторы, однако, занимают следующую точку зрения: отсутствие упоминания среди принципов судопроизводства на активную роль суда в рассмотрении и разрешении дел, вытекающих из публичных правоотношений в редакции ГПК РФ, действовавшей до сентября 2015 г., не позволяет утверждать, что суд был лишен возможности реализации

активной роли. Так, например, норма части 2 статьи 56 ГПК РФ предписывает суду определять, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались [7].

Кроме того, авторами приводятся разъяснения, содержащиеся в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. №11, от 19 июня 2012 г. № 13, в которых судам в рамках гражданского судопроизводства предписывается проявлять активность и инициативность в разъяснении фактов, имеющих значение для рассмотрения дела по существу, несвязанность суда в вопросах каким законом руководствоваться от упоминания такового в тексте искового заявления и т.д.

С такими выводами сложно согласиться, так как гражданское процессуальное законодательство, в том числе и в действовавшем до принятия КАС РФ виде, сводит активность суда исключительно к способу реализации состязательности и равноправия сторон, наделяя суд полномочиями по «разъяснению», «руководству», «предупреждению», оставляя конечное процессуальное решение (об истребовании доказательств, об изменении предмета иска и т.д.) за сторонами – участниками процесса, тогда как КАС РФ предоставляет суду полную автономность в таких полномочиях.

Верным было бы приведение нормы статьи 14 КАС РФ к положению пункта 7 статьи 6 КАС РФ, так как в текущей редакции провозглашенный принцип состязательности и равноправия сторон при активной роли суда не находит полного отражения в упомянутой статье 14, описывающей реализацию состязательности и равноправия сторон в административном процессе, но упоминающей об активности суда при этом исключительно как инициативу суда по истребованию доказательств и верному применению закона. Возможно дополнение нормы статьи 14 новой частью, которая установит границы самостоятельного судьейского поведения при рассмотрении административных споров или даже определит иерархичность двух принципиальных положений: состязательности и равноправия с одной стороны, и активной роли суда с другой, что приведет к единообразию толкования институциональных процессуальных норм КАС РФ.

Понимая то обстоятельство, что абсолютно состязательная либо инквизиционная модель судопроизводства не может являться конечной процессуальной формой, что все современные правовые системы представляют собой некоторое среднее между этими двумя видами процесса, следует детально определить пределы активности суда при рассмотрении и разрешении административных дел, возможно, сведя активность к общему руководству процессом, с ограничением принятия самостоятельных решений об истребовании доказательств, вызове и допросе свидетеля по делу, об изменении предмета иска и т.д.

Литература

1. Яковлева А.П. Состязательность административного судопроизводства и активная роль суда // Правовое регулирование в современной России. 2015. № 6(51). С. 107–112.
2. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Г.А. Жилин. М., 2013. 864 с.
3. Глодина А.В. Сочетание принципа активной роли суда с отдельными принципами административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 65–71.
4. Бурашникова Н.А. Механизм судебной защиты избирательных прав в российском административном судопроизводстве // Судья. 2018. № 1. С. 47–52.
5. Августина И.Д. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Российский судья. 2021. №1. С. 19–25.
6. Орлов А.В. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Российский судья. 2016. № 8. С. 12–15.
7. Майборода В.А. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Судья. 2017. №3. С. 57–60.

Merzekhanov Said Fakhrudinovich, Graduate Student, Faculty of Law, Southern federal university (B. Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: lawyer_msf@mail.ru

**PRINCIPLE OF THE PROCEDURAL ACTIVITY OF THE COURT
IN THE ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDINGS**

Abstract

The article analyzes the legal nature of the principle of court activity in Russian administrative proceedings. The analysis of the reasons and prerequisites for the emergence of such a principle is carried out. The adversarial nature and equality of the parties to administrative proceedings with the active role of the court is considered in the context of the related civil procedural principle of adversarialness of the parties. An assessment of the interdependence of the possibility of ensuring adversariality and equality of parties in administrative proceedings with an active role of the court in the consideration of an administrative dispute is given. The forms and types of manifestation of the principle of court activity in administrative proceedings are considered.

Keywords: *administrative proceedings, the principle of adversarialness of the parties, activity of the court, principles of legal proceedings, guarantees of the rights of participants in legal proceedings, the principle of equality of the parties in administrative proceedings, constitutional regulation of legal proceedings, evidence and proving, rule of thumb.*

References

1. YAKovleva A.P. Sostyazatel'nost' administrativnogo sudoproizvodstva i aktivnaya rol' suda // Pravovoe regulirovanie v sovremennoj Rossii. 2015. № 6(51). P. 107–112.
2. Kommentarij k Grazhdanskomu processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / otv. red. G.A. ZHilin. M., 2013. 864 p.
3. Glodina A.V. Sochetanie principa aktivnoj roli suda s otдел'nymi principami administrativnogo sudoproizvodstva // Administrativnoe pravo i process. 2018. № 11. P. 65–71.
4. Burashnikova N.A. Mekhanizm sudebnoj zashchity izbiratel'nyh prav v rossijskom administrativnom sudoproizvodstve // Sud'ya. 2018. № 1. P. 47–52.
5. Avgustina I.D. Aktivnaya rol' suda v administrativnom sudoproizvodstve // Rossijskij sud'ya. 2021. №1. P. 19–25.
6. Orlov A.V. Aktivnaya rol' suda v administrativnom sudoproizvodstve // Rossijskij sud'ya. 2016. № 8. P. 12–15.
7. Majboroda V.A. Aktivnaya rol' suda v administrativnom sudoproizvodstve // Sud'ya. 2017. № 3. P. 57–60.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОЗДАНИЕ И (ИЛИ) РАСПРОСТРАНЕНИЕ РОБОТОВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бегишев заслуженный юрист Республики Татарстан,
Ильдар кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Рустамович Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
(420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42).
E-mail: begishev@mail.ru

Abstract

Деятельность по созданию и распространению роботов для целей совершения преступлений в настоящее время не охватывается составами преступлений, предусмотренными действующим уголовным законодательством, и может подлежать правовой оценке только как приготовление к соответствующему преступлению в форме приискания, изготовления либо приспособления средств и орудий его совершения. Целью исследования выступает охрана общественных отношений от противоправных деяний, сопряженных с использованием специально предназначенных для этого роботов. Основная задача исследования заключается в выработке уголовно-правовых средств предупреждения и пенализации деятельности, направленной на создание и распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступлений. В целях охраны общественных отношений от противоправных деяний, сопряженных с использованием специально предназначенных для этого роботов, осознавая необходимость обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств, предотвращения причинения вреда в процессе функционирования таких роботов, целесообразно установить уголовную ответственность за создание и (или) распространение роботов (автономных роботов), предназначенных для целей совершения преступлений.

Ключевые слова: робот, робототехника, искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровая экономика, уголовное право, автономный робот, преступление, уголовная ответственность, общественная опасность, общественные отношения, цель, создание, распространение, оборот.

Экспоненциальный процесс цифровой трансформации современных общественных отношений, характеризующийся поступательным внедрением робототехнических технологий, существенно видоизменяет сложившиеся тенденции социальных практик. Робототехника становится в действительности сквозным инструментом, опосредуя большинство правоотношений. При этом с каждым годом значимость указанной сквозной цифровой технологии, ее распространенность и темпы внедрения только возрастают.

В названных условиях правовое регулирование, как представляется, должно создавать основу для безопасного и комфортного включения цифровых продуктов как в гражданский, так и в служебный оборот, при этом придерживаясь консенсуса между эффективным и достаточным устранением криминологических рисков и созданием благоприятной для законной предпринимательской, исследовательской, производственной и иной деятельности. Соблюдение вышеназванного баланса есть важная задача, во многом обуславливающая устойчивое и поступательное развитие нашего государства, создание конкурентоспособной цифровой продукции, обеспечение первенства прорывных российских технологий на международной арене.

Конститутивной предпосылкой выстраивания механизмов и моделей правового регулирования, удовлетворяющего вышеуказанным требованиям, является прогнозирование

потенциальных рисков и угроз охраняемым уголовным законом общественным отношениям [1, с. 112–118; 2, с. 186–194; 3, с. 72–77; 4, с. 580–584; 5, с. 382–387; 6, с. 173–177; 7, с. 134–138; 8, 119–122]. Только конструктивное прогнозирование может служить надлежащей основой для выработки превентивного, соразмерного и достаточного регулирования общественных отношений уголовно-правовыми средствами. В обратном случае правовые нормы, в том числе охранительного характера, выступают в качестве регуляторов уже возникших и реализовавшихся угроз, демонстрируя недостаточную превентивность. Выразим согласие с мнениями ученых-правоведов, утверждающих, что «право пока не успевает за развитием цифровых технологий» [9, с. 7].

В затронутом контексте важно отметить традиционно настроенное отношение в перспективным цифровым технологиям как в обществе, так и в научной среде. К примеру, встречаются утверждения, уравнивающие расширение использования технологий искусственного интеллекта с «ящиком Пандоры» [10, с. 82]. Полагаем, опасения исследователей не лишены оснований, действительно, недостаточная понятность алгоритмов работы искусственного интеллекта, отсутствие единых подходов к его пониманию и осмыслению вызывают настороженность.

Однако искусственный интеллект в том понимании, которое закладывается соответствующим Указом Президента РФ, раскрывающим его как «комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные способности человека и получающий при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹, как технологию перспективную, видится нам единственно верным определением.

Иное положение складывается применительно к робототехнике. Будучи программно-аппаратным продуктом и не требуя для своего использования значительных вычислительных мощностей и разветвленной информационной инфраструктуры, робототехника поступательно внедряется в общественные отношения, порождая угрозы и вызовы, ставя новые правовые задачи.

Так, к примеру, социальной реальностью стали дорожно-транспортные происшествия с участием высокоавтоматизированных транспортных средств, являющихся по своей сути роботами; значительная часть производственных процессов автоматизирована и функции по созданию продукции в различной степени перешли от работников к специально обученным программно-аппаратным средствам (роботам); сфера услуг равным образом в известной степени роботизируется, что однозначно свидетельствует о высоком интересе к робототехническим технологиям.

Необходимо отметить, что полезные свойства робота и возможность наделения его некоторыми обязанностями (традиционно выполняемыми человеком) предопределяется его программно-аппаратной сущностью. Иными словами, любой робот представляет собой единство цифрового кода компьютерной программы и механической части, обуславливающей возможность совершения конкретных физических манипуляций в пространстве. Изолированно ни первая, ни вторая составляющие не могут образовывать робота, являющегося продуктом именно цифровых технологий.

Программная составляющая выражается в цифровом коде, заложенном в компьютерную программу робота. Данный компонент представляет интерес постольку, поскольку содержит исчерпывающий перечень алгоритмов действий, то есть совокупности данных и команд, реализуя которые робот совершает конкретные механические действия, к примеру, перемещается по заданной траектории с установленной скоростью. Указанные поведенческие алгоритмы закладываются в робота производителем и являются изначально статичной категорией – не могут произвольно меняться в ходе его функционирования. Из этого следует прогнозируемость и понятность действий робота, который может совершить только те действия, которые изначально были предусмотрены поведенческими алгоритмами цифрового кода его компьютерной программы.

Безусловно, программы роботов отличаются по своей структуре – некоторые содержат незначительный перечень алгоритмов, реализуя которые робот способен на выполнение

¹ См.: Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490.

простейших действий. В таком случае, как правило, на один сигнал управления или на одну ситуацию в программном коде робота заложена одна реакция (один алгоритм) который он реализует. Однако существуют и постепенно внедряются роботы, цифровые коды программ которых содержат широкий спектр алгоритмов, являющихся усложненными и длительными, то есть опосредуют возможность совершения роботом множества взаимосвязанных и единоподчиненных действий, объединенных необходимостью достижения конкретного результата. В таких роботах на один сигнал управления либо на одну ситуацию может быть предусмотрено несколько алгоритмов и к дискреции робота отнесен выбор конкретного перечня действий в той или иной ситуации. Безусловно, данные роботы с точки зрения их способностей по эффективному выполнению конкретных задач более сопоставимы с человеком, соответственно, представляют большую общественную опасность при эксплуатации.

Аппаратная составляющая есть совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых механизмов, которые образуют физическую структуру робота, – рычагов, радаров, материалов, иных элементов конструкции, приемопередающих датчиков, датчиков движения, моторов, лидаров, шасси и т. д., и т. п. Аппаратный элемент предопределяет большинство технических характеристик робота, так как, к примеру, от емкости батареи (аппаратного элемента) напрямую зависит длительность функционирования робота. Помимо этого, особенностью аппаратной (механической) составляющей является то, что ее компоновка, структура, форма зачастую прямо зависят от выполняемой роботом задачи, его целевого предназначения. Так, вряд ли целесообразно создавать аэродинамический кузов роботу, предназначенному для рытья траншей.

Из всего массива цифровых технологий робот отличается тем, что его функционирование возможно только при наличии программной и аппаратной частей (что не характерно, к примеру, для искусственного интеллекта). В то же время заложенные в цифровой код компьютерной программы робота расширенные возможности реализации программных алгоритмов, опосредующих широкий перечень действий, которые может совершать робот, при вовлечении его в процесс совершения преступления существенно повышают причиняющий потенциал посягательства. Более того, сам факт создания робота для противоправных целей видится достаточно общественно опасным.

Поясним дополнительно, в вышеуказанных рассуждениях мы исходили из того, что исчерпывающий перечень поведенческих алгоритмов изначально заложен разработчиком в цифровой код компьютерной программы робота и не может видоизменяться. Однако изложенное характерно не для всех видов роботов. Характеризующиеся экспоненциальным развитием технологии искусственного интеллекта позволяют обоснованно полагать, что в перспективе возможно появление роботов, обладающих способностью к самообучению, то есть самостоятельному формулированию нового знания (как в форме цифровой информации, так и в виде совокупности данных и команд, внедряемых в цифровой код и расширяющих перечень поведенческих алгоритмов). Происходит такое самообучение на основании самостоятельного собирания роботом информации из внешней среды, ее аккумуляции, накопления, анализа и дальнейшего использования.

Таким образом, фактически складывается положение, при котором разработчик может заложить только первоначальные алгоритмы, позволяющие роботу самообучаться, однако как именно робот данную возможность реализует, на этапе разработки достоверно не известно. Подобного робота, как представляется, можно именовать автономным, то есть способным к самостоятельному принятию решений и осуществлению действий на основании самостоятельно сформулированного поведенческого алгоритма.

К тому же следует заметить, что самообучение робота имеет существенные отличия от человеческого познания окружающей среды. Наличие процессоров с распределенной программной архитектурой позволяет такому роботу выполнять несопоставимо больше логических операций за единицу времени.

На основании приведенных рассуждений видится очевидным вывод о несопоставимо большей общественной опасности вовлечения автономного робота в совершение преступлений.

Тем не менее, появление автономных роботов не составляет актуальной повестки и может только прогнозироваться. Однако абстрагирование от выработки мер уголовно-правового противодействия противоправным девиациям таких роботов видится недопустимым.

В то же время опасность создания управляемых (антагонизм автономных) роботов в настоящее время является очевидной, при этом действующее уголовное законодательство не содержит нормы, предусматривающей ответственность за такие деяния. Существует группа составов преступлений, объективными признаками которых описываются деяния, частично подпадающие под процессы разработки, проектирования, построения робота для целей совершения преступлений.

К примеру, в составе преступления, предусмотренном ст. 273 УК РФ, законодатель указывает на признак «создания, использования и распространения компьютерных программ и иной компьютерной информации». Конкретизируем, термин «компьютерная программа» в контексте вышеуказанного состава может быть отождествлен с употребляемым нами термином «цифровой код компьютерной программы», поскольку и в первом, и во втором случае фактически указывается на совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования определенного программного и/или программно-аппаратного средства.

Согласно методическим рекомендациям Генеральной прокуратуры РФ, под созданием программы предлагается понимать «деятельность, направленную на разработку программ»¹. Думается, логика подобной дефиниции правильна, едва ли возможно казуистично описать все возможные методы, средства, способы и методики, применяемые на этапах от написания исходного кода, до факта введения программного продукта в эксплуатацию, ввиду чего дефиниция с подобным уровнем абстракции видится правильным вариантом. Практикоориентированным видится также указание на то, что деятельность должна быть направлена на такую разработку, что не требует наличия конечного результата в виде создания готовой к использованию программы для признания деяния оконченным.

Тем не менее, в качестве обязательных признаков состава преступления, описанного в ст. 273 УК РФ, обозначена цель функционирования такой программы: «уничтожение, блокирование, модификация, копирование компьютерной информации либо нейтрализация средств ее защиты», что не позволяет применять норму в случае, когда лицо создает цифровой код, закладывая в него алгоритмы, предназначенные для целей совершения преступлений, ввиду чего рассмотренная норма представляется нам нерелевантной для целей охраны общественных отношений от посягательства, совершенных посредством использования роботов.

Иной, сходный по отдельным объективным признакам с процессом создания роботов состав преступления описан в ст. 223 УК РФ, которая предусматривает ответственность за «изготовление, переделку» оружия. В данном случае к числу признаков, описывающих деяние, добавляется переделка, то есть изменение свойств, качеств и характеристик существующих объектов, а не создание новых. Полагаем, подобное законодательное описание деяния является удачным опытом. В равной степени в отдельных случаях нет необходимости в создании робота как нового материального объекта для совершения преступлений. Однако подобный состав преступления также не может применяться для квалификации действий лиц, «изготовивших или переделавших» роботов для целей совершения преступлений, поскольку обязательным объективным признаком состава преступления является «оружие», то есть предметы, конструктивно предназначенные для механического поражения цели или подачи сигналов. Безусловно, как управляемый, так и автономный робот может обладать подобными свойствами, однако поражением цели не исчерпывается его функционал, ввиду чего не во всех ситуациях робот, вовлекаемый в орбиту преступной деятельности и выполняющий преступные функции, может являться оружием.

Следующий состав преступления, объективными признаками которого могут частично, с известной долей условности, охватываться процессы создания роботов в противоправных целях, описан в ст. 223.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за «незаконное изготовление взрывчатых веществ; незаконное изготовление, переделку или ремонт взрывных устройств». Заметим, что робот ни при каких условиях не может быть взрывчатым веществом. Взрывное устройство, в свою очередь, может быть как отделимым, так и неотделимым оборудованием робота, ввиду чего детальность по его изготовлению, переделке или ремонту представляется более широкой категорией.

¹ Подробнее см.: Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/nauka/execution/document-104550/> (дата обращения: 10.02.2021).

Таким образом, представляется, что деятельность по созданию робота для целей совершения преступлений в настоящее время не охватывается составами преступлений, предусмотренными действующим УК РФ, и может подлежать правовой оценке только как приготовление к соответствующему преступлению в форме приискания, изготовления либо приспособления средств и орудий его совершения.

В то же время представляется, что если программная и аппаратная части робота, в особенности автономного, приспособлены для совершения им преступлений, указанный робот полностью собран и может быть использован в соответствии с его противоправным назначением, подобная деятельность должна находить адекватную, защитительно-запретительную реакцию со стороны государства, поскольку сама по себе является достаточно общественно опасной.

Думается, причиняющая способность такого робота, то есть объем возможностей по увеличению характера и пределов общественно опасного посягательства, совершаемого с его использованием, сопоставима с оружием и должна надлежащим образом пенализироваться согласно положениям уголовного закона.

Обратим внимание на существенное обстоятельство: настоящие рассуждения касаются роботов, созданных для совершения преступлений и не имеющих в своем составе вооружения, то есть предметов, конструктивно предназначенных для механического поражения как находящейся на удалении цели, так и при непосредственном с ней контакте, а также предметов, способных к внезапному, самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву).

Под признаком приспособленности для совершения преступлений мы понимаем наличие в цифровом коде компьютерной программы робота или в механических системах его аппаратной части элементов, устройств, приспособлений и иных предметов, которые при их использовании в ходе преступной деятельности существенно увеличивают характер и возможности посягательства и/или непосредственно образуют возможность совершения такого посягательства.

Под непосредственным образованием возможности посягательства следует понимать ситуации, когда в цифровом коде компьютерной программы робота содержатся элементы, позволяющие дешифровывать перехватываемые сигналы, а в аппаратной части механизмы, позволяющие перехватывать такие сигналы, к примеру, робот был замаскирован под робот-пылесос и внесен виновным лицом в помещение, где проживал человек, неприкосновенность личной жизни которого виновный планировал нарушить. В данном случае существенно, что в отсутствие внесения противоправных изменений в технические характеристики робота посягательство не могло быть совершено как таковое.

Под увеличением характера и пределов посягательства возможно понимать ситуации, когда робот, исходя из правомерно заложенных в него характеристик, предназначен для осуществления законной деятельности и такая деятельность связана с созданием угрозы причинения вреда (к примеру, роботизированная рука-манипулятор на производстве). В данном примере промышленный робот-манипулятор при захвате управления им может уничтожить имущество, причинить вред здоровью, однако он не способен, в частности, осуществлять негласное получение акустической информации либо перехват информации, передаваемой по цифровым каналам.

В данном случае виновное лицо может увеличить характер посягательства, внося в робота механизмы перехвата либо видеоаппаратуру для неочевидного получения информации. То есть внести изменения, ввиду которых робот может посягать на иные охраняемые законом общественные отношения, а именно на отношения, обеспечивающие применительно к этой ситуации коммерческую тайну. Под совершением действий, увеличивающих в данном случае пределы посягательства, следует понимать, например, увеличение возможностей приводов такой роботизированной руки-манипулятора, ввиду которых она становится способной к уничтожению имущества в крупном размере.

То обстоятельство, что робот, созданный для совершения преступлений, может выполнять, помимо преступных, иные правомерные действия (производственного, хозяйственно-бытового плана), на квалификацию содеянного не влияют.

Появление у робота оружия существенно увеличивает характер и пределы посягательства, ввиду чего ответственность за совершение действий по внедрению в состав робота

вооружения должно влечь более тяжкую ответственность в рамках отдельной уголовно-правовой нормы.

Как нам представляется, создание лишь программной или только аппаратной части робота для совершения преступлений невозможно, поскольку указанные элементы функционируют в тесной взаимосвязи (поведенческие алгоритмы реализуются посредством механических элементов). Ввиду чего действия, направленные на создание робота для совершения преступлений, должны охватывать как программную, так и аппаратную часть.

В дополнение к рассуждениям о необходимости выработки нормы об ответственности за создание робота для совершения преступлений заметим, что такое создание не обязательно должно быть этапом, предшествующим совершению преступления с использованием такого робота. Само «основное» преступление может совершаться одним субъектом, а изготовление робота для его совершения – другим, при этом последний не обязательно является соучастником «основного» преступления. Более того, субъект может специализироваться на создании и последующей реализации роботов для совершения преступлений, что, как представляется, аналогично должно пенализироваться в рамках специальной уголовно-правовой нормы.

Подобная деятельность (распространение предназначенных для преступных посягательств роботов) представляет собой повышенную общественную опасность, поскольку характеризуется определенной специализацией участвующих в ней лиц на совершение противоправных деяний конкретной направленности; создает основу для совершения иных преступлений, осложненных применением роботов; образует обстоятельства, способствующие функционированию организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций).

Исходя из приведенных рассуждений, становится допустимо выделить две формы поведения, которые, как нам видется, должны найти законодательное описание в качестве признаков, характеризующих деяние в новом составе преступления – «создание роботов для целей совершения преступлений» и «распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступлений».

Под созданием представляется возможным понимать:

- деятельность, состоящую в написании цифрового кода компьютерной программы робота, внесении изменений в существующий код (при этом такие изменения могут выражаться в воздействии на любые элементы кода (исходные или дополнительные));
- деятельность, состоящую в получении (полном построении новой или переделке существующей) аппаратной части робота, в результате которой программная и/или программно-аппаратная части приобретают признаки предназначенности для целей совершения преступлений, описанные ранее.

Написание цифрового кода признается оконченным с момента фиксации такого кода в любых символах, на любом языке программирования и на любых материальных носителях (документах, листке бумаги, SSD, HDD, Flash, облачных хранилищах и иных средствах хранения цифровой информации). При этом для признания преступления оконченным указанный код должен содержать достаточные элементы, образующие признаки предназначенности для совершения преступлений. То обстоятельство, что при наличии таких достаточных элементов код все еще не может быть использован для функционирования робота в целях совершения преступлений (к примеру, не написаны иные элементы), на квалификацию содеянного как оконченного преступления не влияет. Аналогичные соображения распространяют также на случаи внесения изменений в уже существующий код компьютерной программы.

В случае с написанием компьютерной программы автономного робота его предназначенность для целей совершения преступлений может быть установлена, если лицо, составляя исходные алгоритмы и закладывая возможность самообучения в любых сферах деятельности, установило направленность, вектор такого обучения на приобретение знаний, навыков, умений и информации, необходимых для совершения преступлений.

Получение аппаратной части робота для целей совершения преступлений признается оконченным с момента, когда соответствующая аппаратная часть объединена с цифровым кодом компьютерной программы, содержащим достаточные элементы, образующие возможность совершения преступлений.

На первоначальном этапе написания компьютерной программы то обстоятельство, что исходный код не содержит достаточные элементы, образующие возможность совершения

преступления, не может исключать направленность умысла лица на создание робота для целей совершения преступлений и, следовательно, исключать квалификации содеянного как приготовления к соответствующему преступлению. При этом об умысле на написание кода именно для совершения преступлений должны свидетельствовать определенные обстоятельства (приискание виновным методов и способов написания такого кода, наличие договоренности с иными лицами о предоставлении аппаратной части и т. д.).

Под распространением роботов, предназначенных для целей совершения преступлений, следует понимать любые формы возмездного или безвозмездного отчуждения в пользу иных лиц роботов, способных по своим тактико-техническим характеристикам быть использованными при совершении преступлений. В то же время распространение может производиться не только в отношении готовых к использованию роботов (в данном случае для признания деяния оконченным требуется, чтобы программная и аппаратная составляющие робота содержали достаточные элементы, образующие их пригодность для целей совершения преступлений). Помимо изложенного, робот может отчуждаться не как единое целое, допустимо отчуждение составных частей (модулей) такого робота, в случае если их разъединение по техническим характеристикам возможно.

Деяние признается оконченным с момента передачи робота либо его составной части (модуля), содержащего элементы, образующие его пригодность для совершения преступлений.

Если деяние маскируется под законную гражданско-правовую сделку, в рамках которой легально передается имущество либо иные объекты гражданских прав, оно признается оконченным с момента оформления соответствующих документов вне зависимости от фактического осуществления их исполнения.

Мы, однако, не исключаем, что одно и то же лицо может самостоятельно или в составе группы выполнять как создание, так и распространение, что обоснованно предполагает усиление ответственности. В любом случае совершение указанных деяний неоднократно, а равно по предварительной договоренности с иными лицами свидетельствует о специализации преступной деятельности и, как представляется, должно влечь более строгое наказание.

Важно обозначить, что деяния, состоящие в вышеописанных создании и распространении, имеют различные характер и степень общественной опасности. Так, если создание оканчивается (де-факто) появлением робота, предназначенного для целей совершения преступлений и, хотя само по себе указанное деяние достаточно общественно опасно, оно не предполагает серийности совершения таких действий. В то же время, хотя серийность и не является обязательным признаком распространения описанных роботов, возможно, обоснованно предположить, что факты означенного распространения могут состоять из множества эпизодов, если лицо или лица специализируются на данной преступной деятельности. Помимо этого, распространение таких роботов в значительной степени создает основу для их незаконного оборота, что видится весьма опасным фактором.

Таким образом, как представляется, санкция нормы должна содержать значительный интервал размера или срока устанавливаемого наказания для обеспечения индивидуализации наказания и его соразмерности реально создавшейся общественной опасности.

Помимо изложенного, представляется, что совершение аналогичных действий применительно к автономному роботу обладает повышенной общественной опасностью и должно пенализироваться в рамках самостоятельной уголовно-правовой нормы.

В подтверждение вышесказанного отметим, что автономный робот обладает повышенным интеллектуальным потенциалом, имитирует когнитивные функции человека, способен к поиску решений и осуществлению действий вне заранее установленного алгоритма, что предопределяет значительно меньший контроль за его деятельностью со стороны человека.

Итак, на основании изложенного, преследуя цель осуществления уголовно-правовыми средствами охраны общественных отношений от противоправных деяний, сопряженных с использованием специально предназначенных для этого роботов, осознавая необходимость обеспечения безопасности государства, общества и личности от преступных посягательств, предотвращения причинения вреда в процессе функционирования таких роботов, находим возможным предложить отдельные нормы об ответственности за создание и (или) распространение роботов (автономных роботов), предназначенных для целей совершения преступлений, изложив их в следующей редакции:

«Статья N. Создание и (или) распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступлений

1. Создание и (или) распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступлений, –

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения, –

наказываются...

Статья N. Создание и (или) распространение автономных роботов, предназначенных для целей совершения преступлений

1. Создание и (или) распространение автономных роботов, предназначенных для целей совершения преступлений, –

наказываются...

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения, –

наказываются...»

Литература

1. Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–119.
2. Бегишев И.Р. Криминологическая классификация роботов: риск-ориентированный подход // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 185–201.
3. Бегишев И.Р. Уголовно-правовые и криминологические аспекты применения робототехники // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4(32). С. 72–79.
4. Волчкова А.А. К вопросу об уголовной ответственности за вред, причиненный роботом // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 580–584.
5. Камалова Г.Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 3. С. 382–388.
6. Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4(44). С. 173–178.
7. Некрасов В.Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 134–140.
8. Семенцова И.А., Фоменко А.И. О концепции уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4(119). С. 119–122.
9. Уваров А.А., Уваров А.А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 5–11.
10. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87.

Begishev Ildar Rustamovich, Senior Researcher, Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Candidate of Law (42, Moskovskaya St., Kazan, 420111, Russian Federation). E-mail: begishev@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR THE CREATION AND (OR) DISTRIBUTION OF ROBOTS INTENDED FOR THE PURPOSE OF COMMITTING CRIMES

Abstract

The activity of creating and distributing robots for the purpose of committing crimes is currently not covered by the elements of crimes provided for by the current criminal legislation, and can be subject to legal assessment only as preparation for the corresponding crime in the form of finding, manufacturing

or adapting the means and tools for its commission. The purpose of the study is to protect public relations from illegal acts involving the use of specially designed robots. The main task of the research is to develop criminal-legal means of preventing and penalizing activities aimed at creating and distributing robots designed for the purpose of committing crimes.

In order to protect public relations from illegal acts involving the use of specially designed robots, realizing the need to ensure the safety of the individual, society and the state from criminal encroachments, to prevent harm in the course of the functioning of such robots, it is advisable to establish criminal liability for the creation and (or) distribution of robots (autonomous robots) intended for the purpose of committing crimes.

Keywords: *robot, robotics, artificial intelligence, digital technologies, digital economy, criminal law, autonomous robot, crime, criminal liability, public danger, public relations, purpose, creation, distribution, turnover.*

References

1. Apostolova N.N. Otvetstvennost' za vred, prichinennyj iskusstvennym intellektom // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 1. P. 112–119.
2. Begishev I.R. Kriminologicheskaya klassifikaciya robotov: risk-orientirovannyj podhod // Pravoprimenenie. 2021. T. 5. № 1. P. 185–201.
3. Begishev I.R. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty primeneniya robototekhniki // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 4(32). P. 72–79.
4. Volchkova A.A. K voprosu ob ugolovnoj otvetstvennosti za vred, prichinennyj robotom // YUridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. P. 580–584.
5. Kamalova G.G. Nekotorye voprosy ugolovno-pravovoj otvetstvennosti v sfere primeneniya sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. 2020. T. 30. № 3. P. 382–388.
6. Kibal'nik A.G., Volosyuk P.V. Iskusstvennyj intellekt: voprosy ugolovno-pravovoj doktriny, ozhidayushchie otvetov // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 4(44). P. 173–178.
7. Nekrasov V.N. Ugolovnaya otvetstvennost' robotov: aktual'nye problemy i napravleniya dal'nejshego razvitiya // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 5. P. 134–140.
8. Semencova I.A., Fomenko A.I. O koncepcii ugolovnoj otvetstvennosti za deyaniya, svyazannye s iskusstvennym intellektom // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2020. № 4(119). P. 119–122.
9. Uvarov A.A., Uvarov A.A. Problemy ispol'zovaniya cifrovyh tekhnologij pri realizacii prav i svobod grazhdan // Pravo i cifrovaya ekonomika. 2020. № 2. P. 5–11.
10. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Novye vektory razvitiya informacionnogo prava v usloviyah civilizacionnogo krizisa i cifrovoj transformacii // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 5. P. 75–87.

МАНИПУЛЯТОРНОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В СОВЕРШЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ПРИЗНАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА

- Пащенко Елена Анатольевна** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: pashenkoea@mail.ru
- Сарибекян Артур Грачинович** аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: saribekyanarthur911@gmail.com

Аннотация

Авторами рассмотрен вопрос о культурном кризисе и его последствиях для изменения уровня вовлеченности в совершение преступлений. Предложен анализ вовлечения в совершение преступлений через воздействие на сознание человека, использование социально-экономических сложностей для подачи измененных религиозных толкований, оправдывающих или предписывающих насилие. Опасность сложившейся ситуации состоит в высоком уровне подготовки манипуляторов, использующих технологии психологического воздействия, методы воздействия на сознание других лиц.

Ключевые слова: *субъект преступления, вовлечение, насильственная преступность, преступления террористической направленности, религиозное толкование, социальные ценности, посягательства против личности, пропагандистский контент, правовое предупреждение преступности, социальные законы.*

Современные условия социокультурного кризиса совершенно логично породили идеологический вакуум, духовное обеднение и рост числа последователей радикальных насильственных методов самореализации. Среди проблемных точек, на которые следует воздействовать в правовом и криминологическом политическом поле, находятся способы, избираемые законодателем и правоприменителем в части предупредительных решений.

Проблемы нравственно-духовной сферы, последствия социальных и правовых реформ государство ощутило на себе с конца 90-х гг. прошлого столетия. За это время выросло поколение, которое сейчас воспитывает своих детей и формирует новые педагогические и мотивационные стандарты. Какие проблемы общество трансформировало из прошлого времени, и какова их внутренняя связь с условиями правового предупреждения преступности?

В современном обществе деформирована система социальных ценностей, религиозных установок и знаний. В этих реалиях мы получаем продукт в виде манипуляторов, готовых к различному воздействию на личность. Через манипуляции и вовлечение происходит склонение к совершению самоубийств, насильственных преступлений и, безусловно, преступлений экстремистской и террористической направленности.

Почему нами объединены в исследовании способы вовлечения в такие разнообъектные преступления, как насильственные посягательства против личности, преступления против общественной безопасности и конституционного строя? Во все эти преступления вовлекают лиц, используя современные психологические технологии (и цифровые в том числе), и индивидуализированный личностный ориентир вовлекаемых лиц. Вовлечение в совершение преступлений, связанных с причинением вреда жизни, здоровью, безопасности личности, общества, государства происходит через способы влияния на тех лиц, которые через время войдут в состав криминальных структур.

Условия вовлечения подчинены учету потребностей, которые возникают у управляемых и подчиняемых лиц. Каждое поколение, а перечисленные преступления совершают, в основном, лица молодого возраста, имеет свои приоритеты и свою характеризующую парадигму. И круг приоритетов, значимых установок у молодых людей, выросших на обломках 90-х годов, чаще всего замыкается на материально-вещевом показателе.

Настоящее время характеризует рост доверия населения к религиозным обычаям и обрядам. Причины такого внимания находятся в социальных законах, над которыми наше товарное общество не властно. Доверие к религии так велико, что оно соперничает с доверием научному знанию, и последнее не всегда выдерживает конкуренцию. Интегративная функция религии способствует проникновению и приспособлению культовых предписаний к политизированной социальной прослойке.

Религия представляет реальную силу, значение которой нецелесообразно умалять, которая способна повлиять на весь объем социальных, духовных и нравственных характеристик личности. Речь не идет о духовных авторитетах, представляющих академические виды толкования религиозных текстов. В настоящей статье разговор о лицах, использующих в своих преступных экономических, социальных интересах недостаточную социокультурную подготовку оппонентов.

Личная или общественная безопасность, которая ставится на разыгрываемую преступную карту – это собственный выбор субъектов уголовной ответственности, но сделанный под манипуляторным воздействием. Этот выбор часто противоречит индивидуальному инстинкту самосохранения, примеры таких манипуляций мы видим в совершении преступлений террористами-смертниками.

Вовлечение в совершение преступлений, связанных с риском для жизни и здоровья самого преступника-исполнителя, заставляет организаторов искать новые способы и механизмы. Молодое поколение, вовлекаемое в преступления террористической направленности, выбирает «горячие» точки, в которых больше платят, и в которых есть шанс сохранить жизнь. При этом, появившийся у вовлекаемых лиц меркантильный интерес, манипуляторы подчиняют своим целям. Идеология насилия предполагает финансовое вознаграждение не только для самого исполнителя преступления, но и, в случае гибели или назначения наказания, связанного с лишением свободы, для его близких лиц.

Однако даже инстинкт самосохранения преодолеваем у внешнего объекта идеологического насилия – смертника. В совершении теракта смертники – это материал, подвергнутый обработке. Способами, изменяющими сознание и наиболее часто используемыми манипуляторами, являются фармакологический и психологический. Распространенность наркотических, психотропных, сильнодействующих веществ при вовлечении в совершение преступлений террористической направленности выводит их на первое место. К последствиям использования таких способов можно отнести и деформацию восприятия религиозных установок, и деформацию общих культурных ориентиров личности. Религиозные нормы и принципы в отсутствие представления о содержании и толковании религиозных источников становятся очень опасным инструментом и оружием в руках манипуляторов.

Фигура террориста, фигура насильника обременена несостоятельной идеологией, извращенным пониманием религиозных предписаний. И в настоящее время продолжает удивлять (в настоящее, потому что начался этот процесс не вчера, и речь о значимости предупредительного поведения ведется давно) непроницаемость и оптимизм лиц, полагающих, что любое прикосновение к религии положительно. Положительной эта причастность к религии будет только в том случае, если это созидательная информация. Именно религиозный экстремизм и терроризм являются наиболее распространенными и опасными. Причина опасности в фанатичном принятии за истину искаженных толкований священных писаний и трактатов.

Катализатором социальных проблем в обществе выступают процессы общественного недовольства или негативной активности, с которыми сталкивается государство. Важным является понимание влияния социальных процессов в государстве в целом на количественно-качественные показатели способов, избираемых манипуляторами для воздействия на своих жертв. Не забываем, сегодняшняя потенциальная жертва манипулятора – это податливый от недостатка правовой и личной культуры, интеллектуально обедненный человек,

который в будущем становится представителем криминального лагеря, готовым на совершение самых опасных преступлений.

Сегодняшняя ситуация в государстве позволяет многогранно реализовать возможности личности, способствует расширению прав и свобод человека и гражданина и дает основание волюнтаристских настроений. Синхронно созревают иные негативные процессы, которые ослабляют институты государственной власти.

Существующие подходы к определению сущности социальных процессов и сущности религии исходят из несовершенства человеческих качеств и недостатка научной и культурной платформы. Человеческое развитие постоянно расширяет границы логического мышления, но любая умственная деятельность имеет как рациональный, так и иррациональный элементы. Пользуясь возможностью влиять на вовлекаемое в совершение преступления лицо, воплощая техники психологического манипулирования, кукловод достигает своих целей через человеческие слабости.

Опасность сложившейся ситуации заключается в том, что мы видим представителей манипулирующего лагеря как подготовленных, осознающих свою власть и реализующих ее через воздействие на сознание других лиц. Это воздействие порождается набором низменных качеств и, в первую очередь, попытками реализовать собственные сложившиеся комплексы через управление подчиняемыми людьми.

Обозначенная нами проблема состоит и заключается в том, что воздействие на сознание человека, вовлекаемого в насильственные и террористические преступления, реализуется через подачу измененных религиозных толкований и разделение для слушателя концептуального и обычно традиционного уровней. На уровне обычаев и традиций вырабатывается ряд систематических условий и условностей, не подвергающихся сомнениям со стороны их исполнителя. Концептуальный же уровень – это более высокий религиозный институт, оформленный в свод религиозных положений, имеющих догматический характер, который манипуляторы используют в качестве материала для ежедневных внушений.

Если рассматривать чувства, на которых играют манипуляторы, это индивидуальное отношение вовлекаемого к себе и внешней реальности. Не напрасно, вербовщики отыскивают своих жертв по набору фраз, свидетельствующих о наличии внутреннего кризиса человека [1]. Опять же, контроль за деятельностью манипуляторов должен быть всеохватывающим, но реалистичность ожиданий не оправдана. По словам М.А. Кочубей, сегодня практически все государства снизили возможность фильтрации пропагандистского контента в связи с глобализацией информационного поля. Удержание госконтроля становится возможным только с помощью специального программного обеспечения [2].

Отношения к нормам религии и морали, которые основываются на вере, складываются в различных ситуациях позитивного и негативного личного опыта отдельного человека. Специфика объективных и субъективных оценок личности вовлекаемого и подбор временных рамок для возможного использования его человеческой слабости – и есть цель манипулятора.

Можно ли сейчас говорить о том, что государство эффективно противодействует тем социальным способам вовлечения личности в совершение преступлений? Политика как особая форма человеческой деятельности должна ориентировать человеческое общество в таком направлении, которое будет благоприятным для консолидации средств и целей, поставленных перед собой любым государством. Россия ставит перед собой вполне корректные цели, но достижимость не всегда своевременна.

Цель любой политической системы состоит в установлении конструктивных взаимоотношений между государством и обществом, между различными социальными субъектами на негосударственном уровне. Интеграция общества и возможность формирования солидарных связей реализуется духовно-нравственной сферой, составляющей которой является и религия.

В любом здоровом государстве будет стремление к политической, социально-экономической стабильности, если эта стабильность обеспечивается только в одной части, это не приведет к общей цельной положительной картине. Анализ всех составляющих государственного регулирования и особенности этого процесса – это попытка выявить возможные спектральные направления в недопущении на государственном уровне вовлечения лиц в потенциальный лагерь насильственных преступников и преступников террористической деятельности.

Когда государство использует недифференцированные однотипные формы и методы преодоления сложившейся ситуации, когда механизм вовлечения представителей молодого поколения в совершение различного рода насильственных преступлений у манипуляторов является столь широко отработанным, следует говорить о недостаточной эффективности предупредительных мер. Опасность такого поведения и вовлечения в совершение преступлений не позволительно умалять или недооценивать. Какие можно предложить способы предупреждения вовлечения, и какие государственно-политические и криминологические политические меры будут являться эффективными?

В государстве должно быть определено содержание ценностей и норм, которые обеспечивают достижение уровня правовой культуры, не позволяющей использовать молодежь в качестве «пушечного мяса» при совершении преступлений. Способы защиты общества не должны допускать дискуссии об отсутствии мер уголовно-правового реагирования на вовлечение в совершение преступлений. Если рассматривать способы защиты индивидуумов от вовлечения, то они должны воплощаться посредством внушения, убеждения, сдерживающих любые агрессивные инстинкты. Достижимость таких результатов возможна через системную и общую работу, направленную на улучшение морально-нравственных и этических характеристик в обществе.

Эффективность политики по предупреждению вовлечения в совершение насильственных преступлений и преступлений террористической направленности не может не предусматривать такого инструмента, как принуждение. В части преступлений террористической направленности законодатель предпринял максимально криминализационные и пенализационные шаги, может позволяющие говорить о достаточности охвата правовой оценкой любых действий, направленных на вовлечение в преступление. Речь, конечно, идет о составах преступлений террористической направленности ст. ст. 205-211 УК РФ¹.

Для лиц, которые условно или безусловно соглашаются на роль вовлекаемого, законодатель также установил барьеры и пороги, которые любую деятельность, где собственный выбор может противоречить нормам закона, относят к преступной.

Сущность политики всегда определяются ее способностью к согласованию интересов, регулирующих социальное взаимодействие в обществе. И, если в этом обществе каждая сторона и вовлекающий, и вовлекаемый будет находиться на достаточном, методически обеспеченном превентивном контроле правоохранительных органов, то таких способов вовлечения будет меньше. Уголовно-правовые запреты достаточны, осталось создать базу для криминалистического (а в настоящее время, чаще всего цифрового информационного) противодействия вовлечения в совершение преступлений.

При этом для вовлекаемых лиц первичен собственный выбор, который они делают, этот выбор противоречит физиологическим инстинктам, значит и влиять на него надо не запретом, который не докажет своей эффективности, а разъяснением статуса находящейся в ручном управлении личности. Человек должен сепарироваться от манипулятора, но разъяснить его зависимое положение для недопущения совершения преступлений, придется государству. Человек, оказавшийся в руках манипулятора, представляет огромную угрозу, что возлагает на государство обязанность предупредительного реагирования. Остро стоит вопрос о необходимости избирать способы предупреждения вовлечения в совершение преступлений только в комплексном показателе.

Литература

1. Кочубей М.А. Предупреждение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации, Международная научно-практическая конференция «Создание воспитательной антитеррористической и антиэкстремистской среды в современном мире (14-15 апреля 2016, г. Санкт-Петербург). Электронный доступ: <https://www.cisatc.org/1289/134/148/8858>. Дата обращения 26.04.2021.
2. Кочубей М.А. Доклад на онлайн-конференции: Экстремизм: инфовойны нового типа. 9 ноября 2020. Электронный доступ: <http://pressmia.ru/pressclub/20201109/952963994.html> Дата обращения 20.04.2021.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

Pashenko Elena Anatolievna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: pashenkoea@mail.ru

Saribekyan Artur Grachikovich, Graduate Student of the Department of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: saribekyanarthur911@gmail.com

MANIPULATIVE INVOLVEMENT IN THE COMMISSION OF VIOLENT AND TERRORIST CRIMES AS A SIGN OF THE SOCIOCULTURAL CRISIS OF SOCIETY

Abstract

The authors have considered the issue of the cultural crisis and its consequences for changing the level of involvement in the commission of crimes. The analysis of involvement in the commission of crimes through the impact on human consciousness, the use of socio-economic difficulties for the submission of modified religious interpretations, justifying or prescribing violence, is offered. The danger of this situation lies in the high level of training of manipulators using technologies of psychological influence, methods of influencing the consciousness of other persons.

Keywords: *subject of crime, involvement, violent crime, terrorist crimes, religious interpretation, social values, attacks against the person, propaganda content, legal crime prevention, social laws.*

References

1. Kochubej M.A. Preduprezhdenie вовлечeniya molodezhi v terroristicheskie i ekstremist-skie organizacii, Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Sozdanie vospitatel'noj antiterroristicheskoy i antiextremistской среды v sovremennom mire (14-15 aprelya 2016, g. Sankt-Peterburg). Elektronnyj dostup: <https://www.cisatc.org/1289/134/148/8858>. Data obrashcheniya 26.04.2021.
2. Kochubej M.A. Doklad na onlajn-konferencii: Ekstremizm: infovojny novogo tipa. 9 noyabrya 2020. Elektronnyj dostup: <http://pressmia.ru/pressclub/20201109/952963994.html> Data obrashcheniya 20.04.2021

УДК 343

DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-2-153-160

МИГРАЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭКСТРЕМИЗМА

Смайлиев аспирант сектора уголовного права и криминологии,
Шамиль уголовно-исполнительного права, Институт государства и права РАН
Тимурович (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10). E-mail: sham_smailiev@mail.ru

Аннотация

Уже долгое время экстремизм признается серьезной угрозой для личности, общества и государства. Данная статья посвящена миграционным процессам как стимулятору экстремистских настроений и детерминанте экстремистских проявлений. Автор раскрывает, что понимается под миграционными процессами и анализирует их влияние на уровень экстремизма в стране. В статье рассмотрены сложности в социальной адаптации иммигрантов, изучен вопрос их правосознания, а также обращено внимание на высокий латентный уровень преступлений экстремистской направленности, совершаемых в отношении иммигрантов. Результаты исследования расширяют знания о противодействии экстремизму и могут быть использованы на практике.

Ключевые слова: *миграция, миграционные процессы, экстремизм, экстремизм в миграционных процессах, экстремизм в условиях миграции, преступления экстремистской направленности, миграционная преступность, детерминанта экстремизма, латентность преступлений экстремистской направленности.*

В последние десятилетия массовый миграционный наплыв приносит с собой усиление межнациональных и межконфессиональных противоречий, обострение общественных отношений, провоцирует рост масштабов и разнообразия форм экстремистских проявлений. Слабо контролируемые и неэффективно продуманные миграционные процессы по всему

миру оказывают огромное социально-экономическое и демографическое воздействие, а также имеют потенциал к обострению отношений между вновь прибывшим населением и коренным (оседлым) населением.

Миграционные процессы во многом становятся стимуляторами радикализации общественных настроений, побуждают к нетерпимости, проявлениям агрессии и насилия. Уместным будет замечание о том, что массовая иммиграция способствует усилению межнациональных и межконфессиональных столкновений, увеличивает напряженность в обществе, побуждает к росту экстремистских проявлений [1, с. 3].

Центральный и сложный вопрос, вызывающий бурную полемику ученых, посвятивших себя изучению явления экстремизма является вопрос о детерминантах экстремизма. Проблемы детерминации общей преступности были рассмотрены в трудах ведущих ученых в криминологии таких, как Ю.М. Антонян [2, с. 126-127], В.Н. Кудрявцев [3, с. 3], А.И. Долгова [4, с. 15], А.Э. Жалинский [5, с. 165-173], И.И. Карпец [6, с. 52], Н.Ф. Кузнецова [7, с. 110] и прочие. Изучением причинного комплекса экстремизма были заняты такие ученые, как Ю.М. Антонян [8, с. 74-81], М.В. Ульянов [1, с. 59], А.В. Петрянин [9, с. 163], А.И. Долгова [10, с. 746], А.М. Багмет [11, с. 17-25], В.С. Кудрин [12, с.1-160] и другие.

Место миграции в причинном комплексе экстремизма исследователями видится по-разному и не получило в настоящее время общепризнанного единства в понимании. Рассмотрим некоторые позиции ученых, исследовавших влияние миграции на экстремизм.

Л.А. Кононов и А.В. Чеботарев в качестве причин нарастания экстремистских проявлений в РФ считают усиление инокультурных, иноконфессиональных, иноэтнических миграционных потоков с их обоснованием в крупных городах отдельных субъектах страны [13, с. 112-114].

С.С. Галахов утверждает, что к числу основных факторов возникновения молодежного экстремизма в РФ относит усиление миграционных процессов, что затрагивает исторически сложившийся этнический баланс населения, следствием чего становятся проблемы в межэтнических отношениях [14, с. 98-99].

К числу детерминант экстремизма, по мнению И.И. Бикеева и А.Г. Никитина, следует отнести миграционные процессы [15, с. 53-78, 80]. Заслуживает внимание авторитетная позиция А.И. Долговой, которая причиной совершения преступлений, в том числе преступлений экстремистской направленности против мигрантов, а также самими мигрантами считала проблемы, преследующие мигрантов социально-экономического, социально-психологического и организационного характера при социализации в новой, непривычной для них общности [16, с. 711].

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации были предусмотрены положения, предотвращающие раскол в обществе. Так, в качестве фактора, порождающего экстремистские проявления, в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации был закреплен фактор «неблагоприятной миграционной ситуации»¹.

Она складывается в виду того, что мигрантам представляется непросто адаптироваться к новой среде, а сама среда не хочет адаптироваться к приезжим и не редко активно противостоит такой адаптации. Подобное противопоставление приводит к взаимному недоверию, неприязни и нежелательным конфликтам. Среди местного (коренного) населения начинают бродить идеи повышенной «криминальности», исходящей от приезжих, а среди иммигрантов – идеи неприязни и недоброжелательности местного населения по отношению к ним.

Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 (далее – Стратегия национальной безопасности), в качестве главных угроз национальной безопасности в области экономики выделяет на ряду с прочими угрозами «неконтролируемую и незаконную миграцию»². В целях противодействия угрозам экономической безопасности рассматриваемая Стратегия национальной безопасности призывает реализовать государственную социально-экономическую политику, предусматривающую

¹ См.: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»

² См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, N 1 (часть II), ст. 212

обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов, в том числе иностранных граждан, с учетом их этнических, языковых и прочих различий, совершенствования миграционного учета, обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах.

Исследователи до сих пор не пришли к единству во мнении о том, что считать миграцией и процессами, связанными с ней. В самом общем смысле словарь Ожегова С.И. предлагает понимать под миграцией перемещение, переселение населения как внутри одной страны, так и из одной страны в другую [17, с. 343]. Такое понятие можно принять и считать его базовым и универсальным, однако оно не предусматривает нюансов смены постоянного (или преимущественного) места жительства, срока (продолжительного или нет), на который совершается миграция, целей и прочих особенностей.

С учетом вышеизложенного, стоит обратиться к наиболее полному и отвечающему целям настоящего исследования определению социолога Л.Л. Рыбаковского. По его мнению, миграцию следует понимать в широком и узком смысле. В широком миграция включает в себя территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц. Продолжительность, регулярность и целевая направленность для широкого смысла миграции значения не имеет. В узком смысле миграция представляет собой вид территориального перемещения, который завершается сменой постоянного места жительства [18, с. 13].

Миграция населения в силу своей многоаспектности и неоднородности позволяет выделить виды миграции, среди которых: международная (межгосударственная) и внутренняя; легальная и нелегальная (незаконная) и прочие. По мнению профессора А.В. Петрянина миграция имеет под собой исключительно экономические предпосылки [9, с. 331]. Данное утверждение не является абсолютно верным, в виду отсутствия полноты. По преимущественной мотивации, лежащей в основе перемещения миграции населения можно выделить: экономическую (трудовая миграция); демографическую (воссоединение родственников, создание новых семей); социальную (поиск лучших условий для жизни, образовательная миграция); политическую (беженцы и прочие вынужденные переселенцы) и другие.

Вне зависимости от вида миграции, в том числе межгосударственной и внутренней, каждому из видов присуще свойство конфликтности, т.е. способности являться потенциальным источником этнических, межконфессиональных конфликтов, лежащих в основе экстремистских проявлений. Так, А.В. Петрянин писал о миграции: «... она стимулирует рост националистических настроений местного населения, влечет за собой возникновения условий для межнациональных конфликтов в процессе борьбы за перераспределение ресурсов» [9, с. 331-332]. Известный академик В.Н. Кудрявцев под конфликтом понимал «осознаваемое людьми столкновение противоположных интересов, стремлений, взглядов, проявляющееся в поведении» [19, с. 107]. Весьма уместно припомнить определение С.В. Алексева, данное этническому конфликту, под которым ученый предлагал понимать конфликты, происходящие между отдельными представителями или группами в составе различных этносов [20, с. 139].

В основе рассматриваемых выше конфликтов сидит прообраз «чужого», который неустанно преследует человечество с доисторических времен. По верному замечанию профессора Ю.М. Антоняна: «Чужой существует потому, что есть свой, свои «мы». Принадлежность к «мы», т.е. к данному сообществу, определяется через «нашу» культуру, ее духовные ценности, обычаи, обряды, традиции» [21, с. 164]. Таким образом, следует искать корни межэтнических, межконфессиональных конфликтов и агрессии в архетипических установках, пронизывающих человеческую сущность и подсознание. Для религиозных фанатиков граница между своим и чужим прочерчивается верой и толкованием религиозных предписаний.

Одной из особенностей иммигрантов является их слабая правовая осведомленность об экстремизме. О роли самого права в формировании правомерного и предупреждении преступного поведения говорилось еще в советский период [22, с. 3-8]. Российское право сегодня не утратило своей функции мощного регулятора поведения, продолжает и сегодня создавать стимулы и предпосылки для принятия поведенческих решений. Однако, если мигрант не знает действующего российского законодательства в целом и в частности, законодательства, противодействующего экстремизму? Как быть в этом случае? По общему правилу незнание закона не освобождает от уголовной ответственности.

Законодательное регулирование в области противодействия экстремизму не является исключением из общего правила и уголовная ответственность иммигрантов за совершение преступлений экстремистской направленности наступает по общим основаниям наступления уголовной ответственности. Всё же следует отметить, что непонимание и незнание уголовного закона, выступающего регулятором отношений в области противодействия экстремизму затрудняет криминологическое предупреждение, а вместе с тем и противодействие преступлениям экстремистской направленности в виду того, что иммигранты не информируются о возможных последствиях того или иного поведения (деяния), которое может квалифицироваться как экстремизм.

Должное информационное обеспечение иммигрантов, желающих пройти границы РФ, а также иммигрантов, уже находящихся на территории РФ позволит возложить ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности на территории РФ. Результаты проведенного социологического исследования позволяют заключить, что общий уровень правосознания иммигрантов находится на низком уровне.

Общепризнано, что право является важнейшим инструментом управления поведением людей, закрепляет, регулирует и провозглашает ответственность за совершение преступлений в целом и преступлений экстремистской направленности в частности. Поведение мигранта есть процесс, протекающий во времени, в пространстве и включает в себя не только сами действия, но и предшествующие этим действиям психологические процессы и явления. Как и любой другой человеческий поступок, деяние, направленное на охраняемые законом отношения в области противодействия экстремизму, проходит в своем развитии определенные этапы: как внутренние (формирование элементов деяния), так и внешние (осуществления деяния вовне). Нельзя не согласиться с академиком В.Н. Кудрявцевым: «Вообще всякий сознательный акт поведения почти всегда подготовлен более или менее длительным процессом формирования мотивов, планирования и принятия решения о его осуществлении. Ему предшествует ряд этапов психологической деятельности субъекта, которые постепенно формируют направленность поступка и его фактическое выполнение» [22, с. 18].

Не стоит впадать в крайность и переоценивать роль, значение права и считать, что только право способно полностью диктовать, какое поведение нужно выбирать представителям общества. Следует отметить, что право идет в дополнение к экономическим, политическим, культурным и социальным условиям жизни как коренного населения, так и вновь прибывшего (иммигрантов). Осознание норм, регулирующих отношения в области противодействия экстремизму, безусловно является стимулятором субъектов к правомерным поступкам и не совершению экстремистских деяний. Информационное значение в противодействии преступлениям экстремистской направленности сложно переоценить. Знание основ экстремистского законодательства способно оказать предупреждающее значение как для граждан РФ, так и для иммигрантов по следующим основаниям:

- 1) Уяснение позиции государства по вопросам, связанным с экстремизмом;
- 2) Ценностная нагрузка, содержащаяся в нормах законодательства посвящённого противодействию экстремизму, обладающей большой воспитательной силой;
- 3) Превентивное воздействие от знания и уяснения карательных санкций за экстремистские проявления;
- 4) Незнание правовых предписаний в области противодействия экстремизму – одна из причин их нарушения.

На основании вышеизложенного предлагается информирование населения, взаимодействующего с иммигрантами, а также информирование самих иммигрантов по следующим элементам уголовно-правовых и административных предписаний, обеспечивающих противодействие экстремизму:

- 1) Понимание основных признаков экстремистских деяний;
- 2) Уяснение общественной опасности и противоправности экстремистских деяний;
- 3) Представление о санкциях, карающих за совершение экстремистских деяний.

Отдельные авторы, рассматривая состояние и динамику насильственных преступлений экстремистской направленности, указывали на низкий удельный вес насильственной экстремистской преступности среди общей преступности, регистрируемой в стране, – этим самым недооценивая разрушительную мощь, вредоносность, общественную опасность и

преступный результат для личности, общества и государства от экстремистских деяний [1, с. 41]. Весьма кстати будет вспомнить Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации, в которой декларируется «Количество преступлений экстремистской направленности достаточно мало по сравнению с общим количеством иных совершаемых на территории Российской Федерации преступлений, однако каждое такое преступление способно вызвать повышенный общественный резонанс и дестабилизировать внутривнутриполитическую и социальную обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом»¹.

Немаловажным остается вопрос об уровне латентности преступлений экстремистской направленности. О высоком уровне искусственной латентности преступлений экстремистской направленности уже утверждалось в научных кругах [23, с. 22;]. А.В. Петрянин, исследовав практические проблемы применения норм, касающихся противодействия экстремизму, выделил ряд причин высокого уровня латентности преступлений экстремистской направленности, среди которых отметил правовой нигилизм и широкомасштабную миграцию [9, с. 324]. Во многих случаях иммигранты не спешат в обстоятельствах претерпевания актов дискриминации, непосредственно выраженных в форме насилия и вражды обращаться с заявлениями в правоохранительные органы. До общественности и правоохранительных органов, как правило, доходит лишь незначительная часть рассматриваемых явлений, которые в большей мере совершаются демонстративно, вызывая общественный резонанс. А. Кутягин в ходе исследования положения нелегальных иммигрантов отмечал высокую распространённость трудовых форм эксплуатации (задержка или невыплата заработной платы и прочее), принуждение к секс-услугам, психологическое насилие, угрозы, шантаж, изъятие паспортов, ограничение свободы передвижений и прочие проявления [24, с. 35].

Особую сложность вызывает вопрос о зависимости изменения числа мигрантов от изменения числа преступлений экстремистской направленности. Незаконная миграция, которая не поддается четкому количественному определению, а также отмеченный ранее высокий уровень латентности преступлений экстремистской направленности, делают весьма проблематичным выявление тенденций и зависимостей между рассматриваемыми явлениями. Кажется верным утверждение М.В. Ульянова о высоких показателях зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае и Новосибирской области, поскольку указанные регионы являются центрами миграционного притока РФ [1, с. 63].

Результатом исследования статистических показателей десятков государств Европейского Союза стало знание о том, что уровень распространения «преступлений ненависти» не столько зависит от экономических факторов, сколько от пропорциональности размера иммигрантской общины. Причем, в ряде государств большее распространение получили преступления со стороны мигрантов в отношении местного населения, а не наоборот [25, с. 139-160].

По данным, обнародованным Генеральной прокуратурой РФ, с 2016 года в стране замечено снижение преступности среди мигрантов (с 43,9 тысяч преступлений до 34, 4 тысяч преступлений). Большинство лиц, совершивших преступления, являются гражданами бывших союзных республик. Почти треть преступлений пришлись на Москву и Московскую область (11,5 тыс. преступлений). В столице наблюдается увеличение на 11, 3 % преступлений среди мигрантов². По итогам проведенного анализа, М.В. Ульяновым были получены следующие сведения: Около 50 % насильственных преступлений экстремистской направленности были совершены в отношении иностранных граждан, большинство из которых являются гражданами главных доноров трудовой миграции: Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и прочие [1, с. 41].

Еще в советское время академиком В.Н. Кудрявцевым было указано, что важнейшей задачей криминологии является глубокое раскрытие причин преступности в обществе [3, с. 3]. Раскрытие детерминант экстремизма послужит верной и прочной основой эффективной разработки мер по предупреждению и борьбе с преступностью экстремистского характера. Современное развитие общественных отношений, изменения, вызванные глобализацией общества, когда привязка человека к определенной географической территории теряет

¹ Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»

² См.: Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru>

былое значение, а границы между государствами постепенно стираются, подчеркивает остроту в потребности в глубокой, своевременной, полной, качественной оценке экстремистской обстановки. Изучение характера и причин экстремистской обстановки в условиях миграции, достоверное отслеживание ее изменений и тенденций, выявление актуальных проблем, краткосрочное и долгосрочное прогнозирование и планирование миграционных процессов и своевременное, научное обоснованное законодательное регулирование во многом отражает сегодняшнюю потребность законопослушного большинства российского общества.

Исходя из проведенных социологических исследований, можно сделать вполне логичный вывод о том, что миграция населения выступает в качестве одной из основных детерминант экстремистских деяний. Однако официальная статистика зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и статистика, показывающая число мигрантов, находящихся в пределах территории РФ, сильно занижена. Расхождение между официальными данными статистики и фактическим положением побуждает к реальному изучению динамики преступлений экстремистской направленности в зависимости от интенсивности миграционного потока.

В качестве отдельного направления по противодействию экстремизму следует выделить эффективное планирование и реализацию миграционной политики, исходя из чего прослеживается потребность в:

- 1) укреплении толерантности;
- 2) выработке научно обоснованных способов адаптации иммигрантов;
- 3) повышении уровня правосознания;
- 4) четком в планировании распределения квот для предоставления мигрантам, с учетом внутренней безработицы и нехватки рабочих мест для граждан РФ;
- 5) усилении мер по противодействию незаконной миграции;
- 6) контроле за целенаправленной профилактической деятельностью национальных (этнических) диаспор, расположенных в регионах, на предмет их превентивного призыва к терпимости, отказу от насилия, агрессии и жестокости по отношению к представителям других этносов, религий, рас и прочих отличительных особенностей.

Литература

1. *Ульянов М.В.* Миграционные процессы в системе детерминант экстремистской преступности: монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф. В.В. Меркурьева. М.: Юрлитинформ, 2019. 176 с.
2. *Антонаян Ю.М.* Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2006. 304 с.
3. *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М.: «Юридическая литература», 1968. 176 с.
4. *Долгова А.И.* Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011. 665 с.
5. *Жалинский А.Э.* Обновление криминологии // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2.
6. *Карпец И.И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976. 224 с.
7. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации / Под ред. Кудрявцева В.Н. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.
8. Экстремизм и его причины: монография / *Ю.М. Антонаян, А.В. Ростокинский, Я.И. Гилинский* [и др.]; под ред. Ю. М. Антонаяна. М.: Логос, 2020. 312 с.
9. *Петрянин А.В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.08. Нижний Новгород, 2015. 501 с.
10. Криминология : учебник / Под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 1008 с.
11. Молодежный экстремизм. Понятие и противодействие : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / *А.М. Багмет, В.В. Бычков, Л.В. Голоскоков* ; под общ. ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 319 с.

12. Кудрин В.С., Юдина А.И. Молодежный экстремизм: причины возникновения, технологии предупреждения : учеб. пособие для студентов. Кемерово : Кемеров. гос. ин-т культуры, 2016. 160 с.
13. Кононов Л.А., Чеботарев А.В. Взаимосвязь экстремизма и современных миграционных процессов как предмет политологического исследования // Государственное управление. Электронный вестник Выпуск № 70. Октябрь 2018.
14. Галахов С.С. и др. Экстремизм в современном обществе. Социальные и криминологические аспекты: монография. М., 2014.
15. Бикеев И.И., Никитин А.Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование. Казань, 2011.
16. Криминология / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1999. 779 с.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 60 000 слов и фразеологических выражений. 25-е изд., испр. и доп. / общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: Оникс; Мир и образование, 2007. 972 с.
18. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории): монография. М., 2003. 239 с.
19. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. 285 с.
20. Конфликтология: учеб. Пособие для бакалавров / Отв. ред. А.Я. Гуськов. М., 2013. 171 с.
21. Природа этнорелигиозного терроризма / Ю.М. Антонян, Г.И. Белокуров, А.К. Боковиков и др.; Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008. 364 с.
22. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978. 192 с.
23. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом : Уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов-на-Дону, 2003. 28 с.
24. Кутьин А.Д. Виктимология миграционных процессов в России // Профессионал. 2007. № 2.
25. Van Kesteren J. Assessing the risk and prevalence of hate crime victimization in Western Europe // International Review of Victimology. 2016. V. 22 (2). P. 139-160.

Smailiev Shamil Timurovich, *Postgraduate Student of Correspondence Course of the Sector of Criminal Law and Criminology, Criminal Executive Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10, Znamenska St., Moscow, 119019, Russian Federation). E-mail: sham_smailiev@mail.ru*

MIGRATION AS A DETERMINANT OF EXTREMISM

Abstract

For a long time, extremism has been recognized as a serious threat to individuals, society and the state. This article is devoted to migration processes as a stimulator of extremist sentiments and a determinant of extremist manifestations. The author reveals what is meant by migration processes and analyzes their impact on the level of extremism in the country. The article examines the difficulties in the social adaptation of immigrants, studies the issue of their legal awareness, and also draws attention to the high latent level of extremist crimes committed against immigrants. The research results expand knowledge about countering extremism and can be used in practice.

Keywords: *migration, migration processes, extremism, extremism in migration processes, extremism in the context of migration, extremist crimes, migration crime, the determinant of extremism, latency of extremist crimes.*

References

1. Ul'yanov M.V. Migracionnye processy v sisteme determinant ekstremistskoj prestupnosti: monografiya / Pod red. dokt. jurid. nauk, prof. V.V. Merkur'eva. М.: YUrlitinform, 2019. 176 p.
2. Antonyan YU.M. Pochemu lyudi sovershayut prestupleniya. Prichiny prestupnosti. М., 2006. 304 p.
3. Kudryavcev V.N. Prichinnost' v kriminologii (O strukture individual'nogo prestupnogo povedeniya). М.: «YUridicheskaya literatura», 1968. 176 p.
4. Dolgova A.I. Kriminologicheskie ocenki organizovannoj prestupnosti i korrupcii, pravovye batalii i nacional'naya bezopasnost'. М., 2011. 665 p.
5. ZHalinskij A.E. Obnovlenie kriminologii // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. 2011. № 2.
6. Karpec I.I. Sovremennye problemy ugovolnogo prava i kriminologii. М., 1976. 224 p.

7. Kuznecova N.F. Problemy kriminologicheskoy determinacii / Pod red. Kudryavceva V.N. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 208 p.
8. Ekstremizm i ego prichiny : monografiya / YU. M. Antonyan, A. V. Rostokinskij, YA. I. Gilinskij [i dr.] ; pod red. YU. M. Antonyana. M.: Logos, 2020. 312 p.
9. Petryanin A.V. Konceptual'nye osnovy protivodejstviya prestupleniyam ekstremistskoj napravlenosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie : dissertaciya ... doktora juridicheskikh nauk : 12.00.08. Nizhnij Novgorod, 2015. 501 p.
10. Kriminologiya : uchebnik / Pod obshch. red. A. I. Dolgovoij. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 1008 p.
11. Molodezhnyj ekstremizm. Ponyatie i protivodejstvie : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudenciya» po special'nostyam «Pravovoe obespechenie nacional'noj bezopasnosti», «Pravoohranitel'naya deyatel'nost'» / A.M. Bagmet, V.V. Bychkov, L.V. Goloskokov ; pod obshch. red. A.M. Bagmeta. M.: YUNITI-DANA, 2020. 319 p.
12. Kudrin V.S., YUdina A.I. Molodezhnyj ekstremizm: prichiny vznikoveniya, tekhnologii preduprezhdeniya : ucheb. posobie dlya studentov. Kemerovo: Kemerov. gos. in-t kul'tury, 2016. 160 p.
13. Kononov L.A., CHEbotarev A.V. Vzaimosvyaz' ekstremizma i sovremennykh migracionnykh processov kak predmet politologicheskogo issledovaniya // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik Vypusk № 70. Oktyabr' 2018.
14. Galahov S.S. i dr. Ekstremizm v sovremennom obshchestve. Social'nye i kriminologicheskie aspekty: monografiya. M., 2014.
15. Bikeev I.I., Nikitin A.G. Ekstremizm: mezhdisciplinarnoe pravovoe issledovanie. Kazan', 2011.
16. Kriminologiya / Pod obshch. red. A.I. Dolgovoij. M., 1999. 779 p.
17. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: okolo 60 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 25-e izd., ispr. i dop. / obshch. red. prof. L.I. Skvorcova. M.: Oniks; Mir i obrazovanie, 2007. 972 p.
18. Rybakovskij L.L. Migraciya naseleniya (voprosy teorii): monografiya. M., 2003. 239 p.
19. Kudryavcev V.N. Prichiny pravonarushenij. M., 1976. 285 p.
20. Konfliktologiya: ucheb. Posobie dlya bakalavrov / Otv. red. A.YA. Gus'kov. M., 2013. 171 p.
21. Priroda etnoreligioznogo terrorizma / YU.M. Antonyan, G.I. Belokurov, A.K. Bokovikov i dr.; Pod red. YU.M. Antonyana. M.: Aspekt Press, 2008. 364 p.
22. Kudryavcev V.N. Pravo i povedenie. M.: YUrid. lit., 1978. 192 p.
23. Fridinskij S.N. Bor'ba s ekstremizmom : Uголовno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty : avtoreferat dis. ... kandidata juridicheskikh nauk : 12.00.08 / Rost. yurid. in-t MVD RF. Rostov-na-Donu, 2003. 28 p.
24. Kut'in A.D. Viktimologiya migracionnykh processov v Rossii // Professional. 2007. № 2.
25. Van Kesteren J. Assessing the risk and prevalence of hate crime victimization in Western Europe // International Review of Victimology. 2016. V. 22 (2). P. 139-160.

ОСНОВНЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПОРУЧИТЕЛЬСТВЕ (ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ПОРУЧИТЕЛЬСТВЕ» ОТ 24 ДЕКАБРЯ 2020 ГОДА № 45)

Ломидзе Ольга Георгиевна	доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
Ломидзе Эдуард Юрьевич	кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: pismabudut@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются основные позиции Верховного Суда Российской Федерации по договору поручительства с учетом последнего акта легального толкования по данному вопросу. В статье обсуждается правовая природа поручительства и корректировка судебной практики в связи с изменением правового регулирования договора поручительства. В статье предлагается вариант решения спора в ситуации, когда поручитель заранее дал согласие отвечать перед кредитором при переводе на другое лицо долга по основному обязательству.

Ключевые слова: регулирование поручительства, виды поручительства, исполнение обязательства, срок поручительства, досрочное исполнение, акт легального толкования, гражданское законодательство, согласие на совершение сделки, отзыв акцепта.

24 декабря 2020 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» № 45 (далее – Пленум № 45, Пленум). Воспринимая по ряду вопросов позиции, выраженные в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 года № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством», Пленум № 45 продвигает интерпретацию положений о поручительстве на новый уровень. Структура постановления Пленума позволяет обеспечить достаточный объем разъяснений для единообразного применения судами положений Гражданского кодекса Российской Федерации о поручительстве.

В настоящей статье мы отметим несколько наиболее на наш взгляд важных подходов и удачных решений, получивших отражение в Пленуме.

1. Правовая природа поручительства

Основной вопрос, влияющий на регулирование поручительства и толкование всех положений § 5 главы 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также Кодекс) – о правовой природе поручительства, а именно о том, принимает ли поручитель на себя самостоятельное обязательство перед кредитором либо он становится «содолжником» в обеспечиваемом обязательстве. От его решения зависят, среди прочего, пределы признаваемой свободы соответствующего договора.

В Пленуме № 45 получил отражение подход, согласно которому поручитель принимает на себя самостоятельное обязательство перед кредитором, поручитель не является должником в основном (обеспеченном поручительством) обязательстве.

Опираясь именно на этот общий подход, в Пленуме № 45 признаны:

- возможность обеспечения обязанностей поручителя перед кредитором (неустойкой, залогом, поручительством, независимой гарантией и др.) – пункты 1, 18 Пленума;
- возможность обеспечения поручительством неденежного обязательства – пункт 2 Пленума (обязанность поручителя исполняется им в денежной форме);
- возможность обеспечения поручительством внедоговорных обязательств, в том числе возникших из деликтов, и тех, которые возникнут в будущем – пункт 3 Пленума;
- возможность заключения договора поручительства под отменительным или отлагательным условием (статья 157 Кодекса, пункт 8 Пленума).

Самостоятельность обязательства поручителя перед кредитором объясняет отсутствие необходимости получения согласия должника для заключения договора поручительства и даже уведомления должника о заключении такого договора (пункт 4 Пленума). Возможные злоупотребления (недобросовестные согласованные действия кредитора и поручителя, направленные на заключение договора поручительства исключительно с целью изменения его подсудности), если о них будет своевременно заявлено (до представления первого заявления ответчика по существу спора в суде первой инстанции) и они будут доказаны, преодолеваются посредством игнорирования договора поручительства при определении подсудности спора (пункт 52 Пленума № 45).

Данная характеристика объясняет суброгацию. Она же влияет на решение вопроса о возражениях, которые поручитель вправе заявлять против требований кредитора. В пункте 17 Пленума разъяснено, что наряду с возражениями, которые возникают в отношениях кредитора и должника, поручитель вправе заявлять возражения, основанные на его отношениях с кредитором. Также разъяснено, что условия договора поручительства, ограничивающие такие возражения, ничтожны (со ссылкой на пункт 1 статьи 361 и пункт 2 статьи 168 Кодекса).

Рассматриваемая характеристика обязательства влияет на решение Кодексом и Пленумом № 45 вопроса об объеме ответственности поручителя наследодателя после открытия наследства. Пленум признает неподлежащим применению пункт 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Тем самым устраняет из интерпретационного акта Верховного Суда Российской Федерации разъяснение, не соответствующее действующему правовому регулированию¹.

Договор поручительства – это соглашение поручителя и кредитора, он не зависит (если в нем не указано иное) от отношений поручителя и должника, что получило отражение в пункте 29 Пленума.

Поручительство – это акцессорное обязательство, зависит от судьбы основного: прекращается по общему правилу при прекращении основного обязательства (пункт 30 Пленума № 45). При этом Пленум № 45 обращает внимание на то, что действие поручительства не находится в прямой зависимости от действия договора между должником и кредитором, поскольку расторжение договора вовсе не означает прекращение возникшей из него правовой связи сторон – пункт 31 Пленума.

¹ Напомним, что Федеральным законом от 08 марта 2015 года № 42-ФЗ внесены изменения в положения пункта 3 статьи 364 и пункта 4 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации. Изменения вступили в силу с 1 июня 2015 года. Данными изменениями нивелированы расхождения в толкованиях, которые были даны ранее Верховным судом Российской Федерации и Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, по вопросу о необходимости согласия поручителя отвечать за наследников должника и по вопросу об объеме ответственности поручителя в случае смерти должника (пункт 20 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 года №42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством», пункт 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года №9 «О судебной практики по делам о наследовании»). Позиция, изложенная в пункте 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года №9, была также продублирована в пункте 9 Обзора ВС РФ от 22.05.2013.

2. Виды поручительства

Пленум № 45 в пунктах 11-15 закрепляет следующие основные классификации поручительства:

- поручительство с солидарной ответственностью поручителя и должника и субсидиарной ответственностью поручителя за должника (основание деления – характер обязательства поручителя), по умолчанию, если сторонами не согласовано иное, ответственность солидарная;
- поручительство одного лица и поручительство нескольких лиц (классификация по количеству поручителей);
- для поручительства нескольких лиц: совместное (сопоручительство) и отдельное поручительство (классификация по критерию наличия множественности в обязательстве на стороне поручителя);
- для сопоручительства: сопоручительство с солидарной обязанностью (ответственностью) сопоручителей и сопоручительство с ограничением ответственности каждого сопоручителя перед кредитором (когда каждый по общему правилу отвечает в своей части) – по характеру обязательства.

При отдельном поручительстве каждый поручитель отвечает сам за себя, в рамках своего обязательства, кредитор при этом по общему правилу может предъявить свои требования к любому. При исполнении одним из таких поручителей обязательства задолжника к нему в порядке суброгации переходят права кредитора, в том числе основанные на других поручительствах.

Сопоручители реализуют волю совместно претерпевать последствия неисполнения основного обязательства должником, распределить эти последствия между собой (наблюдаем множественность в обязательстве поручительства на стороне поручителя). В отличие от отдельного поручительства последствием исполнения одним из сопоручителей обязательства должника является по общему правилу регресс (т.е. сопоручитель, исполнивший обязательство, имеет право регрессного требования к остальным сопоручителям в равных долях, за вычетом доли, подающей на него самого). Указание на регресс в рассматриваемой ситуации является следствием наличия специальной нормы подпункта 1 пункта 2 статьи 325 Гражданского кодекса Российской Федерации, которой корреспондирует пункт 3 статьи 363 Кодекса.

Квалификация поручительства как совместного или отдельного может вызывать затруднения. Между тем от нее зависят практически важные последствия. В частности, возможность солидарного взыскания с поручителей задолженности, последствия исполнения поручителем обязанности (суброгация или регресс), течение срока исковой давности (статья 201 Кодекса или пункт 3 статьи 200 Кодекса). Пленум № 45 указывает следующий ориентир: при отсутствии четких условий договора, свидетельствующих о совместном поручительстве, о таком характере поручительства (пока не доказано иное) свидетельствует заключение договора с аффилированными лицами.

К сопоручителям применяются правила подпункта 1 пункта 2 статьи 325 Гражданского кодекса Российской Федерации, в том числе при банкротстве одного из них.

В Пленуме дано разъяснение, согласно которому правило о совместном поручительстве применяется также при совместной выдаче обеспечения поручителем залогодателем, не являющимся должником по обязательству – пункт 15 Пленума № 45.

3. Последствия исполнения поручителем обязательства кредитором

Общее последствие исполнения поручителем обязательства – суброгация, которая является разновидностью перехода прав и обязанностей на основании закона (статья 387 Кодекса).

Отметим весьма важную интерпретацию пункта 1 статьи 365 Кодекса, которая получила отражение в пункте 18 Пленума № 45.

Согласно пункту 1 статьи 365 Кодекса к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора. Поручитель **также вправе** (выделено нами) требовать от должника уплаты процентов

на сумму, выплаченную кредитору, и возмещения иных убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника.

Пункт 18 Пленума № 45 повторяет указание Кодекса на суброгацию в качестве общего правила, и далее разъясняет: **вместо суммы**, определенной в порядке суброгации, поручитель вправе потребовать от должника сумму фактически уплаченного кредитору, а также проценты на основании статьи 395 Кодекса, начисленные на эту сумму. Уточнено, что это толкование относится ко второму предложению пункта 1 статьи 365 Кодекса.

Пленум поясняет, что и в первом, и во втором случаях речь идет о переходе прав кредитора к поручителю, исполнившему обязательство перед кредитором. Это не влияет на течение срока исковой давности по требованиям к должнику (статья 201 ГК РФ).

Кодекс содержит положение, призванное не допустить «двойное» исполнение обязательства перед кредитором, т.е. и должником, и поручителем. Пункт 2 статьи 366 Кодекса возлагает на должника, исполнившего обязательство, обеспеченное поручительством, обязанность известить об этом поручителя немедленно. При нарушении должником этого правила, следствием которого явится исполнение поручителем (наряду с должником) обязательства перед кредитором, поручителю предоставлен выбор: взыскать с кредитора неосновательно полученное или предъявить регрессное требование к должнику. При этом установлены последствия реализации поручителем своих требований к должнику: должник в этом случае вправе взыскать с кредитора лишь неосновательно полученное.

Т.е. Кодекс вводит негативные последствия для должника, не предпринявшего мер для исключения двойного исполнения, если оно произошло.

Пленум дает разъяснение, корректирующее данное негативное последствие для ситуации, в которой такое двойное исполнение произошло по причинам, зависящим также и от кредитора. Согласно пункту 22 Пленума если кредитор умышленно совершил действия, направленные на получение удовлетворения от поручителя, несмотря на то, что обязательство прекратилось исполнением должника, последний также вправе потребовать возмещения и иных убытков (пункт 4 статьи 1, пункт 2 статьи 366 и пункт 4 статьи 401 Кодекса).

4. Корректировка толкования в связи с изменением правового регулирования

Поручительством достаточно часто обеспечиваются заемные и кредитные обязательства. Одним из востребованных способов защиты нарушенного заемщиком права кредитора в этих обязательствах является предъявление кредитором требования о досрочном возврате суммы займа.

Реализация заемщиком возможностей, установленных пунктом 2 статьи 811 Кодекса в виде предъявления кредитором требования о досрочном возврате суммы займа (кредита) изменяет срок исполнения обязательства по возврату суммы долга (кредита). В том числе для ситуации согласования с заемщиком графика аннуитетных платежей.

Предъявление требования о досрочном исполнении обязательства кредитором является действием кредитора по защите своего права. Но влияет ли это на его отношения с поручителем? Вправе ли кредитор предъявить требование не только к должнику, но и к поручителю, исходя из акцессорного характера поручительства?

Данный вопрос сопряжен с иным, не менее актуальным, а именно с вопросом о правилах исчисления годового срока для ситуации, в которой кредитор вправе предъявить свое требование досрочно, при этом срок поручительства в договоре поручительства не установлен (абзац первый пункта 6 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Напомним, что пункт 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 12 июля 2012 года № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» содержал следующее разъяснение по отмеченному вопросу: «В случае если у кредитора, требования которого обеспечены поручительством, не содержащим условие о сроке его действия, возникло право потребовать досрочного исполнения обязательства (например, в соответствии с пунктом 2 статьи 811 ГК РФ), годичный срок для предъявления требования к поручителю исчисляется со дня, когда кредитор предъявил к должнику требование о досрочном исполнении обязательства, если только иной срок или порядок его определения не установлен договором поручительства».

Схожее разъяснение содержал Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 года.

Между тем Пленум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 12 июля 2012 года № 42 был принят до внесения изменений в положения Кодекса о поручительстве Федеральным законом от 08 марта 2015 года № 42-ФЗ.

Пункт 2 статьи 367 Кодекса в редакции указанного Федерального закона устанавливает следующее правило относительно последствий изменения обеспеченного поручительством обязательства без согласия поручителя: если такое изменение влечет увеличение ответственности или иные неблагоприятные последствия для поручителя, то поручитель отвечает на прежних условиях.

В качестве одного из неблагоприятных для поручителя последствий изменения обеспеченного поручительством обязательства Пленум № 45 рассматривает уменьшение срока исполнения основного обязательства.

Со ссылкой на положение пункта 2 статьи 367 Кодекса в пункте 24 Пленума, посвященном последствиям несогласованного с поручителем увеличения или уменьшения срока исполнения основного обязательства, закреплено толкование, согласно которому «в случае уменьшения срока исполнения основного обязательства без согласия поручителя кредитор вправе требовать от поручителя исполнения его обязанности после истечения срока основного обязательства, который был установлен первоначально» (абзац второй пункта 24 Пленума № 45).

При внешней видимости поддержки интересов поручителя данное толкование вряд ли можно отнести к «пропоручительским». Оно по своей сути «прокредиторское».

Разъяснение соответствует общему подходу о самостоятельности обязательства поручителя. Однако с практической точки зрения, очевидно, что поручитель, как правило, принимает на себя соответствующие обязательства по просьбе должника, будучи так или иначе с ним связанным, в том числе возмездным договором. Должник, при предъявлении к нему требования досрочно со ссылкой на пункт 2 статьи 811 Кодекса, будет рассчитывать, в том числе, и на поручителя.

Поручитель, в свою очередь, всегда заинтересован в максимальном сокращении срока действия своего обязательства. Т.е. в исчислении годичного срока для ситуации, в которой срок поручительства в договоре поручительства не установлен (абзац первый пункта 6 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации), с более ранней даты.

По сути, реализация требования о досрочном исполнении в порядке пункта 2 статьи 811 Кодекса не способна сократить годичный срок действия поручительства, однако в ситуации, когда этот срок не установлен договором, способна повлиять на даты его начала и окончания.

Между тем вопреки кредитором досрочно обращаться к поручителю, в том числе при реализации им права согласно пункту 2 статьи 811 Кодекса, было бы очевидной ошибкой обусловить срок действия поручительства новым (сокращенным) сроком исполнения своего обязательства должником. Ведь при таком подходе пресекательный срок действий поручительства может быть исчерпан до того момента, когда кредитор будет вправе предъявить требования к поручителю в соответствии с первоначально согласованными условиями основного обязательства.

В пункте 44 Пленума № 45 со ссылкой на пункт 6 статьи 367 Кодекса закреплено следующее толкование: «предъявление кредитором к должнику требования о досрочном исполнении основного обязательства, в том числе когда срок исполнения в силу закона считается наступившим ранее, чем предусмотрено условиями этого обязательства, не сокращает срок действия поручительства, определяемый исходя из первоначальных условий основного обязательства. В этом случае срок действия поручительства исчисляется исходя из первоначальных условий основного обязательства, как если бы не было предъявлено требование о досрочном исполнении обязательства».

Предъявление кредитором к должнику требования о досрочном исполнении обязательства согласно абзацу второму пункта 6 статьи 367 Кодекса не сокращает срок действия поручительства, определяемый исходя из первоначальных условий основного обязательства.

Однако, как отмечено выше, реализация требования о досрочном исполнении в порядке пункта 2 статьи 811 Кодекса не способна сократить годичный срок действия поручительства. Она может лишь повлиять на даты его начала и окончания (при отсутствии условия о сроке в договоре).

Толкование Пленума № 45 для ситуаций несогласованного с поручителем досрочного предъявления кредитором своего требования к должнику в порядке пункта 2 статьи 811 Кодекса «разрывает» срок действия поручительства с наступлением срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства.

Положения пунктов 24 и 44 Пленума № 45 исходят из того, что уменьшение срока исполнения основного обязательства без согласия поручителя ни при каких условиях не влияет на отношения кредитора и поручителя, в том числе в ситуации возникновения у кредитора права на досрочное исполнение.

В основе этого толкования – оценка такого изменения как неблагоприятного для поручителя.

5. Вопрос, который остался нерешенным

В пункте 27 Пленума № 45 дано толкование, допускающее ситуацию, в которой поручитель заранее дает свое согласие отвечать перед кредитором при переводе на другое лицо долга по основному обязательству.

Заблаговременность согласия обуславливает проблему его отзыва поручителем. Предъявление поручителем соответствующего довода при рассмотрении судом дела по иску кредитора к поручителю потребует от суда оценки последствий такого отзыва. Особенно если оно будет совершено до направления поручителю уведомления о переводе долга на нового должника.

Пленум № 45 разъяснения по обозначенному вопросу не содержит. Доктрине и практике предстоит выработать подход к решению этого вопроса.

Разъяснение последствий отзыва заранее данного согласия поручителя осложняется отсутствием в гражданском законодательстве регулирования отзыва юридически значимых согласий.

Отметим два подхода Верховного Суда Российской Федерации.

1. Разъяснение, которое дано Верховным Судом Российской Федерации по вопросу о возможности отзыва согласия третьего лица на совершение сделки в пункте 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Согласно указанному толкованию третье лицо, давшее предварительное согласие на совершение сделки, вправе отозвать его, уведомив стороны сделки до момента ее совершения и возместив им убытки, вызванные таким отзывом. По аналогии закона применены положения об отзыве акцепта (пункт 1 статьи 6, статья 439 Кодекса).

Этот подход может быть принят, если рассматривать согласие поручителя только как предварительное согласие на совершение сделки.

2. Положения пункта 26 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04 июля 2018 года.

Этот подход основан на недопустимости (по общему правилу) изменения договора в одностороннем порядке (пункт 1 статьи 450 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Рассматриваемое толкование посвящено вопросу о возможности отзыва арендодателем в одностороннем порядке согласия арендодателя на сдачу имущества в субаренду.

Разъяснено, что по общему правилу, если иное не предусмотрено договором аренды, согласие арендодателя на сдачу имущества в субаренду, закрепленное сторонами в качестве условия договора при его заключении, не может быть отозвано арендодателем в одностороннем порядке без внесения изменений в договор по правилам гражданского законодательства.

Такое условие договора аренды может быть изменено только по правилам, предусмотренным гражданским законодательством (пункт 1 статьи 310, пункт 1 статьи 450 Кодекса).

Согласованное сторонами договора условие о праве арендатора сдавать арендованное имущество в субаренду согласно данному толкованию не является предварительным согласием на совершение сделки по смыслу пункта 3 статьи 157.1 Кодекса, которое вправе отозвать давшее его лицо.

Этот подход может быть принят, если рассматривать согласие поручителя отвечать за нового должника в качестве условия договора поручительства.

Lomidze Olga Georgievna, Doctor of Law, Professor, Department of Civil and Business Law, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

Lomidze Eduard Yuryevich, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil and Business Law, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: pismabudut@yandex.ru

**THE MAIN POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
ON SURETY (ACCORDING TO THE RESOLUTION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION "ON SOME ISSUES OF RESOLVING DISPUTES ABOUT SURETY"
DATED DECEMBER 24, 2020 № 45)**

Abstract

The article analyzes the main positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the surety agreement, taking into account the latest act of legal interpretation on this issue. The article discusses the legal nature of the surety and the adjustment of judicial practice in connection with the change in the legal regulation of the surety agreement. The article proposes a variant of resolving a dispute in a situation where the guarantor agreed in advance to answer to the creditor when transferring the debt under the main obligation to another person.

Keywords: *regulation of surety, types of surety, performance of an obligation, term of surety, early performance, act of legal interpretation, civil legislation, consent to a transaction, withdrawal of acceptance.*

II ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ СОЧИНСКОГО ИНСТИТУТА (ФИЛИАЛА) РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ «ПРАВА И СВОБОДЫ В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ»: обзор межвузовской научно-практической конференции

10 апреля 2021 года состоялись II Юридические чтения Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов на тему «Права и свободы в социально-правовом государстве», приуроченные к 160-летию отмены крепостного права в России.

Конференция проходила в двух форматах: офлайн и онлайн. Дискуссионная площадка для обсуждения проблем эволюции и современного состояния прав и свобод в социально-правовом государстве объединила участников из 24 высших образовательных учреждений России и ближнего зарубежья, научно-исследовательских учреждений, представителей Краснодарской краевой организации «Ассоциации юристов России».

Открыл конференцию доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН И.А. Иванников, основатель и организатор конференции. В своем приветствии он подчеркнул актуальность и значимость заявленной темы, необходимость обращения к опыту прошлого, глубокого осмысления достижений, анализа ошибок и упущенных возможностей в построении социально-правового государства.

С приветственными словами к участникам конференции обратились А.В. Богучарский, доктор социологических наук, кандидат исторических наук, заместитель директора Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов по науке, профессор, А.А. Крызула, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Северо-Кавказского филиала Российского университета правосудия, заместитель председателя Краснодарской краевой организации «Ассоциации юристов России», которые отметили важность и необходимость взаимодействия научного сообщества, практиков и управленцев с целью совершенствования системы социально-правового государства в России.

На пленарном заседании в своем выступлении о значении земельной реформы 1861 г. в истории России профессор И.А. Иванников обозначил особенности крестьянской реформы 1861 г. в Российской империи, ее экономические последствия во взаимосвязи с современностью. Крестьянская реформа 1861 г. была первой из числа реформ, привела к отмене крепостного права и положила начало реформам общественного и государственного строя России в 1860-1870-ые гг. Докладчик отметил, что помещики Черноземелья были за безземельное освобождение крестьян. Крестьянская реформа 1861 г. была связана с политическими, экономическими и идеологическими процессами первой половины XIX в. в России и мире. Докладчик привел отзывы о реформе писателя Л.Н. Толстого. В Российской империи после земельной реформы последовали земская, судебная, военная реформы, которые изменили российское общество и государственную власть.

В продолжение темы значения Великой реформы середины XIX в. доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений Южного федерального университета В.А. Матвеев, подчеркнул, что к разработке проекта реформы привлекались и представители российской науки. В ее основу было заложено постепенное изменение существующей практики и, соответственно, как предполагалось, долговременный компромисс. Отмена крепостного права в 1861 г. предопределила последующие преобразования: земскую и судебную реформы 1864 г. В связи с прекращением системы рекрутских наборов для пополнения вооруженных сил в 1874 г. была проведена военная реформа и вводилась всеобщая воинская повинность. Проводившиеся преобразования в России в различных сферах обретали так или иначе системный характер, определив эпоху обновления.

Не без внимания на пленарном заседании остались актуальные вопросы современных преобразований. Так дискуссию вызвало выступление доктора юридических наук, профессора Екатеринбургского государственного юридического университета О.А. Кожевникова, который затронул отдельные вопросы правового регулирования осуществления местного самоуправления на федеральной территории «Сириус». По его мнению, применение правовой конструкции – «орган публичной власти» в том смысле и содержании, который имеется в Федеральном законе от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» не только не основано на едином научно-методологическом подходе к употребляемой в правовых актах терминологии, но и противоречит отдельным положениям действующих норм Конституции. Исходя из действующих правовых позиций Конституционного суда РФ, профессор О.А. Кожевников сделал вывод о том, что наделение органов публичной власти правом на решение вопросов местного значения применительно к такому виду муниципального образования как «городской округ», противоречит как имеющим юридическую силу правовым позициям Конституционного суда РФ, так и положениям действующего Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

Х.В. Пешкова (Белогорцева), доктор юридических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и финансово-правовых дисциплин юридического факультета Воронежского института ФСИИ России в своем выступлении о концепции социально-гуманитарного государства (в финансово-правовом аспекте) отметила, что всеобщая тенденция демократизации коснулась и финансового права в России, что выражено в социально-гуманитарных чертах его норм и конкретных институтов. Например, в подотрасли финансового права – налоговом праве – актуализировались вопросы социально ориентированных льгот и гарантий для граждан в налогообложении, такого режима взимания страховых взносов в различные государственные фонды, который будет учитывать базовые права и свободы граждан на получение пенсий, охрану здоровья и социальную защиту. Подход социально-гуманитарных основ финансового права отвечает идее общей социальной ценности права. Резюмируя свое выступление, Х.В. Пешкова подчеркнула, что финансовое право должно становиться все более социально ориентированной отраслью права, только тогда оно будет действительно на службе государства в аспекте оптимального обеспечения его задач и функций.

Представитель Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права Д.Ю. Виноградова в своем докладе осветила вопрос об особенностях налогообложения государственных крестьян с учетом специфики податной системы Бессарабии в XIX в., привела анализ налогов и податей, которые взимались с основных категорий населения, и выявленные отличия положения государственных крестьян Бессарабии от таковых в других губерниях Российской империи.

В рамках секционных заседаний был поднят широкий круг дискуссионных вопросов по государственно-правовому, гражданско-правовому и уголовно-правовому направлениям, где исторические темы перекликались с современным их звучанием.

В своем выступлении «Право и социальное государство: свобода и равенство в социально-правовом государстве» кандидат юридических наук, доцент кафедры юридического факультета Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС (г. Санкт-Петербург) М.А. Капустина, отметила, что история человечества позволяет сделать вывод, что из всех известных социально-регулятивных инструментов универсальным выступает право. Именно право способно обеспечить взаимодействие и объединение в государство-страну людей, разделяющих разные духовные, художественно-эстетические, этические, религиозные взгляды и убеждения. При этом подчеркивается, что и само государство должно признаваться субъектом права. Следовательно, осуществляя социальную функцию, государство сохраняет свои правовые свойства и выступает участником правовых отношений по оказанию помощи и поддержки своим социально нуждающимся гражданам. Это и есть социально-правовое государство, которое обеспечивает свободу и равенство на правовых основах, гарантируя каждому своему гражданину равную возможность реализовать жизненно-необходимый (витальный) уровень своей правосубъектности.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского института РУДН, кандидат философских наук, доцент Б.А. Камкия посвятил свое выступление проблеме происхождения права и государства, которая по-прежнему не решена однозначно и порождает

дискуссии среди юристов, историков, антропологов и социологов. Б.А. Камкия подчеркнул, что в российской научной литературе преобладает этатистский подход к проблемам генезиса государства и права.

Доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент А.Е. Михайлов в своем выступлении представил теоретико-правовое понимание проблем суверенитета современного государства как комплексного и многоуровневого понятия. Несмотря на традиционность и кажущуюся простоту и обыденность рассматриваемой тематики, она имеет важное теоретическое и практическое значение. Многие вопросы, касающиеся государственного суверенитета, остаются в течение ряда веков, вплоть до настоящего времени, весьма спорными и нерешенными, а потому вызывают многочисленные дискуссии. В результате исследования автор приходит к выводу, что в соотношении государственного суверенитета, народного суверенитета и национального суверенитета – первые два являются выражением верховной и независимой власти, а последний представляет собой политическую свободу, где должны реализовываться права и свободы для социально-правового государства.

Затронуты были и актуальные вопросы информатизации и цифровизации современного общества в контексте прав и свобод человека и гражданина, ценностей социально-правового государства.

Свое сообщение заведующая кафедрой теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН, кандидат юридических наук, доцент Ф.Г. Камкия посвятила теме искусственного интеллекта в правовом и этическом аспектах, подчеркнув ее чрезвычайную актуальность в связи со стремительным развитием информационных технологий, в том числе в юридической сфере, в государственном управлении, где с разной долей успешности развиваются ИТ с целью повышения качества государственных услуг. Наиболее обсуждаемые аспекты: искусственный интеллект в контексте прав человека, правовые аспекты взаимодействия судебной власти и искусственного интеллекта, о перспективах признания концепции «квазисубъектности», этические вопросы активного и повсеместного включения искусственного интеллекта в жизнь социума, обращено внимание на то, что искусственный интеллект должен подчиняться правилам, сложившимся в обществе.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН, кандидат исторических наук, доцент В.В. Соловьева в докладе о проблемах обеспечения информационной безопасности личности отметила, что вместе с преимуществами современное общество оказалось перед вызовами, катализаторами которых стали именно информационные технологии. Информационные войны, использование ИТ в террористических и экстремистских целях, киберпреступления, и как следствие, вынужденное и санкционируемое государством сужение автономии индивидуального информационного пространства и ограничения свободы информации, информационно-психологические угрозы, такие как неконтролируемый поток негативной информации, взлом личных аккаунтов, кибертроллинг, – все это и многое другое несет нарастающую угрозу безопасности личности, а правовая система общества пока не готова сформировать и предоставить эффективную ее защиту. Резюмируя свое выступление, В.В. Соловьева подчеркнула, что, не смотря на существующие и будущие вызовы в информационном обществе, правовая система в своем развитии не должна идти по пути умаления тех гарантий прав и свобод, которые уже достигнуты немалой ценой, очень важным является сохранение баланса частных и публичных интересов в данной сфере в целях предотвращения формирования цифрового тоталитарного государства.

Выступление доцента кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН И.З. Сухановой было посвящено административно-аграрным преобразованиям на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX в. В выступлении подчеркнуто, что важным этапом реформ стало объявление с 1 ноября 1868 г. свободными от крепостной зависимости крестьян Кубанской области, также упразднились ранее существующие учреждения управления гражданским населением и формировались новые, введен институт старшин, обязанности окружного начальника исполнял штабс-офицер царской армии. Так как земли в основном отдавались на откуп лояльной местной знати, то реформа затягивалась и широко распространялась спекуляция государственными землями по договорам аренды и субаренды. Царская администрация проводила жесткую колониальную политику,

реформа не решила проблему наделения крестьян землей, а изменения общественного уклада местного населения привели к появлению новых форм правоотношений и включению Северо-Западного Кавказа в общероссийскую цивилизацию.

В.Д. Резван, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, посвятил свое выступление актуальным вопросам правового регулирования спелеологической деятельности в историческом и современном аспектах. Докладчиком было отмечено, что в настоящее время в России практически завершен процесс перехода к качественно новой («рыночной») социально-экономической системе, и концепция рационального использования природно-рекреационных ресурсов неизбежно обуславливает целесообразность коммерческой эксплуатации закарстованных территорий и участков недр с пещерами, подземное пространство которых (спелеопространство) приобретает значение экономической категории - спелеоресурсов, а проблема правового регулирования в данной сфере выходит за рамки локального права спелеологической корпорации и должна решаться на федеральном уровне за счет унификации соответствующих эколого-правовых институтов в Российской Федерации с международными и зарубежными нормами «пещерного» права.

В рамках работы уголовно-правового направления конференции был обсужден доклад доцента кафедры уголовно-правовых дисциплин Сочинского филиала РПА Минюста России, кандидата юридических наук, доцента А.Н. Ратькова «Уязвимые гарантии соблюдения прав и свобод граждан в процедурах досудебного производства по уголовным делам». В своем выступлении А.Н. Ратьков обосновал «бесправие» лица, лишённого свободы передвижения при его задержании по подозрению в совершении правонарушения, так как ни один закон не закрепляет его статус в этом случае, до доставления в соответствующий орган дознания. Завершил свое выступление докладчик анализом проблем, существующих при производстве расследования в сокращенной форме дознания, после которого дело без каких-либо вариантов подлежит рассмотрению в особом порядке судебного разбирательства, где собранные не в надлежащем порядке доказательства на досудебной стадии, без их исследования в суде кладутся в основу обвинительного приговора.

В продолжение темы С.В. Дёменко, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Классического частного университета (Украина, г. Запорожье) акцентировал внимание на кризисе украинской уголовно-правовой политики. По мнению докладчика, на общую ситуацию политической, экономической, социальной жизни и на фактическую реализацию прав и свобод человека в Украине оказала и оказывает уголовно-правовая политика государственных органов, которая, опираясь на имплементацию иностранного и международного законодательства должна надежно привязать трансформируемый социум к механизмам внешнего управления. Завершением очередного этапа таких реформ станет принятие нового уголовного кодекса, который поставит жирную точку в истории развития независимой украинской уголовно-правовой доктрины.

В результате работы конференции, активных дискуссий по самым актуальным направлениям развития правовой науки и правореализации, ее участники согласились с тем, что поднятые проблемы требуют дальнейшего глубокого осмысления, носят комплексный характер, акцентируют необходимость сотрудничества юридической науки и государственной власти с целью повышения эффективности принимаемых законодательных решений и их воплощений. Лейтмотивом такого сотрудничества должны оставаться конституционные ценности и новые возможности для полноценной реализации прав и свобод человека в социально-правовом государстве.

Соловьева В.В.,
канд. ист. наук, доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов

Х МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ПРОЕКТУ «ПРАВОВОЙ МИР КАВКАЗА»

27 мая 2021 года в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС прошла X Международная научно-практическая конференция «Современное государство и право: понятие, основные тренды развития», организованная кафедрой теории и истории права и государства, центром правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС. Тематика конференции связана с новым направлением **Школы правового мышления** ЮРИУ РАНХиГС «Непреодолимая юриспруденция». Ее основателем является д.ю.н., профессор, президент Ассоциации юристов Кавказа, директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС *Шапсугов Дамир Юсуфович*, который выступил с пленарным докладом на тему «Об особенностях мышления и познания в исследованиях современного государства и права».

На конференции выступили: *Исмайлов Хайям Джабраил оглы*, докт. юрид. наук, профессор Бакинского государственного университета. Приветствие от имени юридического факультета (тема выступления: «К вопросу о соотношении религиозного и светского законодательства в Азербайджане в первой половине XIX века»), *Иванников И.А.*, докт. юрид. наук, докт. полит. наук, профессор, декан юридического факультета Сочинского института (филиала) РУДН. Приветствие от имени юридического факультета (тема выступления: «Антропологическое измерение законодательства и практики его реализации»), *Цалиев А.М.*, докт. юрид. наук, профессор, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин СКГМИ, заслуженный юрист РФ («Об актуальных проблемах государственности республик РФ»), *Баранов П.П.*, докт. юрид. наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, заслуженный деятель науки Российской Федерации («Проблемы ограничения прав и свобод граждан»), *Шатковская Т.В.*, докт. юрид. наук, профессор ЮРИУ РАНХиГС («Становление публично-правовых оснований Российского государства: к юбилею юридического оформления Российской империи»).

Оригинальные научные идеи были обоснованы в выступлениях доцентов *Радачинского Ю.Н.* (проблема юридической ответственности), *Леусенко Д.А.* (проблемы интегрального правопонимания), *Федоренко С.П.*, ст. преп. ЮФУ *А.С. Кононий* (проблемы цифровизации в праве).

В рамках конференции прошла презентация 19 тома Антологии памятников права народов Кавказа, в котором представлены памятники права Азербайджана, связанные с образованием Демократической Республики Азербайджан и последующим развитием государства и права Азербайджана. Презентацию провел автор тома докт. юрид. наук, профессор *Хайям Джабраил оглы Исмайлов*.

Проф. Д.Ю. Шапсуговым были анонсированы результаты работы ученых в рамках проекта «История государства и права народов Кавказа» – учебник для юридических вузов Кавказа: издана первая часть учебника, посвященная истории государства и права Азербайджана, Дагестана, балкарцев, карачаевцев, ингушей; сдана в печать вторая часть учебника, в которой изложена история государства и права чеченского и осетинского народов. Ведется работа по включению в учебный план подготовки юристов в вузах Кавказа новой дисциплины «История государства и права народов Кавказа» по мере создания учебно-методического обеспечения ее преподавания.

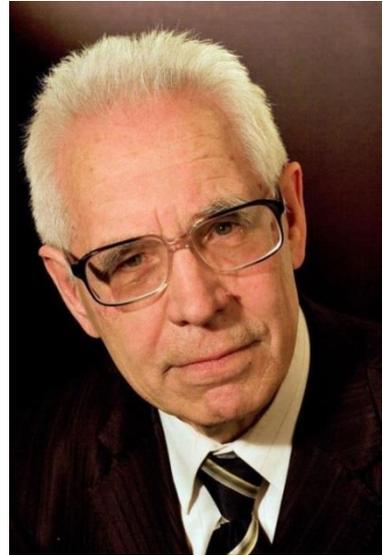
Всего в мероприятии приняли участие 25 ученых из вузов России и зарубежных стран.

Шатковская Т.В., докт. юрид. наук, проф.,
Радачинский Ю.Н., канд. юрид. наук, доц.,
Брюханова Н.В., канд. экон. наук, доц.,
директор учебно-научного центра
(ЮРИУ РАНХиГС)

К ЮБИЛЕЮ В.М. СЫРЫХ

27 июля 2021 г. исполняется 80 лет замечательному отечественному ученому-юристу, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ **Владимиру Михайловичу Сырых.**

Владимир Михайлович, выходец с Алтайского края, в 1965 г. окончил Новосибирский факультет Свердловского юридического института. После обучения в аспирантуре ВЮЗИ в г. Москве защитил в 1970 г. под руководством А.М. Васильева кандидатскую диссертацию на тему: «Структура, система, генезис как элементы исторического и логического методов познания права». В 1995 г. – докторскую диссертацию «Метод общей теории права».

В 1970–2001 гг. он работал в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. В настоящее время – главный научный сотрудник, руководитель направления исследования теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия.

Владимир Михайлович глубокий и разносторонний ученый. Именно о таких говорят: энциклопедист. Предметы его исследований – методология и теория права, социология и история права, история и методология правовой науки, а также сфера образовательного права. Неудивительно, что несколько лет назад была издана целая книга, посвященная вкладу В.М. Сырых в отечественную юридическую науку¹.

Он автор около 40 монографий, учебников, учебных пособий и почти полутора тысяч статей, иных публикаций. Его основные научные труды: «Метод правовой науки: Основные элементы и структура» (М., 1980); «Логические основания общей теории права». Т. 1: Элементный состав; Т. 2: Логика правового исследования (М., 2000, 2004); Т. 3: Современное правопонимание (М., 2007); «Образовательное право как отрасль российского права» (М., 2000); «Введение в теорию образовательного права» (М., 2002); «Н.В. Крыленко – идеолог советского правосудия» (М., 2003); «Социология права» (М., 2012); «Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское» (М., 2018); «Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву» (М., 2020).

Наиболее значимой в творческой биографии В.М. Сырых является трехтомная монография «Материалистическая теория права» (М., 2011), посвященная раскрытию и обоснованию основ этой научной концепции.

Отметим также написанные им и выдержавшие многочисленные переиздания учебники по истории отечественного государства и права и теории государства и права, социологии права, а учебник по истории и методологии юридической науки стал настольной книгой юристов-магистрантов российских вузов.

¹Чернобель Г.Т. В.М. Сырых – методолог, теоретик, социолог и историк права. Научная биография. М.: Изд-во РАП, 2011.

Владимир Михайлович не только ученый, но и прекрасный организатор научных исследований. По его инициативе, под его руководством и при непосредственном участии впервые в истории российской юридической науки проведена систематизация более четырех тысяч биографий ученых-правоведов России, трудами и усилиями которых на протяжении тысячелетия создан современный на уровне мировых достижений потенциал правовой науки. Примерно треть биографий подготовлена непосредственно В.М. Сырых или в соавторстве с ним. Результаты систематизации изложены в 4-томном Энциклопедическом словаре «Правовая наука и юридическая идеология России» (М., 2009–2015) общим объемом около 500 печ. листов. Благодаря этому «Словарю», воссоздана преемственность научных поколений, действовавших на разных этапах истории отечественной правовой науки, извлечены из небытия многие славные имена российских ученых-правоведов.

В настоящее время близок к завершению (из печати вышло уже 7 томов) крупный исследовательский проект «История суда и правосудия в России». Это 9-томное издание впервые в отечественной историко-правовой науке представляет системное изложение трудной, противоречивой и вместе с тем замечательной десятивековой истории отечественного правосудия. В.М. Сырых является не только координатором проекта и руководителем авторского коллектива; его перу принадлежат 6-й и 7-й тома названного исследования, посвященные советскому правосудию 1917–1956-го годов.

Ежегодные конференции по проблемам теории права, государства, теории и истории правосудия, проводимые в Российском государственном университете правосудия, ставшие одним из наиболее авторитетных научных форумов ученых-юристов в стране, – в значительной мере дело рук и научного авторитета В.М. Сырых.

Владимир Михайлович – яркая личность с прекрасными человеческими качествами, работой с ним гордятся коллеги, дружбой дорожат видные ученые. Поздравляя Владимира Михайловича с юбилеем, юридическое сообщество России уверенно ждет новые фундаментальные научные труды по ключевым вопросам развития юридической науки, юридического бытия нашего общества, выполненные в образцовом научном стиле, адекватном развивающейся жизни, благодаря сибирским корням и утонченному столичному мышлению юбиляра!

*Редакционная коллегия журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

Рукопись, подписанная автором (авторами), представляется в редакцию на электронном и бумажном носителях. Рукописи аспирантов дополняются рекомендацией к печати научным руководителем.

Объем научной статьи должен быть от 20 до 40 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

– заголовок статьи;

– фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, звание, организация (вуз), полный почтовый адрес организации, контактные данные автора (электронная почта, телефон для связи);

– аннотация 10-12 строк;

– ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать её содержимое.

3) Список литературы следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В.И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М.Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2021

Выход в свет 30.06.2021. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 2508-21

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru